

Эсеровский нелегал и гулаговский генерал

Николай Николаевич Алексеев (1893–1937) был весьма крупной личностью. Об этом заметном политике революционных лет, видном разведчике и ещё более выдающемся специалисте в области чисто карательной за последние годы кое-что уже написано. Но биография Николая Николаевича отменно богата и в ней ещё очень много непроясненного. Настоящий очерк концентрируется именно вокруг этих неизученных эпизодов.

Уже семейное окружение нашего героя вызывает немалое любопытство. Он происходил из семьи земского уездного агронома и народной учительницы. Неизвестно, были ли Алексеевы-старшие людьми левых взглядов, но, по крайней мере, все их сыновья и дочери стали революционерами, с отроческих лет примыкая к наиболее экстремистскому крылу — партии социалистов-революционеров.

Правда, как говорится, в семье не без урода. Старший брат Борис входил в ПСР, скрылся от преследований за границу, а после возвращения из эмиграции... работал на царскую полицию. В 1906–1907 гг. Алексеев-старший был разоблачен как агент охраны и после партийного суда, который грозил ему самыми скверными последствиями (эсеры имели обыкновение уничтожать предателей), смог благополучно скрыться. В историческое небытие Борис Алексеев провалился чрезвычайно основательно — даже советским карательным органам о его местонахождении ничего не было известно и в 1940 г. Возможно, что эсер-перевёртыш сгинул в гражданскую либо обосновался за границей и начал там вторую жизнь.

Старшая сестра Надежда родилась в 1888 г., получила среднее образование, в 1905–1918 гг. была эсеркой, а в 1920 г. вступила в коммунистическую партию. В 1920–1921 гг. она состояла на службе в Красной Армии. Когда начался «Большой террор», Алексеева-старшая заведовала хлопчатобумажной базой в Ярославле. После ареста областной верхушки Алексееву 20 июня 1937 г. исключили из партии «за связь с врагами народа» А. Р. Вайновым (секретарём обкома — А. Т.), завотделом обкома ВКП (б) Н. С. Журавлёвым и Колотиловым. Её апелляция в Комиссию партконтроля оказалась безуспешной: в сентябре 1939 г. КПК при ЦК ВКП (б), отметив, что брат и сестра Надежды Алексеевой были репрессированы как враги, подтвердила исключение.

Вторая сестра нашего героя — Вера Алексеева — была на два года старше Николая и родилась в д. Торжок Тверской губернии. Она не закончила своё высшее образование, поскольку в революционное движение окунулась ещё в 14-летнем возрасте, в год первой русской революции. С 1912 г. Вера состояла в партии эсеров, а в 1917–1919 гг. была левой эсеркой и примыкала к эсерам-борьбистам на Украине. Сразу после Октябрьского переворота она оказалась на культработе в Москве, но не надолго. Тыловая жизнь была не по Вере, боевой характер увлекал её в самую гущу событий.

Как и младший брат, Вера после Брестского мира уехала на юг и до 1920 г. вела активную подпольную работу в Одессе, Харькове и Ростове. С окончанием гражданской войны Вера Николаевна стала правоверной большевичкой и нашла себя в системе партийного просвещения в Харькове и Житомире. Выпустила, между прочим, книжку «1905 год в Харькове». В 1930-х гг. бывшая эсерка работала ответственным контролёром при уполномоченном Комиссии партконтроля при ЦК ВКП (б) по Орджоникидзевскому краю в Пятигорске. Там её 3 августа 1937 г. арестовали и до 1 апреля 1939 г. держали в тюрьме (это сведения архива КПК; согласно Книге памяти Ставропольского края, арест последовал 4 декабря 1938 г.). После освобождения из чекистского застенка в связи с прекращением дела следы её теряются [1].

Карьера эсера, борьбиста, коммуниста

Николай был младшим. Может показаться, что он до определенного момента повторял судьбу сестёр, идя от эсеров к их левому крылу, чтобы потом примкнуть к большевикам. На самом деле именно младший брат, родившийся в г. Ржеве Тверской губернии 1 ноября 1893 г., политически влиял на своих сестёр, ибо в своей карьере он пошёл чрезвычайно далеко. Идею становление младшего поколения семейства Алексеевых произошло в Харькове, куда оно после смерти отца перебралось в 1907 г. из Ржева. В партию социалистов-революционеров Алексеев вступил семнадцатилетним — в конце 1910 г. Окончив 1-ю Харьковскую гимназию, гимназию, он проучился один курс на физико-математическом факультете МГУ, а затем поступил на юрфак Харьковского университета, мечтая приобрести специальность, нужную народу. На жизнь Николай подрабатывал службой в статистическом бюро.

В организации харьковских эсеров Николай вскоре занял видное место, став членом нелегального губкома партии. Руководящими работниками в организации были такие видные эсеры, как В. А. Карелин, А. Л. Колегаев, В. А. Агласов. Активное участие молодого борца с царизмом в организации подпольных кружков и типографий не осталось незамеченным властями. 6 января 1915 г. Алексеев был арестован за связь с эсеровской организацией. Следствие шло почти год. Военный суд в декабре 1915 г. весьма высоко оценил деятельность революционера, присудив ему по ст. 102, ч. 1 четыре года каторжных работ. Благодаря тому, что арест произошёл, когда Алексею два месяца как исполнился 21 год (возраст совершеннолетия в царской России), основные эпизоды его преступной деятельности относились к периоду, когда подсудимый был не вполне правоспособным и правоответственным. Вероятно, в связи с этим каторжные работы эсеру были тут же заменены на четырёхлетнюю ссылку в большое с. Тулун Иркутской губернии. В Сибири Алексеев пробыл недолго — Февральская революция не только освободила его, но и предоставила широкие возможности для политической карьеры.

Карьера эта началась ещё в царской армии, куда его мобилизовали в начале 1917 г. Прослужив несколько недель, он был избран товарищем председателя полкового комитета 35-го запасного полка. Эта была первая ступенька.

Вернувшийся из Сибири Алексеев в течение немногих месяцев стремительно выдвинулся в число видных политиков. Демобилизовавшись, он с мая 1917 г. приступил к работе в Харьковском губкоме партии левых эсеров-интернационалистов. Сначала Николай был избран зампредела Совета крестьянских депутатов в Харькове, а уже в июне стал членом президиума 1-го Всероссийского съезда Советов в Петрограде. В августе Алексеев входит в инициативную группу по созыву Совещания общественных деятелей в Москве, но этот опыт политического компромисса из-за противодействия большевиков оказался неудачным: М. В. Родзянко, П. П. Рябушинский и В. А. Маклаков плохо сочетались с радикальными социалистами, хотя меньшевики и эсеры были за коалицию с более умеренными партиями.

От Харьковского округа член так называемого Предпарламента Алексеев вскоре прошёл в депутаты Учредительного собрания, в котором, кстати, нашлось место заметному количеству будущих создателей карательной системы: от Ф. Э. Держинского и его заместителя в ВЧК-ГПУ И. С. Уншлихта, одного из палачей царской семьи наркомвнудела А. Г. Белобородова и председателя Петрочека М. С. Урицкого до начальников особых отделов фронтов И. А. Апетера и К. И. Ландера. Причём Апетер и Алексеев на закате своей чекистской карьеры стали столпами лагерной системы: первый работал начальником Соловецкой тюрьмы, второй — помощником начальника ГУЛАГа.

Во второй половине 1917 г. и январе 1918 г. Алексеев активно участвовал в работе 2-го и 3-го Всероссийских съездов рабочих и солдатских депутатов. После большевистского переворота левые эсеры, поддержавшие Ленина, стали его союзниками. Алексеев вскоре после образования Совнаркома получил солидную должность заместителя наркома земледелия, оказавшись ближайшим помощником ещё одного выходца из харьковской эсеровской организации — А. Л. Колегаева. Именно Колегаев с Алексеевым и осуществляли Декрет о социализации земли, узаконивший разгром наиболее культурных помещичьих хозяйств и перераспределение дворянских и кабинетских земель в пользу, в первую очередь, зажиточных крестьян.

Алексеев работал активно: за период с декабря 1917-го по март 1918 г. он принял участие в 11 заседаниях Совнаркома из 52-х и, в частности, был одним из авторов проекта принятого 22 февраля декрета об учреждении Чрезвычайной комиссии по разгрузке (эвакуации) Петрограда в связи с угрозой германского наступления. На время отсутствия Колегаева Алексееву предоставлялось право решающего голоса. Но уже в марте 1918-го эсеры ушли из Совнаркома в знак протеста против Брестского мира. Алексеев тут же уехал на столь знакомую ему Украину воевать с немцами [2] .

Он воевал до лета в армии К. Е. Ворошилова, командуя 2-м отрядом левых эсеров и отступая с боями от Харькова до Царицына. Затем некоторое время находился в Москве, где вошёл во временное Центральное оргбюро созданной в сентябре 1918 г. Украинской ПЛСР, подменявшее ЦК. Партией, созданной из ряда украинских левозесеровских групп, руководили В. М. Качинский, Б. Д.

Камков, Е. П. Терлецкий; Алексеев был в числе видных организаторов. Осенью Николай Николаевич перебрался в Воронеж, где находился левоэсеровский Центр повстанческой работы. Затем нелегально вернулся на Украину и при наступлении на Харьков входил в Центральный штаб повстанческих отрядов (вместе с Дмитрием Поповым, Юрием Саблиным, Яковом Фишманом и другими известными эсерами) [3]. В январе — феврале 1919 г. украинские партизаны вместе с красными войсками захватили Харьков, Полтаву, Екатеринослав и Киев.

Политик расчётливый и способный предвидеть события, Алексеев сделал выводы из прошедших в начале 1919 г. массовых арестов левых эсеров в городах России, Украины и Белоруссии. Уже в марте 1919 г. вместе с В. М. Качинским, Е. П. Терлецким, братьями Г. и Л. Смолянскими он отколол от украинских левых эсеров радикальную группу, образовавшую Украинскую партию левых социал-революционеров (борьбистов) и начавшую активно сотрудничать с большевиками. Это событие произошло на 2-м съезде УПЛСР, где Алексеев не смог навязать делегатам решение признать большевиков. Составив Центральное оргбюро меньшинства, борьбисты захватили партийную газету «Борьба» и, по сведениям Зинченко, «взяли» кассу Киевского комитета. В Киеве в мае состоялся 3-й съезд, провозгласивший создание партии борьбистов, на котором Алексеев, разъясняя смысл этого названия, связывал его с лозунгом эсеров «В борьбе обретёшь ты право своё».

В это время политическая ситуация очередной раз резко обострилась: денкинская армия начала успешное наступление на Украину, захватив и незадолго до того освобождённый от белых Киев. В конце июля 1919 г. — перед эвакуацией из Киева — в среде борьбистов шли острые заседания с участием Н. Н. Алексеева, М. С. Горба, В. М. Качинского, Г. Б. Смолянского, С. Д. Мстиславского, В. И. Ревзиной и других виднейших украинских левых эсеров. Поскольку после разгрома в Москве так называемого левоэсеровского мятежа партия превратилась в постоянную мишень со стороны ЧК, часть её лидеров склонялась к капитуляции перед коммунистами.

Михаил Горб говорил своему знакомому Леониду Зинченко, что Алексеев прямо поставил вопрос о вступлении в РКП (б) — ради сохранения хоть какого-то политического влияния. Горб и ряд других чекистов поддержали Алексеева. Против резко выступали Вера Ревзина и некоторые другие. Во время эвакуации в Казань Зинченко плыл на одном пароходе со спасавшимися от белых сотрудниками Всеукраинской ЧК во главе с заместителем ВУЧК А. В. Шишковым. От чекистов Зинченко слышал, что Николай Николаевич несколько раз встречался с главой ВУЧК М. Я. Лацисом и что тот Алексееву якобы не доверял. О контактах Алексеева с Лацисом знали Смолянский и Качинский [4].

Не добившись сразу победы своей точки зрения, Алексеев сделал паузу. Во время денкинской оккупации Украины во второй половине 1919 г. он возглавлял подпольный обком борьбистов в Одессе, руководил боевыми группами и партизанскими отрядами. Затем, после успехов в борьбе с

деникинцами, политический флирт борьбистов с коммунистами продолжился. Группировка Алексеева контактировала с большевиками, добиваясь определённых гарантий и привилегий.

Хотя борьбисты выступали за замену диктатуры пролетариата на «диктатуру всех трудящихся», были противниками комбедов и к тому же являлись изрядными националистами, украинские коммунисты сочли за благо воспользоваться поддержкой популярных в деревне эсеров. Почти 8-тысячная партия борьбистов была слишком заметна на украинской политической сцене, и большевики в конце 1919 г. согласились на вхождение её представителей в правительство, а также местные органы власти. Это вполне укладывалось в традиционную большевистскую практику использования, по словам Ленина, «полезных буржуазных идиотов».

Поскольку Алексеев оставался сторонником слияния с коммунистами, то весной-летом 1920 г. он, контролируя со своими единомышленниками Политбюро, стал одним из ликвидаторов собственной партии. 10 августа 1920 г. Алексеев подписал обращение о слиянии партии борьбистов с РКП (б). Те борьбисты, кто не согласился примкнуть к ленинцам, попытались заключить союз с левыми эсерами-интернационалистами, но образовавшаяся партия оказалась маловлиятельной. Таким образом, в течение года Алексееву удалось нанести левоэсеровскому движению на Украине два сокрушительных удара и как следует помочь большевикам «зачистить» политическое пространство.

За эти неоспоримые заслуги Алексееву (как и Терлецкому) засчитали стаж пребывания в РКП (б) с мая 1919 г., то есть с момента вступления в ряды борьбистов. В советизированной Украине Николай Николаевич сразу стал видным партийным чиновником. Когда из Одессы 7 февраля 1920 г. ушли белые, он стал членом Одесского губревкома, а в 1921 г. заведовал орготделом Харьковского губкома КП (б) У, активно занимаясь строительством партийного аппарата в провинции [5]. Для компартии размежевание среди украинских левых эсеров стало одним из важнейших политических достижений. И доверие к Алексееву, активно участвовавшему в расколе эсеров, а потом добившемуся слияния партии борьбистов с большевиками, было очень велико.

Против Савинкова и Чайковского

Но в республиканской партноменклатуре он не задержался. В 1920 г. Алексеев стал сотрудничать с военной разведкой, которая запланировала отправить его во главе спецгруппы за кордон. Однако в начале 1921 г. Феликс Дзержинский, озабоченный кадровым пополнением недавно созданного Иностранного отдела ВЧК, «перехватил» Алексеева для выполнения секретных операций ВЧК за рубежом, воспользовавшись его опытом матёрого подпольщика и знанием иностранных языков. Дзержинский добился принятия постановления ЦК об отправке Алексеева и ряда других украинских партийцев (И. В. Запорожца, М. С. Горба) в распоряжение ИНО. Окончание самого острого периода

гражданской войны позволило ВЧК перейти к интенсивному насаждению нелегальных резидентур в Европе.

Интересно, что эсеры забрасывали руководителя ВЧК заманчивыми предложениями организовать за границей ликвидацию Бориса Савинкова. В архиве Дзержинского сохранилось письмо Х. Г. Раковского, написанное в январе 1921 г. В нем излагалось предложение группы бывших левых эсеров, вступивших в компартию, совершить теракт против Савинкова. Но Дзержинский 19 января ответил отказом: «Ко мне уже несколько раз обращались добровольцы из б[ывших] эсеров (разных толков) с предложением убить Савинкова. Я отклонял эти предложения, так как считаю, что такие авантюры нам никогда никакой пользы причинить не могут — а могут быть санкцией для их актов против наших товарищей. Но второе их предложение — наблюдение за Керенским, Зензиновым, Черновым и др. — вполне приемлемо, и желательно, если это люди для этого подходящи. М[ожет] быть, им пройти через фильтр Манцева и приехать к нам в Москву для дальнейшего направления за границу. [...] Среди эсеров сейчас большое оживление, собирают свои силы, надеются, что весной власть перейдет к ним в руки как зрелый плод» [6]. Председатель ВЧК, считавший Савинкова опаснейшим врагом, в итоге направил за кордон большую разведгруппу, которая была призвана внедриться в савинковские группы.

Ставшие известными факты говорят о том, что формирование большой разведгруппы под руководством Алексеева началось ещё в 1920 г. О её составе можно узнать из показаний одного из участников этой закордонной операции — врача-эсера Л. Н. Зинченко, арестованного в 1937-м на Алтае. От Леонида Зинченко были получены нужные следствию свидетельства о шпионской деятельности группы Алексеева, но среди выдумок о вербовке наших разведчиков белоэмигрантами обнаружились интересные факты о первых советских нелегалах. Очень многие историко-биографические детали, сообщённые Зинченко, хорошо проверяются и совпадают с известными архивными и мемуарными свидетельствами.

Любопытную информацию о работе группы можно найти в опубликованных воспоминаниях Надежды Улановской, по чекистскому заданию (внешне замаскированному инициативой видного украинского большевика В. П. Затонского) вместе с мужем-анархистом А. П. Улановским ездившей в начале 1920-х гг. в Берлин. Отметим, что самые активные контакты с ЧК со стороны украинских левых эсеров и анархистов начались сразу после полной победы большевиков.

Характерен в этом отношении пример Леонида Зинченко, который с марта 1920 г. находился на польском фронте, мобилизованный туда борьбистами. Вскоре Зинченко вступил в компартию. В июле 1920 г. во время командировки в Киеве он повстречал своего старого киевского приятеля Мишу Горба, предложившего Леониду поехать за рубеж — как знающему языки — для секретной работы по линии ЧК. Тот дал принципиальное согласие и убыл

обратно на фронт, а примерно в октябре 1920 г. в санчасти фронта Л. Зинченко объявили о переводе в распоряжение Киевского губкома КП (б) У.

В Киеве Горб направил Зинченко к начальнику Регистрада армии Б. С. Северному — то есть сначала к тайной миссии неопита должна была готовить военная разведка. Но затем Зинченко оказался в распоряжении чекистов и смог собственными глазами наблюдать постепенное формирование спецгруппы Алексеева, проходившей упомянутый Дзержинским «фильтр Манцева», главаря чекистов Украины, гордившегося прозвищем «кровавый». По, вероятно, политическим причинам из неё отвели известных украинских эсеров С. Д. Мстиславского (будущего писателя), который был против самоликвидации борьбистов, а также Ревзина. Ставшие вскоре видными разведчиками Николай Алексеев, Иван Запорожец и Василий Зеленин часто ездили из Харькова в Москву совещаться с Лубянкой, в Киеве же закордонными делами активно заправлял Михаил Горб [7].

На службе в ЧК оказались многие бывшие левые эсеры. Для украинских властей откомандирование Алексеева означало ослабление позиций бывших борьбистов (а среди них были такие заметные личности, как Г. Ф. Гринько, П. П. Любченко, А. Я. Шумский, которые заняли крупные должности в республиканской номенклатуре), что, разумеется, положительно воспринималось верхушкой КП (б) У. Когда началось сотрудничество Николая Николаевича со спецслужбами, пока точно сказать нельзя. Не исключено, что его успешная работа по разложению украинских эсеров была результатом негласных соглашений с советской тайной полицией.

Само проникновение в могущественный чекистский аппарат выглядело тогда гарантией выживания и предпосылкой неплохой карьеры. На эту наживку клюнули очень многие левые эсеры. Подался на службу в ГПУ В. М. Качинский. Хороший знакомый Алексеева М. С. Горб стал штатным чекистом уже в феврале 1920 г., а в начале 20-х с документами на имя М. Червякова работал резидентом в Германии. Видный борьбист И. В. Запорожец, являвшийся в 1920 г. членом Киевского губкома КП (б) У, с апреля 1921 г. работал в военной разведке, а несколько месяцев спустя был переведён в штаты ИНО ВЧК. По сведениям Л. Н. Зинченко, Алексееву предложили работать за кордоном летом 1920 г., после чего началась основательная и долгая организация специальной разведывательной группы.

Вероятно, Алексеев в качестве условия своей поездки в Европу поставил возможность личного отбора кандидатов в разведгруппу, в результате чего в её составе оказались сплошные выходцы из левоэсеровской партии. Ехать должны были под видом эмигрантов, целыми семьями, уделяя особое внимание созданию надёжного прикрытия для наиболее ценных членов группы. Остальные должны были перебираться за кордон по своему умению и везению — так, Улановским выдали огромное количество бриллиантов и валюты, но не озаботились найти хоть каких-нибудь документов, и их супружеская пара

разведчиков по счастливой случайности ухитрилась купить прямо у проводника во время перехода эстонской границы.

Как отмечал Зинченко, к январю 1921 г. стало ясно, что из киевлян в Европу поедут Горб с женой и его дядя А. М. Уманский, журналист и бывший издатель питерских газет (Уманский в качестве известной фигуры, «вырвавшейся» из лап большевиков, должен был обеспечивать конспиративное прикрытие для Горба и Алексеева; именно он, редактируя газету «Живое слово», опубликовал 5 июля 1917 г. сведения о подкупе большевиков германским генштабом [8]), а также сам Зинченко с Евгенией Фёдоровной Суховой, которая должна была сыграть роль его жены. Ещё в группу включили Григория Гуревича-Волкова с женой Екатериной, Бресслера — бывшего левого эсера, ставшего коммунистом и председателем Киевского горкомхоза (с женой), а также брата жены Алексеева — анархиста Вейцмана (Н. А. Улановская запомнила его кличку — Дух). Вместе с Зинченко должен был ехать врач Литов с женой, отец которой жил в Чехословакии и должен был помочь «эмигрантам» с визой.

В феврале киевская группа выезжала в Харьков, где общалась с готовившими отправку Алексеевым, Запорожцем и Зелениным. В марте и апреле 1921 г. из Харькова и Одессы прибыли ещё несколько человек, которые оказались незнакомы Зинченко. Возможно, это были перевербованные в тюрьмах агенты Савинкова — золотой капитал Иностранного отдела ВЧК.

Киевские чекисты высказывали в разговорах с Зинченко неудовольствие по поводу того, что Алексей со своими левыми эсерами до сих пор «дела не делает, а тратит много денег, что в их группе нет настоящих большевиков и т. п.». Была ли это правдивая информация, или Зинченко её приводил для компрометации Алексеева, сказать трудно. Но, действительно, до весны 1921 г. среди будущих разведчиков не было ни одного коммуниста, и только в конце мая в группу Алексеева прибыл большевик Иосиф Мах из Москвы. Уже в июне он уехал отдельно от остальных с неким личным заданием Алексеева. Горб в конце 1922 г. рассказывал Зинченко, что поездка Маха оказалась неудачной — он выбирался через Ригу, был провален и даже получил ранение... [9]

В июне 1921 г., перед самой заброской группы, в Киев прибыли Алексей с женой, а также Запорожец и Зеленин. Они провели беседы с киевской частью группы, наметили задания каждому и уехали. Тогда Зинченко узнал, что Алексей назначен «главным резидентом с местожительством в Париже», с которым будут связаны Горб, Запорожец и Зеленин. Зинченко и Бресслер передавались на связь к Зеленину. В течение июня-июля киевская и харьковская группы были переброшены за кордон — кроме Г. Гуревича-Волкова с женой, которых Алексей (по версии Зинченко) оставил на Украине для связи с левыми эсерами, не вошедшими в компартию.

По данным, опубликованным Службой внешней разведки, Николай Николаевич возглавлял группу из семи разведчиков, которые, выдавая себя за беженцев из Москвы и Харькова, должны были осесть в Праге, Львове и Париже, чтобы

внедриться в «Народный союз защиты родины и свободы» Б. В. Савинкова. В тесном контакте с ним действовали и разведчики, которые должны были тайно проникнуть в «Центр действия» Н. В. Чайковского, а также организации П. П. Скоропадского и С. В. Петлюры. Украинскими националистами занимался И. В. Запорожец, берлинских белоэмигрантов курировал М. С. Горб, а сам Алексеев обосновался сначала в Берлине, а потом в Париже, где его ближайшим помощником был В. Зеленин. В итоге за границу, помимо основных резидентов, были переброшены Зеленин, Бресслер, Зинченко, Вейцман-Дух с женой Розой, Литов, Улановские, а также бывшие белые офицеры Потоцкий и Павлов. Вполне возможно, что этот список неполный.

Большинство разведчиков ехало с жёнами, включая Алексеева, взявшего с собой супругу — Евгению Никоновну Вейцман. За счёт конфискованных большевиками ценностей группа была очень хорошо снабжена и не испытывала финансовых трудностей. Использование заагентуренного (или введённого в заблуждение) Уманского оказалось ключом к воротам на Запад. Если он действительно был дядей М. Горба, то неудивительно, что последний смог без труда осесть за кордоном и стать эффективным резидентом ИНО. Впрочем, Горб мог и сыграть роль племянника этого издателя, умершего в конце 1922 г.

Оседание за кордоном шло не очень быстро. Только 30 сентября 1921 г. от Алексеева в Иностраный отдел ВЧК поступило первое сообщение: «Находимся три недели в Риге... Установили связь с Прагой и Веной. В Париже пока [из наших] никого... Савинков две недели в Париже...» 17 декабря 1921 г. Алексеев сообщал Дзержинскому, что в Прагу выехали два агента-перевёртыша его группы, работавшие раньше у Савинкова — полковник Потоцкий и ротмистр Павлов. Они должны были получить от Савинкова адреса явочных квартир его сторонников в России.

Разведчиков перебрасывали в Западную Европу через Польшу и Прибалтику. В столицу Франции Алексеев захватил и родственника — Вейцмана-Духа, обладавшего ценнейшим прикрытием — родителями жены, мелкими буржуа, давно и совершенно легально жившими в Париже. В Киев Вейцман-Дух прибыл из Харькова за несколько дней до отправки за кордон и уехал секретно от всех; в Париже он находился на связи у Зеленина. Для легализации Алексеев купил родственнику такси и регулярно выдавал деньги. Выполнив задания резидента и внедрившись в «Центр действия», тот не уехал вместе с агентами Алексеева в Россию, а остался в Европе. В 1930-х гг. «Дух» с женой продолжал жить в Париже, работая шофёром и выполняя поручения советской разведки. Вряд ли можно сомневаться в том, что после отъезда Николая Николаевича в Советскую Россию в западноевропейских странах осталась солидная агентурная сеть. По крайней мере, «Дух» оказался агентом «глубокого оседания» [10].

Сам Алексеев выдавал себя за помещика Николая Николаевича Николаева. По версии Зинченко, легализоваться в Париже Алексееву помогли рекомендации Уманского, адресованные В. Л. Бурцеву — старому народовольцу, одному из эмигрантских лидеров, редактору «Общего дела». Таким образом, успешно

специализировавшийся на разоблачении как провокаторов царской полиции, так и советских агентов Бурцев был искусно введен чекистами в заблуждение.

Показания Л. Зинченко также дают определённую информацию об активной закордонной работе этого разведчика-медика. Зинченко довольно долго ожидал германскую визу в Польше, выдавая себя во Львове (где осели сначала и Запорожец с Литовым, в сентябре 1921-го уехавшие в Прагу) за врача, эмигрировавшего с Украины. Не теряя времени даром, он занялся медицинской практикой и смог установить знакомство с приехавшим парижанином, назвавшимся Николаем Зелинским — членом конспиративной эмигрантской организации Н. В. Чайковского «Центр действия», ориентированной на интеграцию антибольшевистского движения внутри России. Зелинский казался личностью, любопытной для чекистской разработки: так, в декабре 1921 г. к нему в санаторий приезжал старый товарищ по Киевскому университету — вице-консул Чехословакии Новотный с женой... Зинченко получил от Запорожца задание на разработку Зелинского.

Потом Зинченко вызвали в Берлин, где находились Горб и Зеленин. Они передали доктору, что Н. Н. Алексеев высказал удовлетворение добытыми материалами о «Центре действия» и велел ему через Чехословакию ехать в Париж, где базировался «Центр», чтобы там внедриться в него. В начале 1922 г. Зинченко перебрался в окрестности Праги и с помощью доктора Литова устроился работать в клинику Карлова университета. Вскоре в Прагу приехал Зелинский, с которым Зинченко постоянно общался.

Некоторое время спустя Зелинский поведал, что его настоящая фамилия — Вакар, и познакомил Зинченко с Н. В. Чайковским — старым народовольцем, а затем эсером и народным социалистом, бывшим в 1918 г. главой антибольшевистского Временного правительства Северной области в Архангельске и членом Уфимской директории. Чайковский сказал, что руководит «Центром действия», тесно связан с англичанами и рассчитывает, что бежавший от красных доктор будет давать ему информацию о российских делах.

Впоследствии Зинченко выяснил, что филиал организации Чайковского в Чехословакии возглавлял некто Ментцель, а в Киеве — инженер Оберучев (или Оверучев). Контекст показаний Зинченко свидетельствует в пользу того, что, вероятно, сведения об Оберучеве-Оверучеве как эмиссаре белоэмигрантов являются выдумкой алтайских чекистов.

Несколько месяцев спустя Зинченко смог — благодаря рекомендациям известного доктора-масона А. М. Аршавского и В. Л. Бурцева — переехать в Париж, поближе к штаб-квартире Чайковского. Эти рекомендации для своего агента помог устроить сам Алексеев незадолго до своего отъезда из Парижа. Зинченко работал в парижской клинике Аршавского и попутно активно выполнял задания резидентуры. Он часто встречался в Париже с Зелинским-Вакаром, а также с его соратниками по «Центру действия»: известным кадетом

И. П. Демидовым, на квартире которого жил Вакар, а также эмигрантами Сапонько и Гордоном, которые выпускали газету-брошюру, чтобы через Украину переправлять её в Россию. Вакар редактировал это издание, добывал средства, был автором и даже корректором (речь, вероятно, шла о журнале «Новь») [11].

По сведениям Зинченко, в Париже он встречался с лицами различных взглядов: бывшим социал-демократом доктором И. И. Манухиным, монархистом В. В. Шульгиным, издателем милюковских «Последних новостей» в Париже П. Я. Рыссом, бывшим генерал-лейтенантом Н. Н. Головиным, Чайковским и др., а в Берлине контактировал с «мистиками» Ф. А. Степуном и Н. А. Бердяевым, сменовеховцами и был близок к кругам, группировавшимся вокруг известнейшей кадетской газеты «Руль». Встречаясь с эмигрантами, близкими к бурцевскому «Общему делу», Зинченко слышал, как они упоминали помещика Николая Николаевича Николаева (Алексеева), причём Аршавский считал «Николаева» своим человеком, полезным делу «Великой России» [12].

Надежда Улановская вспоминала, как она, поселившись в Берлине у знакомых анархистов, несколько недель просматривала «Руль», ища сообщение, замаскированное под рекламное объявление. Найдя его только через два с половиной месяца, Надежда посетила Алексеева, жившего в прекрасной гостинице. Услышав о том, что её муж до установления связи с Алексеевым уехал работать на шахтах, чтобы не тратить народные средства, резидент пожал плечами: «Поехал в Рур работать шахтёром? Но у нас же есть деньги!»

Надежда узнала, что некоторые члены группы были арестованы при пересечении границы и их пришлось выкупать за огромные суммы с помощью подпольных адвокатов. Удачный переход Улановских через несколько границ выглядел невероятно: «Николай с женой смотрели на нас с удивлением: дуракам счастье!» Рядом с супругой резидента, кутавшейся в соболий палантин, Надежда выглядела затрапёзно, и Алексеев, опасавшийся, что скромно одетая девушка вызовет в шикарной гостинице подозрения, велел ей срочно купить одежду побогаче.

Свою нелегальную работу с Алексеевым и Зелениным Н. Улановская в мемуарах вспоминала не без некоторой иронии. По заданию Алексеева, обнаружившего в «Руле» заметку о бедственном положении генерала Л., который был не в состоянии оплачивать квартиру, Алексей Улановский познакомился с этим эмигрантом и предложил помощь якобы от лица офицерства. Надежда вспоминала, как муж свёл этого Л. с Алексеевым: «Короче, его завербовали. Генерал нас познакомил с молодым ротмистром. Мы их угощали обедом, винами. Решено было создать Крестьянский союз, еще какие-то планы были. Генерал говорил, что в России у него закопан клад, огромные деньги. Конечно, они нас сразу раскусили, но делали вид, что не знают, кто мы. В общем, и мы и они вели игру». Также Улановская сообщает, что резидентура Николая занималась изучением того, в состоянии ли белая

эмиграция организовать покушение на Ленина, который должен был посетить международную Генуэзскую конференцию [13].

Действия Алексеева-разведчика привели к созданию агентурной сети ВЧК в Париже и были наверху сочтены эффективными: адреса нелегальных резидентур Савинкова и Чайковского в Советской России оказались на Лубянке. Серьезных неприятностей от «обработанных» белоэмигрантских структур у большевиков не было: «Центр действия» Чайковского не смог наладить сколько-нибудь заметной работы в Советской России и просуществовал только до 1923 г., после чего был распущен, а в августе 1924 г. чекистам удалось выманить Савинкова в СССР и арестовать.

Примерно в сентябре 1922 г. Алексеев, проработав за кордоном 13 месяцев, вернулся в Москву. Бывший начальник ИНО ВЧК Я. Х. Давтян дал ему хорошую характеристику как «работнику крупного масштаба». Бывший борьбист И. В. Запорожец заявил, что знает Алексеева как «честного, стойкого, преданного и делового работника» [14]. Карьера Алексеева была на подъеме. Новые ответственные задания не замедлили.

Подготовитель «философского парохода»

В вышедшем в 2002 г. массивном томе из серии «Архивы Кремля» под названием «Судебный процесс над социалистами-революционерами» глухо упоминаются эсеры-свидетели: просто Алексеев и Н. Н. Алексеева. Следует отметить, что этим Алексеевым скорее всего был однофамилец нашего героя, в одно время с ним действовавший на Украине — И. Ф. Алексеев (Небутев). А Н. Н. Алексеева — это та самая старшая сестра Николая Николаевича Надежда, эсерка с 1905 г. Бывшие социалисты-революционеры обязаны были подтвердить лояльность, и участие в процессе стало для них таким оселком. Стратегия чекистов состояла именно в том, чтобы заставить прирученных эсеров показывать на других, несломленных. И бывшие видные члены эсеровской партии: А. А. Краковецкий, Д. Е. Кудря, М. Я. Броун-Ракитин, Надежда Алексеева — стали главными среди примерно 40 свидетелей обвинения и дали самые опасные для подсудимых показания.

Так, в обвинительное заключение был включён эпизод с якобы имевшим место летом 1918 г. покушением на видного красного командира Р. И. Берзина на Урале. Однако в судебном заседании сторона обвинения не предприняла попыток выяснить детали этого покушения и не привела никаких доказательств его реальности, хотя обвиняемый Лев Герштейн категорически отрицал свою причастность к данному эпизоду. В письме к жене он, в частности, написал: «Алексеева показала о покушении... на Берзина. Вот, что называется, из пальца высосала. В полной уверенности, что он опровергнет эту чушь, я предложил запросить Берзина, но к моему изумлению, он письменно сообщил, будто в июле-августе (1918 г.) на него было правым с.-р. организовано покушение, об этом-де знает какой-то музыкант А. Вот так пишется история, и я попал в великие террористы».

Помимо Г. И. Семёнова, прямо сотрудничали с ВЧК и его заместительница в боевом отряде Л. В. Коноплёва, а также бывший видный боевик А. А. Краковецкий [15]. Вряд ли можно сомневаться в том, что если бы Н. Н. Алексеев не уехал за границу, то он тоже бы отметился в этом процессе. Но наш герой появился в Москве чуть позже и 14 сентября 1922 г. получил должность уполномоченного закордонной части ИНО ГПУ. Занятия только лишь этой работой продлились совсем недолго.

Политический сыск требовал подготовленных кадров. Откликнувшись на усилия Ленина, Троцкого и Сталина по борьбе с высоколобыми противниками режима, которых в условиях окончания гражданской войны и введения нэпа расстреливать и сажать в прежних количествах не полагалось, ГПУ 2 ноября 1922 г. создало Особое бюро по делам административной высылки антисоветского элемента и интеллигенции. Алексеева, оставив в штатах Иностранного отдела ГПУ, по совместительству назначили в Бюро одним из трёх заместителей печально известного сыщика-provokatora Я. С. Агранова. Как раз тогда Агранов направил в Политбюро обширную записку об антисоветски настроенной интеллигенции. Власти прониклись и поручили ему очистить Россию от бродильного элемента, не согласного с большевиками. В помощники Якову Агранову нашли чекистов пообразованней. Так Николай Алексеев стал ближайшим коллегой одного из самых отвратительных деятелей красной охраны, помогая ему в «освещении антисоветского движения среди интеллигенции».

Разведчик Алексеев, человек, без всякого сомнения, умный и отважный, сразу вписался в аппарат политической полиции. Юридическое образование ничуть не мешало Алексееву (как, впрочем, и Ленину, Менжинскому, Вышинскому) уничтожать носителей идей правового государства. Можно согласиться с А. А. Папчинским и М. А. Тумшисом насчёт того, что участие в массовом изгнании лучших представителей русской интеллигенции стало, вероятно, решающим этапом в становлении Алексеева как видного деятеля тайной полиции. Будучи в своё время студентом, он не мог не знать таких видных учёных и публицистов, как экс-марксист Николай Бердяев или эсер Питирим Сорокин. Но сравнительно высокая грамотность Алексеева была использована в ГПУ именно для того, чтобы определить опасность того или иного исследователя или публициста. Деятельность Алексеева в пресловутом Особом бюро пока совершенно неизвестна; во всяком случае, прямого его участия в допросах высылаемых интеллектуалов в современных публикациях не отмечено [16].

«Очистку России» от «растлителей учащейся молодёжи», как выражался о своих оппонентах Ленин, провели очень быстро и «философский пароход» увёз в Германию многие десятки выдающихся россиян. Надобность в специальном органе отпала, и уже в феврале 1923 г. Бюро было влито в Секретный отдел ГПУ, а Агранов стал особоуполномоченным по важнейшим делам — на правах начальника отдела — Секретно-оперативного управления (СОУ) ГПУ, куда входили основные отделы лубянской конторы. Алексеев остался замом Агранова, а когда того сделали помощником начальника СОУ, Николай

Николаевич сам стал особоуполномоченным. К сожалению, пока почти неизвестно, чем конкретно занимался Алексеев на этой важной должности. Ясно только, что это касалось важных следственных дел и имело отношение к политическому сыску [17].

Есть основания полагать, что в 1923 г. Алексеев имел отношение к делу знаменитого Николая Карловича фон Мекка (1863–1929) — строителя железнодорожника, одного из основоположников отечественного автомобилизма и автоспорта, мецената, впоследствии — представителя в Госплане от Наркомата путей сообщения. Арестовывали Мекка несколько раз. На письме его жены Александры Мекк (племянницы П. И. Чайковского) Дзержинский в июле 1923 г. наложил следующую резолюцию: «Гов. Алексееву Жена Мекка заявляет, что она была секретарем своего мужа и знает все его дела. Полагаю, что ее следует допросить и только после этого решить вопрос о свидании. Ваше мнение? И в каком положении дело?» [18] Очень вероятно, что делом именитого арестанта занимался именно особоуполномоченный Н. Н. Алексеев. А резолюция Дзержинского очень характерна своей полицейской вьедливостью и желанием ловчее надавить на узника. Отпущенный же через некоторое время фон Мекк в 1929 г. снова окажется на Лубянке и будет расстрелян.

Против англичан

А в 1924 г. Иностраннный отдел ОГПУ вспомнил об Алексееве и вторично отправил его за кордон.

Н. Н. Алексеев — одна из крупных фигур в истории первых лет советской политической разведки. Выезжал он за рубеж только дважды, но обе командировки оказались очень важны и стали серьезными ступеньками его последующей карьеры. Признание Советской России британцами открывало возможности легального шпионажа под крышей официальных советских дипломатических и торговых представительств. Летом 1924 г. в Лондоне была создана первая резидентура ИНО ОГПУ. В ней работало два человека: Алексеев (под фамилией Васильцев и кличкой «Оскар») и машинистка Л. Орлова. В Лондоне Алексеев вряд ли мог выдавать себя за представителя западной страны, мешала типичная славянская внешность: открытое лицо, серые глаза, русые волосы, пухлые губы. Тем не менее резидент во время своей годичной командировки успешно выполнял задания непосредственно Дзержинского и нашёл интересные агентурные источники.

Председатель ОГПУ интересовался работой резидента, о чём свидетельствует записка железного Феликса Менжинскому от 22 августа 1924 г., в которой тот сообщал своему заместителю о выступлении на Политбюро полпреда в

Великобритании Х. Г. Раковского. Тот «получил в Лондоне сведения, что у нас в Ленинграде, Москве, Ростове готовится восстание. Эти сведения должен иметь и Алексеев. Прислал ли что-либо об этом нам?» [19] Воспринимаемые всерьёз сведения о восстаниях в 1924 г., да ещё и в основных центрах страны, наглядно свидетельствовали о паранойе, царившей среди большевистской верхушки. Что касается Раковского, то этот бывший глава совнаркома Украины не мог не знать Алексеева.

Основные подробности работы резидентуры в Великобритании пока не рассекречены. Известно, что она имела в своём распоряжении агента «Германа» (он же В-1) — корреспондента «Дейли геральд», хорошо известного в левых кругах и британской компартии, работавшего «на материальной основе» и завербованного ещё в 1922 г. Бриллиантом в короне советской заграничной агентуры он не был, поставляя сведения не столько об Англии, сколько о колониях. Но «Герман» также помогал в наружном наблюдении за белоэмигрантами и считался ценным источником. Другой агент состоял в британской компартии и имел своих людей в Скотланд-Ярде, которые помогали подчищать полицейские архивы, устранив компромат на коммунистов туманного Альбиона.

В 1924 г. по своей инициативе к лондонскому временному поверенному в делах обратился П. П. Дьяконов — видный эмигрант, бывший военный атташе России в Лондоне. Он хотел получить советское гражданство и работу в качестве военного специалиста. Но советские товарищи убедили экс-генерала конспиративно трудиться в окружении великого князя Кирилла Владимировича, провозгласившего себя российским императором и популярного в эмигрантских кругах. С Дьяконовым работало много резидентов, поскольку его служба на «органы» продолжалась в течение целых 17 лет. Платили важным агентам в середине 20-х годов сравнительно сносно — от 25 до 60 фунтов ежемесячно. Информация лондонской резидентуры шла Чичерину, Рыкову и Сталину, а также в Разведупр и Коминтерн [20].

Когда в конце 2002 г. МИ-5 рассекретила более трёхсот своих старых досье, мир с удивлением узнал, что на советскую разведку, по мнению англичан, работала Клэр Шеридан — писательница, скульптор, политическая журналистка, путешественница и кузина Уинстона Черчилля. Об этой женщине, через необъятную постель которой прошло немало великих мира сего — от Троцкого до Чаплина — в последние годы появились любопытные публикации. Оказывается, ещё в 1911 г. молодая Клэр познакомилась с латышским боевиком Яковом Петерсом, который был ловко оправдан адвокатами после громкого процесса по делу грабежей и убийств, совершённых в Лондоне латышами-политэмигрантами. В 1918 г. Я. Х. Петерс стал одним из создателей ВЧК, а потом работал полпредом «органов» в Туркестане и начальником Восточного отдела ОГПУ.

Увлечённая романтикой революции, Клэр приехала в Советскую Россию в 1920 г. и вылепила бюсты Ленина, Троцкого и Дзержинского. Она восторженно

вспоминала: «Мне никогда не доводилось лепить более прекрасную голову, чем голова Дзержинского... А руки его — это руки великого пианиста или гениального мыслителя». Есть сведения, что в 1921 г. она побывала в Туркестане, где работал Петерс. А в 30-х годах Клэр Шеридан посетила фашистскую Германию, где познакомилась с Гитлером и принимала активное участие в некоторых мероприятиях нацистской партии.

Шеридан позднее утверждала, что честно помогала британской разведке следить за виднейшим большевиком Львом Каменевым, в компании которого она впервые приехала в Россию. Однако английские спецслужбы были уверены в том, что кузина Черчилля занималась шпионажем и с конца 1925 г. передавала советским разведчикам содержание бесед со своим знаменитым родственником. Обнародованы также слова одного информатора МИ-5, который уверял, что скульпторша работает именно на русских, и те недавно пользовались ее услугами в Константинополе, а также заслали в Алжир, чтобы она сообщала информацию о делах в Северной Африке [23] .

Учитывая, что Клэр побывала в Туркестане у Петерса, вполне можно предположить, что её там связывали с выдающимся и крайне распутным чекистом не только личные, но и служебные взаимоотношения. В Константинополе советские разведчики имели солидную резидентуру, африканские дела их тоже интересовали. Что до качества сведений в досье, то особой шпиономанией британцы не страдали, контрразведывательный аппарат в межвоенный период держали скромный, но профессиональный, поэтому улики против Шеридан можно считать достаточно серьезными. Пока нет прямых свидетельств нелегальной работы Клэр на Советский Союз, ничего не известно и о её возможных контактах с резидентом ИНО ОГПУ в Лондоне. Но в последние месяцы жизни Алексею припомнят именно «английскую шпионку» Шеридан...

Главный информатор и главный цензор

Дзержинский оказался доволен расторопностью своего подчинённого и по возвращении исправно продвигал Алексева по службе. Успешного резидента ждало ответственное назначение. Интеллектуал Алексеев по возвращении из Лондона сразу стал — с июля 1925-го — заместителем начальника Информационного отдела ОГПУ (туда входил и цензурный аппарат), а в 1926 г. возглавил ИНФО и так называемый политконтроль — цензуру. Его заместителями работали И. В. Запорожец и Я. С. Визель, среди начальников восьми отделений отдела были известные чекисты М. А. Герасимова и А. И. Агаянц, будущий резидент ИНО в Германии.

Со временем отношения начальника ИНФО со старыми товарищами по разведке испортились. В 1929 г. Зинченко встретался с приезжавшим в Сибирь своим киевским знакомым Блитцем, работником газеты «Борьба» в 1919 г. Тот «рассказал мне, что Зеленин живёт с Кисловской Лелей, которая была в Ростове во времена деникинщины в организации левых эсеров, что Зеленин в немилости

у Алексеева, за что, не знает он, что Горб обставил по «царски» себя и всех своих, а Алексей большой барин, всем руководит, что он держит всех в руках и что они с Горбом царапаются» [23]. С другой стороны, есть и другие свидетельства о неприязни к «барину» Алексееву со стороны сослуживцев.

Ещё в конце 1920-х гг. работавший в Секретном отделе М. П. Шрейдер очень резко выступил на общем партсобрании ОГПУ против Алексеева, дав ему отвод при выборе парткома. Шрейдер разругал шефа ИНФО как чванного и грубого начальника, шпынявшего подчинённых и проявлявшим тем самым «антипартийное поведение». Его дружно поддержали, и Алексей, которого в мемуарах Шрейдер охарактеризовал как любимца Ягоды и подхалима, был почти единодушно забаллотирован. За начальника ИНФО подняли руки только один-два подчинённых; даже Ягода, во время выступления Шрейдера сверливший оратора ненавидящим взглядом, не решился поддержать Алексеева. Кто-то из чекистов после оглашения результатов голосования крикнул, под общий смех и аплодисменты: «Провалился единогласно!» Мемуарист даже связал скорое удаление Алексеева в провинцию именно с этим конфузом.

Примерно в 1930 г. Шрейдер и Алексей совершенно случайно встретились в купе поезда, следовавшего из Ленинграда в Москву. Возвращавшийся из северной столицы Алексей, гостивший там у главного ленинградского чекиста Ф. Д. Медведя, в ответ на приветствие Шрейдера с кислой миной пробормотал что-то нечленораздельное, а затем вымученно передал неожиданному соседу, что слышал от Медведя об успехах Шрейдера на ниве разоблачения «валютчиков». А затем, увидев, как попутчик снимает пояс с прицепленной кобурой, иронично спросил, не собирается ли Михаил Павлович в него стрелять? (бешеный характер Шрейдера был общеизвестен). Тот не менее ехидно ответил, что террор — не его стихия, уев Николая Николаевича эсеровским прошлым. После этой пикировки чекисты молчали всю дорогу... [24]

По оценке очень информированного резидента-перебежчика Г. С. Агабекова, ИНФО, центральный аппарат которого на 1928 г. насчитывал порядка 100 сотрудников (для сравнения: в 1923 г. в ИНФО было только 17 чел.), следил за настроениями во всех слоях общества и содержал колоссальный штат секретных осведомителей: «Этот же отдел выполняет роль цензуры над литературными и театральными произведениями и перлюстрирует корреспонденцию, обращающуюся внутри СССР... Алексей работает не за страх, а за совесть, но всё-таки не пользуется большим доверием у президиума ОГПУ. При нём всегда в качестве заместителя имеется один из надёжнейших партийцев». Агабеков имел в виду Ивана Запорожца, хорошего знакомого и коллегу Алексева по закордонным операциям.

Постановке дела политической информации руководство ОГПУ уделяло большое внимание. За полгода до прихода Алексева в ИНФО Дзержинский, как бы забыв о специфике чекистских наблюдений, ориентированных на вскрытие в первую очередь теневого оборота, писал своему заместителю

Менжинскому: «Наши сводки таковы, что они дают одностороннюю картину — сплошную чёрную — без правильной перспективы и без описания реальной нашей роли». В самом ИНФО в августе 1924 г. отмечали низкое качество сводок, поступавших из губернских отделов ОГПУ — так, очень волновавшие верхи случаи произвола местных властей освещались периферийными отделениями ИНФО хуже, чем в газете «Беднота».

В последующем проверки местных отделов ИНФО показывали, что чекисты зачастую были не прочь схалтурить, опираясь на легальные и уже готовые доклады властных структур: «Главным источником для сводок... продолжают оставаться казённые материалы. Они только глаже и внимательнее обрабатываются, редакционно замаскированы». Заместитель председателя ОГПУ Г. Г. Ягода также уделил немалое внимание реформированию ИНФО.

В результате с 1925 г. началось расширение объёма и дифференциации информации, идущей вверх через каналы ОГПУ. Руководство страны получало от ИНФО не только текущую информацию о ситуации в стране, но и подробные тематические сводки по актуальным вопросам: о реакции населения на военную угрозу, о политическом настроении деревни, о массовых выступлениях против закрытия церквей и арестов священников, о попытках еврейских погромов на Украине. Информационный отдел ежемесячно представлял в Кремль объёмные «Обзоры политического состояния СССР», дававшие общее представление по стране в целом, а также многочисленные аналитические доклады по крупным проблемам и справки по отдельным конкретным вопросам («Рабочие», «Крестьяне», «Красная Армия», «Национальный вопрос», «Заграничная эмиграция», «Анτισоветские партии», «Преступность и борьба с нею», «Важнейшие политические дела»).

Очень подробно центральную власть информировали о положении в деревне, причём до конца 1927 г. сводки фиксировали истинные причины крестьянского недовольства: непосильные налоги, «ножницы цен», произвол местных властей. Затем весь негатив стал связываться с происками классового врага.

С осени 1927 г., когда Сталин начал наступление на основы нэпа, в сводках стало меньше информации по хозяйственным вопросам и гораздо больше места стал занимать анализ политической обстановки, причём пристрастный. Чекисты хорошо понимали, как меняется положение в стране и настроение в коридорах власти, поэтому, например, 100-страничная «Докладная записка об антисоветских проявлениях в деревне за 1925–1927 гг.» своим появлением зафиксировала перемену в том, что интересовало государственное руководство в деревне: не ситуация в целом, а лишь «антисоветские проявления» и классовая борьба как таковая. Чекисты уповали на насилие: так, по мнению авторов записки, после арестов участников мирной группы «Пахарь», ориентированной на диалог с властями, «политическое состояние района улучшилось», хотя в реальности дело обстояло совсем наоборот.

Борьба с внутрипартийной оппозицией привела к тому, что среди «антисоветских» высказываний селян приводились такие: «Оппозиции не дают говорить, а ведь она поддерживает нас, крестьян...» и даже — «Троцкий наш вождь!» В 1929–1930 гг. ИНФО сообщал, что контрреволюционная активность в деревне прикрывалась «флагом правых». Негативные упоминания Троцкого, Бухарина и Рыкова, по мнению современных исследователей, вписывались в сводки с мест работниками самого ИНФО.

Значительная часть получаемой чекистами информации «добывалась» путём перлюстрации. Обычно из интересующего цензоров письма делалась выписка, но нередко политически острое послание конфисковывалось. Перлюстрация из-за ограниченности цензорского штата носила выборочный характер. Когда в результате грабительских хлебозаготовок в армию из деревни хлынул поток возмущённых писем, власти очень обеспокоились политическим состоянием вооружённых сил.

В феврале 1928 г. Н. Н. Алексеев отправил заместителю полпреда ОГПУ в Закавказье Л. П. Берии шифротелеграмму, в которой рекомендовал из-за «невозможности стопроцентного охвата» корреспонденции в первую очередь обращать внимание на письма, идущие в армию из «хлебозаготовительных районов», и при необходимости их конфисковывать. В начале октября 1929 г. замначальника Секретно-оперативного управления ОГПУ Т. Д. Дерibas и начальник ИНФО Н. Н. Алексеев выпустили специальный циркуляр «Об обслуживании районов сплошной коллективизации», где поставили перед местными органами ОГПУ задачи срочно изучать проистекающие из опыта сплошной коллективизации «новые формы деятельности кулачества и... классовой борьбы», велел послать в районы своих работников и обратить особое внимание «на взаимоотношения крупных колхозов с окрестным крестьянством».

В конце 1929 — начале 1930 гг. основными темами сводок ИНФО стали «кулацкий террор», «классовая борьба» и враждебная деятельность «антисоветских элементов», связанные с начавшейся коллективизацией. Органы власти получали массу сведений о разрушительных последствиях творимого над крестьянством насилия и нарастающего в связи с этим протеста [25]. Но Сталину такие сведения были не нужны. В это же самое время Алексеев перестал быть начальником ИНФО, однако его устранение не было связано с потоком негативной информации. Хотя Сталин и знал о некоторых былых промахах в работе Алексеева, он довольно долго считал нужным сохранять в должности своего информатора, ограничиваясь в необходимых случаях мягкими мерами воздействия.

Например, в декабре юбилейного 1927 г., когда орденами Красного Знамени была награждена большая группа чекистов, Алексеев не получил этой самой престижной в те времена награды. Алексееву вручили только ведомственный значок «Почётного работника ВЧК-ГПУ». Почему, говорит постановление Политбюро от 12 мая 1927 г. «О Политконтроле», где ОГПУ обвинялось в

«плохой постановке дела политконтроля за перепиской» и обязывалось принять меры «к улучшению постановки работы в этой области». Для расследования инцидентов в области контроля за перепиской создавалась специальная комиссия. Такой шум на самом верху возник в связи с наглой задержкой цензорами ОГПУ дипломатического послания, отправленного в Москву из Лиги Наций 29 апреля, а полученного в НКВД только 8 мая.

Вскрытие документов, адресованных одному из важнейших советских ведомств, не имело отношения к разведке и контрразведке, а контролировало самих дипломатов. В результате нарком иностранных дел не смог своевременно отреагировать на этот документ, когда к нему обращались за разъяснениями представители московского дипкорпуса. Скомпрометированные НКВДовцы были в ярости, и Политбюро отреагировало практически мгновенно. Приказом Менжинского цензоры были наказаны. Но несколько месяцев спустя грубые действия перлюстраторов на местах вызвали новые дипломатические осложнения. В результате в феврале 1928 г. ОГПУ специальным приказом запретило вскрытие и контроль иностранной дипломатической корреспонденции. Этим тонким делом в исключительных случаях мог отныне заниматься только Отдел контрразведки ОГПУ.

Известно, что у Алексеева были контакты с Н. И. Бухариным. В декабре 1936 г. Бухарин рассказывал коллегам по Политбюро: «Я... одно время был представителем Центрального Комитета в ГПУ, и у меня сохранились большие связи. Я был членом Политбюро, имел большой авторитет и часто ходил в ГПУ, чтобы познакомиться с некоторыми материалами о настроениях и т. д. Однажды [в 1928 г.] я пришел в ГПУ в тот момент, когда происходил целый ряд всевозможных крестьянских волнений и прочее. Ягода мне рассказал об этих вещах. Я его спросил: почему вы не сигнализируете об этом ЦК? Он говорит: это ваше дело ставить такие большие вопросы.

Я его тогда попросил дать мне более связный материал. Он вызвал своего референта, если не ошибаюсь, Алексеева. [...] Я от этих сообщений пришел в большое волнение. Должен сказать, что абсолютно субъективно, без всяких каких-нибудь своекорыстных интересов, я всегда тревожился о положении дел в стране. Когда этот Алексеев рассказал мне все эти вещи, я понял что дело неладно. Я с налета, сгоряча, побежал к Ворошилову, у которого в это время был Бубнов, и сказал о том, что происходит» [26].

Таким образом, Алексеев впоследствии оказался виновным в связях с правыми уклонистами и даже им политически заострѐнных материалов ОГПУ, но этот «предательский» эпизод, насколько можно судить, в 1937 г. не был использован следователями.

Место начальника ИНФО в иерархии центрального аппарата ОГПУ долгое время выглядело весьма прочным: Алексеев отлично наладил осведомление кремлёвской верхушки о нюансах в настроениях общества и, будучи одним из самых образованных и толковых руководителей Лубянки, мог рассчитывать на

успешное продолжение карьеры. Покровительство Г. Г. Ягоды тоже значило чрезвычайно много. Но тут проворство коллег, сфабриковавших дело на одного из работников ИНФО, необратимо испортило послужной список Алексеева.

Первая опала

Дело в том, что ОГПУ, откликаясь на сталинский заказ, сфабриковало дело о «всесоюзном троцкистском центре», который якобы имел своего осведомителя в аппарате органов госбезопасности. Им назначили уполномоченного ИНФО Б. Л. Рабиновича, которого в январе 1930 г. расстреляли. Приказ Коллегии ОГПУ об этом факте был немедленно разослан на места, чтобы всемерно усилить бдительность (двумя месяцами ранее точно так же весь оперсостав был проинформирован о расстреле «предателя» Я. Г. Блюмкина).

Алексееву, хотя он в приказе и не упоминался, пришлось отвечать за кадровый провал. Бывшего депутата Учредилки 1 января 1930 г. лишили места на Лубянке и, после некоторых раздумий, услали в провинцию, назначив в феврале 1930 г. полномочным представителем ОГПУ по Центрально-Чернозёмной области. Правда, в марте 1931 г. опального чекиста избрали в члены советского парламента (ВЦИКа) 15-го созыва — место, где он в революционные годы уже поработал, являясь не номинальным, как в сталинскую эпоху, а вполне реальным парламентарием [27].

Командировка в Воронеж показала, что Алексеева всё же ценят — загнали его не в медвежий угол, а дали в подчинение огромный регион с населением в дюжину миллионов душ. Центрально-Чернозёмная область объединяла в себе большую часть территории семи современных областей: Воронежской, Курской, Липецкой, Орловской, Тамбовской, Белгородской и Брянской. Алексеев прибыл в переломный момент, когда разгоралась война с крестьянством, активно поддержанная властями региона. Тамошний секретарь обкома Иосиф Варейкис в записке, разосланной членам Политбюро, хвастался достижениями в «раскулачивании» и сулил не позднее весны 1930 г. сделать область зоной сплошного «коллективного земледелия». В ответ главе Совнаркома РСФСР Сергею Сырцову пришлось унимать подобных областных начальников, вызвавших своей дикой политикой целый ряд крестьянских восстаний.

Инициативы Варейкиса сочетались с должностными обязанностями Алексеева, получившего недвусмысленные инструкции из Москвы. По директиве ОГПУ СССР от 2 февраля 1930 г. Алексеев должен был срочно арестовать и осудить тройкой при полпредстве ОГПУ от трёх до пяти тысяч «активных кулацко-белогвардейских контрреволюционных элементов» и выслать в Северный край 10–15 тыс. членов их семей. «Кулацкая операция» разворачивалась в области стремительно, с большим перевыполнением контрольных цифр: на 5 февраля было арестовано 1.616 чел. и ликвидировано 43 «контрреволюционных группировки», на 15 февраля — 7.183 чел., ликвидировано 143 группировки. К 5 марта чекистами, помимо мелких группировок, было ликвидировано 11

«повстанческих организаций» общей численностью 161 чел. В феврале — мае 1930 г. из области было выселено почти 43 тыс. «раскулаченных».

Крестьянский протест не замедлил и огромная область забушевала. За период с декабря 1929-го по 14 февраля 1930 г. (то есть к моменту приезда Алексеева) в области произошло 38 антиколхозных выступлений с 25 тыс. участников. В с. Полтавка Репьевского района Острогожского округа 31 января 1930 г. против политики властей выступило почти всё село — около двух тысяч человек. Во время перестрелки были тяжело ранены два местных коммуниста. 2 февраля выступление подавили с помощью воинских частей — четверо крестьян оказалось убито, 105 — арестовано. Всего в Острогожском округе с 4 января по 5 февраля массовые выступления произошли в 20 сёлах.

В с. Тишанка Таловского района Борисоглебского округа 19 февраля по набатному звону выступили 3,5 тыс. человек с требованием раздачи обобществлённого скота и инвентаря. Крестьяне разобрали скотину, избили председателя колхоза и двух милиционеров, а также потребовали в 24 часа вернуть арестованных с Соловков и возвратить священникам конфискованные дома. Под лозунги: «Долой Советскую власть!», «Долой колхозы!» встали и три соседних села — Александровка, Шанино и Новая Чигла. В тот же день отряд ОГПУ численностью в 100 чел. и вооружённый тремя пулемётами арестовал 60 участников выступления, а затем к ним добавились ещё около двухсот задержанных. Впоследствии чекисты отчитались, что агентурным путём выявили в Новой Чигле «повстанческую группировку».

В Сосновском районе Козловского округа во время сбора семенного хлеба 16 февраля 3 тыс. крестьян выступили с лозунгом: «Семфонд мы не дадим!» и попытались освободить арестованных, а 22 февраля в том же округе в шести сёлах Берёзовского района толпа пыталась разгромить коммуну «Красный пахарь», причём коммунары открыли огонь, застрелив одного крестьянина и ещё двух ранив. Были зафиксированы и другие выступления в ряде районов с числом участников 1000 — 1.500 чел. Ответ ОГПУ был сокрушительным: в течение января и февраля 1930 г. при поддержке частей Отдельной дивизии особого назначения ОГПУ в Львовском, Острогожском и Елецком округах чекистами были ликвидированы 132 «организованные повстанческие группы» [28].

На случай массовых выступлений населения при окружных и городских отделах ОГПУ спешно создавались милицейские резервы. Обком ВКП (б) приказал окружкомам и райкомам иметь скрытые военные отряды, при необходимости готовые сразу выступить на боевую операцию. С помощью ОГПУ при каждом райкоме были образованы отряды численностью в 25 чел. во главе с командиром РККА. Сами гепеушники создавали оперативно-чекистские группы, состоявшие из опытных работников окружных отделов и районных уполномоченных ОГПУ, которые активно действовали в сельской местности, арестовывая «повстанчески настроенных лиц» и изымая оружие у населения.

Местную власть спасала только вооружённая сила. Дивизион 1-го полка дивизии особого назначения пробыл в области два с половиной месяца в непрерывных перебросках, пока не был перебазирован в бурлящий Дагестан. В конце февраля 1930 г. руководство области в телеграмме Сталину просило либо увеличить количество внутренних войск, либо разрешить использовать против повстанцев «отдельные проверенные части РККА». Внутренних войск всё время не хватало, поэтому привлекали и армию: так, части четырёх полков РККА активно участвовали в подавлении выступлений в Острогожском округе. С помощью особистов среди красноармейцев были решительно пресечены «антиколхозные настроения».

Руководители войск ОГПУ между тем отмечали, что при ликвидации одного из восстаний повстанцы применили тактику комбинированной борьбы: огонь с фронта и движение в атаку с фланга. В одном из районов повстанцы в разных точках зажгли обороняемое село, пытаясь этим расстроить боевые порядки воинской части и окружить её. Были специфические трудности и у чекистов-оперативников: часть насильственно завербованной агентуры, проявляя солидарность с основной массой крестьянства, отказалась от сотрудничества с «органами».

В селе Петровском Щигровского района Курского округа 9 марта из толпы крестьян на предложение чекистской группы разойтись и предупредительные выстрелы был дан вооружённый ответ — около 30 выстрелов. Залпом оперативной группы было убито трое крестьян, толпа рассеялась. На 13 марта 1930 г. массовыми выступлениями были охвачены восемь округов — Усманский, Острогожский, Льговский, Елецкий, Курский, Орловский... В марте заместитель полпреда Б. М. Гордон докладывал Ягоде о массовых выступлениях во многих районах против коллективизации и закрытия церквей: толпы избивали коммунистов и актив, так что Алексееву пришлось выехать в Козловский округ, где разгорелись наиболее массовые волнения. Там в ликвидации выступлений участвовали две чекистские опергруппы, а также манёвренные группы из состава кавдивизиона и стрелковых взводов внутренних войск.

В селах Сухая Берёзовка и Коршево Бобровского района с 22 по 29 марта антиправительственные выступления поддержали свыше 30 тыс. человек. Этот протест также был подавлен вооружённой силой. В с. Липовка Лосевского района Россошанского округа весной 1930 г. произошло восстание с численностью участников до двух тысяч. За село произошёл настоящий бой, в котором погибло 18 крестьян. Понёс потери и чекистский отряд. Часть повстанцев прорвала окружение и скрылась в лесу, где некоторое время продолжала сопротивление.

В Тамбовском округе активно действовали повстанцы из числа бывших участников крестьянской армии А. С. Антонова. В контролируемых сёлах они свергали советскую власть, назначали старост, возвращали «раскулаченным» дома и имущество. Специальные охранные отряды патрулировали окрестности

и наблюдали за порядком. Чекисты, разрабатывая агентурным путём связи тамбовских повстанцев с украинскими, арестовали на территории округа некоего Тодоровича — якобы видного деятеля украинской «контрреволюционной организации», пытавшегося создать повстанческий отряд. Внедрённый в «повстанческую организацию» в Песковском районе Борисоглебского округа воронежский оперработник раздобыл сведения о якобы имевшихся связях этой организации с казаками Хопёрского округа. В апреле 1930 г. организация была ликвидирована. Внедрение сотрудника ОГПУ было осуществлено и при ликвидации отряда Суханова в Острогожском округе.

При необходимости чекисты устраивали и настоящие карательные вылазки. Так, весной 1930 г. в селе Коршево Острогожского округа крестьянами было убито 14 членов коммуны. В ответ отряд коммунаров во главе с уполномоченным ОГПУ организовал карательную экспедицию и уничтожил семерых крестьян [29] .

Выполняя февральскую директиву, Алексеев к маю 1930 г. смог отчитаться о том, что «раскулачено» 77,2 тыс. хозяйств, или более 300 тыс. человек. При этом тогда же восстановлению в правах «в порядке исправления перегибов» подлежали 31,6 тыс. хозяйств. Такого огромного процента «перегибов» в стране больше нигде не было.

Подавив крупные крестьянские выступления против коллективизации в Борисоглебском уезде, Таловском и Бобровском районах, Алексеев в течение двух лет своей работы ещё не раз занимался высылкой крестьян. В ходе второго вала раскулачивания, начавшегося весной 1931 г., уже к апрелю из 33 районов области было выслано — на сей раз в Восточную Сибирь — почти 21 тыс. человек, а 29 мая 1931 г. Алексеев получил от Ягоды указание выселить в Казахстан 10.556 «кулацких семейств». В течение 1931 г. в области было зафиксировано 1.836 протестных крестьянских выступлений.

Также деятельность полпреда оказалась отмечена массовыми арестами инакомыслящих и фабрикации ряда крупных дел против «бывших». В июле-августе 1930 г. «органы» изъяли большое количество бывших антоновцев, белых, социалистов, монархистов и прочих «контрреволюционеров». Чекисты отмечали большой успех проведённой операции, отразившейся на масштабах антисоветских действий: если за март 1930 г. в области произошло 625 крестьянских выступлений, то с августа по ноябрь — только 53. Было ликвидировано более 50 повстанческих отрядов, изъяты 271 винтовка, 852 обреза и 821 револьвер.

Алексеев уверял руководство ОГПУ, что по области отмечается усиленная работа партии эсеров, представители которой руководят повстанческими организациями. Чекисты одну такую организацию, построенную якобы «по принципу дореволюционных эсеровских кружков», ещё в начале 1930 г. нашли в Белгородском округе, заявив, что её возглавлял бывший офицер и член Союза освобождения Украины. Пять «эсеровских повстанческих организаций»

ликвидировали в Тамбовском округе, в сентябре 1930 г. крупная эсеровская организация была разгромлена в Корочанском районе. Согласно версии ОГПУ, повстанческая организация «Таловская» имела свои ячейки в большинстве сёл Таловского района и насчитывала 275 чел [30].

Центрально-Чернозёмная область была вторым по значению (после Ленинградской области) районом распространения иосифлянского движения в русской православной церкви, враждебно относившегося к любым уступкам со стороны церковного руководства по отношению к безбожной власти. Именуя себя истинно-православными, сторонники епископа Козловского Алексия (Буя) в конце 1920-х гг. отвергли власть митрополита Сергия и взяли под контроль более 80 приходов епархии. Репрессии против истинно-православных начались сразу, а в 1930–1932 гг. приобрели особенно массовый характер.

Весной 1930 г. чекисты раскрыли огромную «повстанческую организацию» «Истинно-православные христиане», состоявшую из 492 участников, в том числе 81 священнослужителя и 75 монахов. Организация имела свой руководящий центр в Воронеже и в 1929-м провозгласила открытую борьбу с властью. Полпредство ОГПУ уверяло, что «истинно-православные» создали свои опорные пункты в Тамбове, Козлове, Боброве и многих районах, располагая как руководителями, так пропагандистами и связниками. Опорные пункты, в свою очередь, опирались на ячейки в сёлах, которые создавались так называемым церковным активом. Именно этой организации чекисты приписали организацию многочисленных восстаний в нескольких округах области в январе и феврале. К повстанческой деятельности иосифляне вряд ли имели прямое отношение, но антиколхозную агитацию вели активно. К 1 апреля 1930 г. по делу «истинно-православных христиан» было арестовано 286 чел.

В мае 1930 г. была проведена ещё одна серия массовых арестов, повторившаяся год спустя. Однако скрывшиеся от репрессий священнослужители к январю 1932 г. смогли возобновить свою нелегальную деятельность, объединив 27 групп — в Воронеже, Козлове и 25 сёлах. Но вскоре чекистам удалось завербовать священника В. Кравцова и с его помощью раскрыть катакомбников. Новые аресты активных иосифлян были проведены позднее, осенью 1932 г [31].

В конце 1930 г. была раскрыта «организация» бывших дворян, чиновников и духовенства. Это дело, названное чекистами «Краеведы», стало фактически филиалом громкого «Академического дела» на группу виднейших русских историков. В сентябре 1930 г. академик С. Ф. Платонов под давлением чекистов среди заговорщиков назвал своего ученика С. Н. Введенского, доцента Воронежского университета, историка и краеведа, которого взяли 5 ноября. Затем последовали аресты других, связанных с ним краеведов, не только воронежских, но и из Курска, Орла, Липецка, Тамбова, Ельца, Задонска и т. д. Всего по делу этой «монархической организации» прошло 92 человека. Пятерых приговорили к расстрелу, остальных — к 3-10 годам лагерей. Среди осуждённых были сотрудник Курского музея и нумизмат Т. А. Горохов; П. С. Ткачевский — краевед из Орла; П. Н. Черменский, много писавший о прошлом

Тамбовщины... И только в 1978 г. приговор был отменён. Дожили до этого двое из 92 краеведов [32].

Затем пришёл черёд «кулацко-эсеровских повстанцев», собранных в группы, получившие названия «Зелёная армия» и «Правая Оппортунизма». Летом 1931 г. была разгромлена «организация» демобилизованного члена ВКП (б) Н. М. Чешенко, бывшего начальника пограничной заставы. Он в приграничных с Украиной Чернянском и Ново-Оскольском районах якобы пытался создать единую организацию из скрывавшихся в лесах мелких повстанческих групп. Чекисты арестовали 23 активиста «организации», получив от Чешенко признания в том, что он планировал захватить Новый Оскол и освободить арестованных «кулаков» (в 1989 г. Чешенко был реабилитирован).

В сентябре 1931 г. чекисты разрабатывали «повстанческую организацию», состоявшую из строительных рабочих областного центра. Они под руководством бывшего офицера Свиридова планировали захватить оружейные склады и поднять совместное восстание городской и сельской контрреволюции, а особая боевая группа готовила террористические акты. Также воронежские чекисты разоблачили попытки создания «контрреволюционных ячеек» в стрелковом полку и авиационном парке.

С конца января по начало апреля 1931 г. чекисты провели две массовые операции по репрессированию антисоветских элементов. По завершению первой операции подчинённые Алексеева отчитались о разгроме 210 «группировок» и аресте 4.260 чел., после второй — об осуждении 2.418 чел. и выселении за пределы области 3.859 «кулацких» семей. Всего в 1930–1931 гг. из области было выселено 128,4 тыс. крестьян. С февраля 1930-го по апрель 1931 г. особая тройка полпредства ОГПУ под руководством Алексеева осудила 19.238 чел. Из них 15.233 были привлечены за контрреволюционную агитацию и участие в группировках и организациях, 3.023 — за активное участие в повстанческом движении, 973 — за совершение террористических актов. Наибольшее количество репрессированных пришлось на 1930 г. — осуждено тройкой 13.120 чел., в том числе к расстрелу — 1.280. В 1931 г. тройкой оказалось осуждено 9.025 чел [33].

Правой рукой Алексеева во всех репрессивных акциях с июня 1930 по октябрь 1931 г. был заместитель полпреда — старый чекист С. С. Дукельский, давний знакомый нашего героя по работе на Украине. Бывший сотрудник ИНО ОГПУ М. Р. Розенблюм, работавший у Алексеева в ИНФО уполномоченным, в 1930 г. был приглашён им в Воронеж и назначен начальником Экономического отдела полпредства. А вот давно работавший в Воронеже начальник Административно-организационного отделения полпредства А. А. Дзенис в 1931 г. был отправлен Алексеевым максимально далеко — зампредом ГПУ Якутии [34].

Постоянные атаки на крестьянство продолжались всё время пребывания Алексеева в области. О накале репрессий в последний период работы полпреда говорят недавно обнаруженные документы. Только за январь — март 1932 г.

чекисты «оперативно ликвидировали» на селе 104 разработки, арестовав 1.281 чел. Из них 223 чел. были записаны в пять контрреволюционных организаций, а 1.058 — в 99 «кулацких группировок». Помимо того, было арестовано и 1.075 так называемых «контрреволюционных одиночек». Всего за 1932 г. арестам органами ОГПУ подверглось 16.782 жителя области.

Разгромил Алексеев и некую «меньшевистскую» организацию, а также «монархическую», созданную якобы «врангелевским генералом Новиковым». В 1932 г. воронежские чекисты «раскрыли» множество групп повстанческого характера: «Крестьянский союз», «Крестьянская партия народной свободы», «Церковники», «Воинствующий Архангел». В рамках дела «Гидра» в трёх районах области было ликвидировано 12 «повстанческих группировок».

В 1932 г. только у работников Особого отдела полпредства ОГПУ в производстве находилось 296 дел оперативной разработки, за каждым из которых стояли потенциальная «антисоветская группировка» либо активный «антисоветчик». Все оставшиеся в области «кулацкие» хозяйства ставились под наблюдение «органов» и делились на семь категорий — в зависимости от предрасположенности к неповиновению. А в целом подучётный «контрреволюционный элемент» делился на целых 14 категорий.

Отметим, что преемники Алексеева сочли действия его подчинённых по насаждению агентуры недостаточными и в 1932–1934 гг. серьёзно обновили агентурно-осведомительный аппарат, обратив внимание и на его расширение, и на проверку имевшихся донесений с помощью агентов-маршрутников, которые выезжали в те районы, где негласная сеть оставляла желать лучшего. Однако в центральном аппарате ОГПУ были довольны результатами работы Алексеева и весной 1932 г. перебросили его в не менее ответственный регион — Западную Сибирь.

А разорённое хозяйство Центрально-Чернозёмной области в следующем году накрыл убийственный голод, от которого погибло свыше 240 тыс. человек. Массовые аресты недовольных и огромная смертность от голода имели следствием почти полное прекращение сопротивления коллективизации. Как отметил современный исследователь, «массовый голод... окончательно засвидетельствовал политическое поражение чернозёмного крестьянства... [которое] не имело больше сил противиться государственному террору» [35].

Алексеев и его сибирский клан

Сибирский период в жизни Алексеева стал не менее кровавым по сравнению с воронежским. И это при том, что во времена Алексеева, в отличие от его предшественника Леонида Заковского, в крае не было сколько-нибудь заметных крестьянских выступлений. Но именно при нём проходила последняя массовая стадия раскулачивания, при нём было расселение в глухомани высланных из крупных городов под маркой деклассированных... Также при Алексееве были нанесены исключительные по жестокости удары по интеллигенции.

Прибыв в Новосибирск, Алексеев уже 25 апреля 1932 г. был утверждён крайкомом ВКП (б) в должности полпреда ОГПУ с разрешением посещать все, включая закрытые, заседания бюро (12 июня его избрали в члены бюро крайкома). Приняв с 26 по 28 апреля дела от Заковского, Алексеев, взявший на себя также руководство Особым отделом СибВО, приступил к формированию своей команды. Правда, первоначально руки Алексеева были до некоторой степени связаны кандидатурой заместителя: на эту должность прибыл секретарь Коллегии ОГПУ А. М. Шанин, доверенное лицо Ягоды, много лет руководивший учётами и архивами ОГПУ.

Г. С. Агабеков характеризовал Шанина как «прихлебателя» Ягоды и «уголовную личность с явно садистскими наклонностями». Характерно, что он принял должность 7 апреля — на три недели раньше Алексеева. Для Александра Шанина назначение вторым лицом в региональное представительство ОГПУ было очевидным понижением (возможно, связанным со сталинским разгоном ряда руководителей карательного ведомства летом 1931 г. и временным ослаблением позиций Ягоды), но летом следующего года его вернули в Москву, избавив от положения надсмотрщика за полпредом.

И тогда Алексеев смог назначить своим заместителем выдвинувшегося при Заковском энергичного начальника ЭКО полпредства М. А. Волкова-Вайнера. Начальником Секретно-политического отдела (СПО) он сделал И. Д. Ильина, которого выписал из Воронежа и держал при себе всё время. Ильин, отлично справившись с фабрикацией «белогвардейского заговора», в 1933 г. сдал дела И. А. Жабреву и до весны 1935 г. возглавлял Особый отдел СибВО. Алексеев получил ряд опытных столичных контрразведчиков из Особого отдела — К. И. Науиокайтиса (не задержавшегося в Новосибирске), К. Ф. Роллера и Р. К. Баланду. Возможно, эти лица прибыли из Москвы по инициативе бывшего секретаря Коллегии ОГПУ и помощника начальника Особого отдела ОГПУ А. М. Шанина, пристроившего в Сибири разведчиков польско-литовского происхождения, оказавшихся в опале после изгнания из «органов» начальника Особого отдела ОГПУ поляка Я. К. Ольского. Новым работником в Сибири стал начальник Транспортного отдела А. М. Боярский, проработавший до 1934 г.

Начальником Общего отдела полпредства и начальником АХО УНКВД при Алексееве всё время был привезённый им с прежнего места работы В. С. Григорьев. Расстрелами ведал комендант М. И. Пульхров, также прибывший к Алексееву из Воронежа. В 1932 г. в Западную Сибирь из Татарии прибыл Д. Ф. Аболмасов, обвинённый тамошним полпредом Д. Я. Кандыбиным в развале работы. М. П. Шрейдеру, сменившему Аболмасова в ЭКО, уезжавший из Казани в Сибирь чекист со слезами рассказывал, что Кандыбин сожительствовал с его первыми двумя жёнами и затем пытался совратить третью, а получив отпор, стал преследовать Аболмасова, обвиняя в служебных упущениях... [36]

В 1933–1934 гг. в аппарате Особого отдела и отделе наружной службы краевой милиции работал, по характеристике М. А. Волкова-Вайнера, выдающийся

«боевик» С. А. Икка, в 1931 г. награждённый орденом Красного Знамени за участие в разгроме пришедших из Афганистана басмаческих отрядов Ибрагим-бека, а затем отправленный — как знавший восточные языки — в заграничную «спецкомандировку», где выполнял некие опасные задания. В 1933 г. Икка вернулся из-за границы, «подлечился, потому что у меня был сильный психоз», и приехал в Новосибирск к своему старому знакомому М. А. Волкову-Вайнеру.

Постепенно продвигался по службе молодой оперативник С. П. Попов, замеченный и обласканный Алексеевым ещё в Воронеже. В Новосибирске Попов стал начальником 1-го отделения СПО полпредства и вместе со своим непосредственным начальником И. Д. Ильиным внёс огромный вклад в фабрикацию множества крупных политических дел. Из Воронежа в ЭКО полпредства ОГПУ по ЗСК в 1932 г. прибыл и А. И. Гаевский, но он не сделал особой карьеры, хотя, как умелый чекист, привлекался к чтению лекций молодым оперативникам.

Аппарат полпредства ОГПУ резко вырос к середине 1932 г., а затем основной рост шёл за счёт районных отделов и заместителей по оперработе в политотделах МТС и совхозов. К началу июля 1932 г. в аппарате ПП ОГПУ (без милиции) насчитывалось 523 коммуниста и кандидата, т. ч. 41 женщина. По социальному положению они в основном относились к рабочим и служащим (по 40 %), на 20 % — к крестьянам. Оперработники составляли примерно 60 %, остальные входили в строительный отдел и отдел связи, закрытый военный кооператив и финотдел. Самым крупным оперативным отделом был СПО (52 партийца) и Особый (46), ЭКО был вдвое меньше (26), но в течение следующего года его численность подтянули до уровня конкурентов.

К июлю 1933 г. в новосибирском аппарате полпредства ОГПУ было примерно 300 оперработников. Основные отделы — Особый, СПО и ЭКО — насчитывали 140 партийцев (соответственно 44, 48 и 48 коммунистов и кандидатов). Партийная прослойка общего отдела (туда входила и комендатура) составляла 72 чел., отдела кадров — 35, оперода, спецотдела и учётно-статистического отдела — 31, погранохраны — 60, оперкурсов — 44 (годом ранее — 17), отдела фельдсвязи — 108, управления Сиблага — 48, оперчекотдела Сиблага — 18. На территории новосибирского вокзала трудились 17 чекистов-транспортников, сам же транспортный отдел числился отдельно и в нём насчитывалось порядка 30 чел.

К июлю 1934 г. число оперработников заметно не изменилось. Рабочих насчитывалось 33 %, крестьян — 12 %, служащих — 55 %. Вступивших в ВКП (б) до 1925 г. среди них было 40 %. По чекистскому стажу преобладали те, кто пришёл в «органы» в 1930 г. и позднее — 46 %; чекистов со стажем до 1920 г. было 12 %, а тех, кто поступил в 1921–1929 гг. — 42 %. Таким образом, половина чекистов имела стаж работы менее 5 лет. Основным звеном на местах были районные подразделения ОГПУ. В каждом районе (всего около 170) существовали райаппараты и райотделы, состоявшие обычно из двух-трёх оперативников. На железнодорожных станциях и пристанях работали либо

небольшие оперпункты, либо одиночные линейные уполномоченные. В ряде городов имелись оперсекторы (Омский, Барнаульский, Томский, Минусинский, Нарымский), насчитывавшие от 15 до 75 оперработников и курировавшие работу как окрестных райаппаратов ОГПУ, так и заместителей начальников политотделов МТС и совхозов по оперработе.

Общая численность персонала Барнаульского и Омского оперсекторов на середину 1934 г. превышала 70 чел. в каждом, а Нарымский, образованный летом 1931 г. на базе Колпашевского РО ОГПУ, был намного меньше. В Барнаульском оперсекторе насчитывалось 73 коммуниста, причём в СПО их работало 16, в особом отделении — 12, по линии ЭКО — 7, в общей части (секретариат, оперативные учёты, комендатура) — 11, в фельдсвязи — 19, по 4 партийца числились в совхозе ОГПУ и системе «Динамо». Текучесть кадров была высокой: с марта по август 1934 г. из Барнаула выбыло 22 работника, вновь прибыло — 16. При оперсекторах были прокуроры, контролировавшие следствие; «свой» прокурор имелся и при полпредстве ОГПУ.

В Улале (Ойротия) и Абакане (Хакасия) существовали небольшие по численности областные управления. Все четыре имевшихся горотдела концентрировались в Кузбассе — Кемеровский, Прокопьевский, Анжеро-Судженский и Сталинский, в них насчитывалось 15–25 оперработников. В наиболее крупных райотделах, вроде Барабинского, могло быть до десятка оперативников. Значительное количество оперработников имелось в погранотрядах (Ойротском, Минусинском), лагерных пунктах и спецкомендатурах Сиблага. Всего агентурой и следствием занималось до 1.500 чекистов, державших под неусыпным контролем более 8 млн жителей края. Важной вспомогательной структурой был Отдел фельдсвязи (более 1.000 работников), являвшийся по сути филиалом Отдела кадров — примерно десятая часть фельдгегерей ежегодно переводилась на оперативную работу, многие из них участвовали в арестах, а порой и в расстрелах осуждённых. Чекистские задания зачастую приходилось выполнять и милиции [37].

В кадры ОГПУ, где всё время была огромная текучесть, легко принимали сомнительных лиц с партбилетом, скомпрометировавших себя в служебном и моральном отношении. Омский нарсудья А. И. Вишнер в июле 1932 г. был снят с должности крайкомом ВКП (б) после заметки в «Гудке» о неправильном выселении жильцов дома и занятии их квартир судебными работниками. В том же году его взяли в 3-ю часть (позднее именовалась оперативно-чекистским отделом) Мариинского отделения Сиблага ОГПУ, а затем назначили начальником Новосибирского домзака, где Вишнер исправно участвовал в расстрелах осуждённых. Получив должную закалку, Вишнер оказался в штатах Отдела кадров УНКВД по ЗСК. Хозяиственник П. П. Огольцов в конце 1932 г. получил строгий партвыговор от Кемеровского горкома партии за допущенные убытки в тресте общепита, а в 1933 г. был направлен в ОГПУ [38].

Все враждебные строю лица должны были состоять под наблюдением, и материалы о их настроениях концентрировались в делах оперативного учёта,

поднимаясь от райотделов в вышестоящие чекистские структуры. Алексеев получил большое и перспективное хозяйство — к его приезду только в сельской местности чекисты вели агентурную разработку 63 «контрреволюционных группировок», насчитывавших 573 участника. От районных аппаратов полпредство требовало активного учёта враждебных элементов и разоблачения групповой «контрреволюционной активности».

Из цифр, представленных в ноябре 1933 г. работниками Тяжинского РО Томского оперсектора ОГПУ, следовало, что контрольные цифры «насаждения сети на мирное и военное время» — 462 чел. (42 резидента, 33 спецосведомителя, 387 осведомителей) были непомерно велики, поэтому чекисты утверждали, что могут добиться «насаждения» в районе лишь 351 агента — 38 резидентов, 22 спецосведомителя и 291 осведомителя (84). Задание оперсектора означало не менее 100 осведомителей и 10 резидентов на каждого оперативника, из-за чего негласная работа становилась во многом формальной, а основные функции руководства осведомительной сетью ложились на плечи резидентов. Найти же в рядовом районе порядка 75 квалифицированных негласных работников для исполнения обязанностей резидентов и спецосведомителей, как указывалось в заданиях для Тяжинского РО ОГПУ, было практически невозможно. В связи с этим говорить о реальности принимаемых обязательств в районных отделах ОГПУ не стоит. Но если чекисты смогли «насадить», как запланировали, 38 резидентов и 22 спецосведомителя, это значит, что они, вероятно, завербовали основную часть районного начальства и специалистов [39].

Помимо арестов, в начале 30-х годов чекистами в отношении «социально близких» применялась и так называемая профилактика, ставшая основным методом работы с инакомыслием в КГБ 1960–1980 гг. Лиц, критиковавших советские порядки, вызывали в «органы» и там предупреждали о необходимости вести себя потише. Так, в информации ОГПУ для Барнаульского горкома ВКП (б) от 23 марта 1932 г. говорилось, что жена рабочего Чулкова «ходит по квартирам рабочих и ведёт следующий разговор, что меня уже два раза таскали в ГПУ за то, что я говорю, что эта власть заморила рабочих... а я говорила и буду говорить, чтобы эта власть скорее провалилась» [40].

«На земле, залитой кровью, создана новая колхозная жизнь!»

Чекистский аппарат, доставшийся Алексееву от предшественника, был готов к любым зверствам. Привычно били и издевались над арестантами и во всех отделах краевого управления, и в местных горрайотделениях, и в лагерных пунктах. В октябре 1932 г. прокурор Запсибкрая в циркуляре, адресованном городским и районным прокурорам, отмечал, что органы ОГПУ повсеместно грубо нарушают законность: арестовывают «социально близких», затягивают сроки пребывания под стражей, а также избивают допрашиваемых и создают «невыносимые условия содержания».

Что касается полпреда, то его боялись сами сотрудники. Годы подполья и службы в ОГПУ не лучшим образом повлияли на характер Алексеева: этот внешне привлекательный высокий блондин отличался крайней грубостью, работая с подчинёнными методом накачек и разносов.

Запомнив, как Алексеев гонял новосибирских чекистов, его личный парикмахер Иван Вертинский, арестованный в 1937-м, рассказал следователю, что полпред гораздо лучше относился к нему, нежели к своим подчинённым: «Алексеев грубо обращается с сотрудниками, материт их и выгоняет из кабинета. Я хвастался, что... Алексеев и его секретарь Соснин ко мне относятся лучше, чем к оперативным сотрудникам, что я превратился в «дворцового брадобрея», что мне доверяют и дают брить важных арестованных генералов... [в том числе], кажется, Болдырева...»

Алексеев действовал очень активно и инициативно, поэтому вряд ли его имел в виду Г. Г. Ягода, когда 23 сентября 1933 г. объявил приказ «О дисциплине в органах и войсках ОГПУ», в котором недовольно констатировал: «Ряд ПП шлют длинные телеграммы, в которых не всегда понятно, кто и за что арестован, за многословием которых не видно содержания. Часто эти длинные телеграммы прикрывают оперативную бездеятельность аппарата» [41]. Аппарат Алексеева совершенно невозможно было упрекнуть в бездеятельности.

О террористической деятельности Алексеева наглядно свидетельствуют следующие ставшие известными цифры. Так, за 1932 г. только в тюрьмах и колониях края (без Сиблага ОГПУ) от голода и болезней погибли 2.519 чел. Во второй половине 1932 г. чекистами было арестовано более 2.200 «вредителей» и «расхитителей социалистической собственности». Всего же в течение 1932 г. по ст. 58 УК было арестовано 10.980 чел. Подавляющее большинство политзаключенных осуждалось во внесудебном порядке тройкой при полпредстве ОГПУ, которую возглавлял сам Алексеев или его ближайшие помощники.

Доля судебных учреждений в решении судьбы привлекавшихся по политическим статьям была многократно меньше — за 1932 г. народные суды края осудили 90.548 чел., в том числе 248 — по ст. 58. В 1933 г. нарсуды осудили 90.536 чел., из них 138 «контрреволюционеров» (в тот год тройкой только расстреляно было примерно в 10 раз больше). С декабря 1932 г. по июнь 1933 г. в крае оказалось арестовано около 15 тыс. деревенских «вредителей», из которых порядка 12 тыс. за тот же период было осуждено, а 1.500 — освобождено как необоснованно привлечённые. В том же году на о. Назино и в его окрестностях в Нарыме по вине лагерной администрации голодной смертью погибли несколько тысяч городских жителей, выселенных из Москвы, Ленинграда и других крупных городов как «социально-вредный элемент». Смертность заключенных Сиблага ОГПУ в 1933 г. составила 15,9 % от среднесписочного состава, что означало гибель от голода и эпидемии тифа 7,7 тыс. человек [42].

Писатель Р. В. Иванов-Разумник, сидевший в новосибирской тюрьме осенью 1933 г., вспоминал о некоторых сокамерниках: «Был здесь и нагловатый гепеушник, обвинявшийся «в преступлениях по должности». Он нисколько не унывал и был уверен, что во всяком концентрационном лагере снова всплывёт на командные высоты. Был здесь и доставленный по этапу из Петербурга бывший помощник инспектора милиции по обвинению в бандитизме. Красочно рассказывал, как в отделении милиции избивают арестованных до полусмерти, «да так, чтобы никакого знака на теле не оказалось». Был здесь и рабочий из Минусинска, арестованный за то, что брат его принимает участие в каких-то «чёрных бандах». Был здесь и бывший красный партизан, ныне служивший в каком-то учреждении. Целая группа лиц там «созналась» во вредительстве, а вот его никак не могли уговорить и убедить, что он тоже должен «сознаться». То, что он рассказывал, было до того потрясающим, что не только в Англии, но даже где-нибудь и в Сербии немедленно арестовали бы следователей, так ведущих дело» [43].

Спецификой сибирской ситуации в период работы нового полпреда был голод. В поражённой рядом неурожайных лет Сибири, где темпы коллективизации и хлебозаготовок били рекорды, голод начался ещё осенью 1931 г. и продолжался до 1934-го. В докладе одного из ответственных работников, подготовленном для ЦКК ВКП (б) и адресованном Я. Э. Рудзутаку, Н. К. Антипову и А. И. Криницкому, говорилось, что на 1932 г. 70 % западносибирских колхозников не имели коров, а остальные должны были лишиться последней скотины в ходе обязательных мясопоставок. Падёж молодняка в совхозах составлял две трети от численности.

Чиновник делал вывод, что колхозы и совхозы «прокормить страну... в ближайшее время не сумеют». Также он заявил: «Я не видел ни одного колхоза, в котором бы не произошла огромная убыль населения из-за бегства из деревни в город. Причём это бегство происходит семьями и избы совершенно заколачиваются» [44]. Оставленные без семенного зерна, особенно пострадали многие алтайские районы, где люди массами опухали и умирали от голода.

Однако на территории современных Новосибирской и Омской областей тоже свирепствовал голод. Инспектор Барабинского райздравотдела в марте 1932 г. обследовал большое село Карповка (1000 дворов) и обнаружил из живности двух куриц, петуха и несколько тощих собак. Около 500 семейств уехали, побросав дома, остальные страдали от дистрофии, собирали падаль, опухали. Имевший 650 трудодней колхозник Ф. Бородин, у которого было пятеро детей, на глазах инспектора ругал их: «Черти, не умирают!..»

Положение в Татарском и Называевском районах было ещё хуже. Между тем в июле 1932 г. бюро Барабинского райкома партии, игнорируя продовольственную катастрофу, по докладу начальника РО ОГПУ постановило в 5-дневный срок выявить все классово-чуждые элементы в колхозных правлениях, развернуть работу по возвращению вышедших из колхозов «бедняцко-средняцких элементов», а также ликвидировать нарушения

законности в колхозах и сельсоветах, которые используют «кулаки» для своей агитации [45] .

Обилие разорённых коллективизацией людей кололо властям глаза. В сентябре 1932 г. заместитель Алексеева А. М. Шанин писал в крайком и крайисполком, что многочисленные попрошайки — беспризорники, больные, инвалиды — «резко бросаются в глаза едущим (по железной дороге) пассажирам, а в особенности иностранцам». Чекист просил власти дать распоряжение райисполномам «о принудительном водворении указанных лиц в детдома и дома инвалидов». А когда в том же 1932 г. руководство Покровского райкома ВКП (б) во главе с секретарём И. П. Жуковым отправило письмо Сталину о жутком голоде в районе, присовокупив посылку с образцами суррогатов, которыми питались колхозники, то крайком поручил лично товарищу Алексееву немедленно наказать номенклатурного «клеветника», осмелившегося вынести сор из избы [46] .

Один раз о том, что творилось в Сибири тех лет, можно было прочесть в газете — благодаря грубой промашке партийной печати, в нескольких словах идеально охарактеризовавшей всё происходящее. Как член бюро крайкома Алексеев участвовал в решении вопроса по поводу возмутительной ошибки в газетном заголовке — 3 ноября 1933 г. краевая «Сельская правда» вышла с торжественной шапкой, приуроченной к октябрьской годовщине: «На земле, залитой кровью, создана новая колхозная жизнь». Что называется, не в бровь, а в глаз. За напечатание «Сельской правдой» почти 100-тысячным тиражом невольной правды бюро постановило редактору Н. Понурову дать выговор, а номер с заголовком, «имеющим контрреволюционную сущность» — изъять [47]

Но и обычные опечатки наряду с двусмысленными заголовками тоже внимательно отслеживались. Из-за неграмотности наборщиков, например, «светские владыки» из статьи Н. В. Крыленко превращались в «советских владык», Сталинград — в Сталингад, а «неизменное руководство» Сталина — в «низменное». Молодой сибирский журналист Г. М. Марков, будущий глава Союза писателей СССР, вспоминал, как в первой половине 30-х годов он, редактор краевой молодёжной газеты «Большевицкая смена», если проскакивала «политическая опечатка» («гиблый ум» Сталина вместо «гибкий» и т. д.), звонил в «органы», которые обеспечивали возвращение и уничтожение тиража [48] .

«Белогвардейский заговор» и «заговор в сельском хозяйстве»

1933 год оказался особенно урожайным в части истребления «бывших». На январском объединённом пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) 1933 г. Сталин заявил, что «уничтожение классов достигается не путём потухания классовой борьбы, а путём её усиления». Он поставил задачу «развезть в прах последние остатки умирающих классов», дав подробный список подлежащих арестам и физическому уничтожению. Формулировки вождя были самыми широкими:

«частные промышленники и их челядь, частные торговцы и их приспешники, бывшие дворяне и попы, кулаки и подкулачники, бывшие белые офицеры и урядники, бывшие полицейские и жандармы, всякого рода буржуазные интеллигенты шовинистического толка и все прочие антисоветские элементы». По всей стране — от Белоруссии до Дальнего Востока — органы ОГПУ всемерно усилили фабрикацию дел, а всего в течение 1933 г. было арестовано 283 тыс. «контрреволюционеров».

Алексеев оказался в числе самых активных исполнителей сталинского поручения. Представители уничтоженного большевиками строя вызывали особенную ненависть полпреда. Хотя бывших белых офицеров по всей Сибири к концу 1920-х гг. насчитывалось не более четырёх-пяти тысяч, Алексеев сочинил байку о том, что их только в Западной Сибири 10 тыс. и все они представляют собой готовые повстанческие кадры.

Выступая в феврале 1933 г. на объединённом пленуме крайкома и крайисполкома, Алексеев гневно обрушился на тех хозяйственников, которые ещё не избавились от бывших белых офицеров. Его возмущению не было границ: «Бывшего 3-го Барабинского (Барнаульского — А. Т.) полка офицеров белой армии в одном городе (Барнауле — А. Т.) сидят 24 гаврика... начали искать дальше, оказывается, подполковник есть. Когда дальше стали искать — [нашёлся] полковник, а ещё дальше — начальник дивизии. Сидят все вместе живые. [...] Приходится нашим партийцам спрашивать наших хозяйственников — почему они подбирают такую сволочь?» На чью-то реплику: «Грамотные люди!» полпред воскликнул: «Это верно, но почему можно думать, что грамотные люди безопаснее безграмотных?!» Роберт Эйхе тут же подал уточняющую реплику: «Они грамотны по контрреволюционным делам». Сообщив собранию о раскрытии за последнее время 107 контрреволюционных групп в колхозах (с 700 участников, из которых 25–30 чел. были коммунистами), Алексеев тут же подчеркнул, что «это очень мало» [49] .

Что касалось хищений, то даже не очень большие цифры украденного вызывали очень жестокие меры: по словам Алексеева, из 70 проходивших по делу «Союзтранса», где было расхищено свыше 6.000 руб. (два десятка месячных зарплат), расстреляли 36 чел. Услышав аплодисменты и крики «мало!», Алексеев пообещал собравшимся, что борьба с расхитителями социалистической собственности только начинается, и под одобрительный смех заявил, что «едва ли придётся огорчаться цифрами снижения» количества осуждённых. Он отметил, что за последние пять месяцев в крае было арестовано «по кооперативно-торговой системе» 2.229 человек, в том числе около 100 коммунистов. Активно применялся и знаменитый «указ о колосках» от 7 августа 1932 г., по которому к августу 1933 г. в крае было осуждено около 13,6 тыс. человек.

Алексеев свои выступления перед партийцами использовал не только ради пропаганды чекистских успехов, но и для запугивания чиновников и активистов мифическими повстанцами. Выступая 4 июля 1933 г. перед краевым

сельхозактивом, полпред подчеркнул опасный для власти опыт повстанческой борьбы, приобретённый крестьянством в годы гражданской войны: «Опыт наших сибирских восстаний говорит за то, что народ здесь повстанческую деятельность знает, имеет практику исключительно большую. Здесь умудрялись, начав с 3-х винтовок и десятка охотничьих ружей, в период Колчаковщины находить пулемёт. Так что народ здесь прошёл хорошую школу гражданской войны. Да и кулачество, которое принимало в известной части участие в партизанском движении, тоже эту школу прошло» [50] .

Главным делом Алексеева в Сибири, помимо завершения коллективизации, стала фабрикация двух огромных дел, уничтоживших и стёрших в лагерную пыль тысячи крестьян и интеллигентов — «заговора в сельском хозяйстве» и «белогвардейского заговора». Удар по «бывшим» — офицерам и священникам, торговцам и служащим царского и колчаковского правительств, зажиточным крестьянам — был беспощадным. Новый полпред утёр нос спецам своего предшественника Л. М. Заковского, которые посадили и расстреляли очень многих, но так и не смогли представить московскому начальству убедительных доказательств существования масштабной общесибирской повстанческой организации.

Ещё в 1931 г. работники Секретно-политического отдела усиленно разрабатывали дело «Паутина», утверждая, что «факт существования на территории ЗСК широко разветвлённой и сложно построенной, многочисленной по составу к-р организации является установленным». Считалось, что в Сибири под прикрытием Общества по изучению Сибири и её производительных сил (ОИС) — крупнейшего в регионе научного общества — осуществлялась консолидация вредительской организации, а Совет ОИС формировался из лидеров «отраслевых вредительских групп». По агентурной разработке «Паутина» проходили бывший генерал-лейтенант, главком Уфимской дирекции Василий Болдырев, известный учёный-библиограф, директор краевой библиотеки Пантелеймон Казаринов, писатель Максимилиан Кравков, а также около тридцати других видных интеллигентов Новосибирска, Томска и Омска, впоследствии большей частью осуждённых по делу «белогвардейского заговора» и другим делам.

Однако людям Заковского не удалось осудить даже «головку» общесибирской заговорщицкой организации. Напрасно замначальника Особого отдела СибВО А. К. Залптер в апреле 1931 г. просил, чтобы на Лубянке сняли показания против В. Г. Болдырева с арестованных в рамках огромного дела «Весна» военачальников А. А. Свечина и А. А. Балтийского — те не дали никаких компрометирующих материалов против Болдырева, арестованного по прямому предложению начальника Особого отдела союзного ОГПУ Я. К. Ольского. Заковский в ответ заявил, что полагаться на благоприятные для Болдырева показания Свечина и Балтийского не стоит, предложив подчинённым искать «новые факты на Болдырева» на месте. Но те не справились с поручением полпреда. В итоге Болдырев, проведший несколько месяцев за решёткой, был освобождён.

В докладной записке по «Паутине» от 17 октября 1931 г. говорилось, что следствие по делу арестованных членов контрреволюционной группы ОИС и Западно-Сибирского географического общества закончено и направлено в Коллегию ОГПУ. Но дело оказалось прекращено и возвращено в Новосибирск — с указанием, что в следственных и оперативных материалах нет доказательств наличия сговора обвиняемых, заранее обусловленного образа действия, целевой установки, нелегальных организационных связей, то есть всех тех «элементов, присущих оформленной подпольной организации». Почти одновременно с «Паутиной» лопнуло дело о вредителях в Сибирском геодезическом управлении. Арестованные по указанным делам восемь человек были освобождены, причём пятеро из них дали подписку о сотрудничестве с ОГПУ...

На основе дела «Паутина» в феврале-марте 1932 г. стали формироваться новые агентурные дела с разбивкой по отраслям: «Плановики», «Историки», «Географы», «Геодезисты», «Мистики», «Мелиораторы», «Растениеводы» и др. Именно эти разработки легли в основу фабрикаций «белогвардейского заговора». Алексеев, прочно устроившийся в Новосибирске, в конце 1932 — начале 1933 гг. настроил аппарат на то, чтобы материалы по отдельным «антисоветским группировкам» были выделены в два сверхкрупных производства. Были заброшены составленные ещё при Заковском планы использовать Болдырева «втёмную» для легендирования существования в Сибири заговорщицкой организации и ведения оперативной игры с белоэмигрантами.

Фактически Алексеев выполнял указание Сталина, отправившего в декабре 1932 г. на места записки зампреда ОГПУ Г. Е. Прокофьева и начальника ЭКО ОГПУ Л. Г. Миронова о разоблачённых контрреволюционных организациях в Ветеринарном управлении Наркомзема СССР и Трактороцентре. Вождь приказал: «Ввиду исключительного значения рассылаемых материалов предлагается обратить на них серьёзное внимание». Фабрикация громких заговоров («белогвардейского» и «сельскохозяйственного») началась немедленно после сталинского указания и была успешно завершена к весне и лету следующего, 1933 г. Одновременно с ними было сфабриковано и менее крупное так называемое «лесное дело», по которому в июне 1933-го Коллегия ОГПУ и местная тройка осудили 338 работников лесного хозяйства [51].

Трудно сказать, имел ли Алексеев опыт крупных провокаций в период работы особоуполномоченным при СОУ и в Информационном отделе союзного ОГПУ. Скорее всего, имел, поскольку уже воронежский опыт его деятельности оказался исключительно богат на фабрикации массы контрреволюционных организаций, а сибирский этап в этом отношении — вообще нечто выдающееся.

Собственно, выдумать повстанческую или шпионско-диверсионную группу было не так чтобы очень сложно — «враги» были под рукой всегда. Гораздо труднее было обеспечить видимость правдоподобия шитых белыми нитками следственных материалов. Выручала провокация, то есть участие в оперативных

мероприятиях (под видом завязанных контрреволюционеров) штатных и особенно внештатных сотрудников госбезопасности, которые брали на себя роль организаторов и активистов той или иной «организации». Аппарат, подобранный Алексеевым, мастерски проделывал такие штуки. Даже совершенно отпетому Заковскому ни разу не удалось в Сибири состряпать такого дела, по которому можно было бы разом расстрелять тысячу человек. Николай Николаевич старательно продвигал по служебной лестнице самых умелых фальсификаторов, вроде С. П. Попова или И. А. Жабрева, доросших впоследствии до начальников региональных управлений НКВД.

Самого Алексеева в 37-м не допрашивали относительно нарушений законности в период работы в провинции, поскольку следователей интересовали сведения о «шпионско-заговорщицкой деятельности» бывшего резидента и полпреда. Но от многих подчинённых Алексеева такие показания взяли. Ниже будет процитирован рассказ о методах своей работы одного из ближайших подручных Алексеева — начальника Барнаульского оперсектора ОГПУ Ивана Жабрева, имевшего огромный специфический опыт и фабриковавшего липовые повстанческие организации ещё в бытность своей службы в Новониколаевской губчека.

В течение 1930–1933 гг. Жабрев упрятал за решётку более четырёх тысяч «врагов»: в 1930-м арестовал в Бийском округе свыше 1.500 человек, в 1931–1932 гг. в Барнаульском оперсекторе «ликвидировал 37 к-р повстанческих организаций с количеством участников 1.409 человек, 128 к-р группировок повстанческих, вредительских, срывательских и т. п. с количеством участников 1.120 человек». За эти отменные успехи он был переведён в Новосибирск и назначен начальником СПО полпредства ОГПУ по Запсибкраю. Три года спустя он покинул Сибирь, а в конце 1938 г. Жабрева арестовали как «заговорщика». Помимо информации о мифическом заговоре в НКВД, следователи на всякий случай выпытали из него сведения о «вредительской работе», поскольку «избыточные» репрессии с окончанием ежовщины трактовались как антисоветское стремление озлобить население и настроить его против сталинского руководства.

Жабрев во время следствия раскрыл ряд самых охраняемых секретов чекистской кухни, касавшихся фирменного метода — провокации. Сомневаться в откровенности Жабрева здесь нет оснований, т. к. эти факты хорошо проверяются рассекреченными следственными делами. Из его пространных показаний следует, что в среде сибирских чекистов первой половины 30-х годов «...было пущено крылатое выражение «соцзаказ». Под этим «соцзаказом» разумелось проведение заведомо фальсифицированных дел в зависимости от политической обстановки. Из таких проведённых фальсифицированных дел могу привести дело «Мимикрия»... проведённое начальником [Барнаульского оперативного] сектора Чистовым с моим участием. Сущность этого дела сводилась к тому, что простая хищническая группа была оформлена в конечном счете путём провокационной работы агентуры в широкую диверсионную

группу в рабочем снабжении и питании на [барнаульском] меланжевом комбинате».

Между прочим, дело «Мимикрия» дошло до самого Политбюро ЦК. В ноябре 1933 г. спецколлегия Запсибкрайсуда приговорила к расстрелу шестерых «вредителей в рабочем снабжении» во главе с начальником отдела снабжения барнаульского Текстильстроя А. А. Халтуриным. Проверка, как сообщал Сталину Прокурор СССР И. А. Акулов, показала, что осуждённых начальник Барнаульского оперсектора П. В. Чистов и оперативник С. В. Толмачёв уговорили признаться, предъявив к ним «требование доказать [этим] преданность партии и Соввласти, ввиду якобы необходимости создать политический процесс о вредительстве с тем, чтобы на примере этого процесса ликвидировать расхлябанность, бесхозяйственность и т. п. явления в среде торгово-кооперативных работников». На записке Акулова Сталин начертал: «Членам ПБ. Надо разрешить проверку». Судя по тому, что дело было прекращено только в 1963 г., высочайше санкционированная проверка не спасла осуждённых.

Далее Жабрев показал: «Второе дело — «Степные» — по Завьяловскому и Тюменцевскому районам Барнаульского сектора, в которых на базе небольших антисоветских групп агентура была приведена в активное провокационное положение, [и] в работе была создана «мощная» антисоветская организация. Перед ликвидацией этого дела Чистов распространил по отдельным организациям через агентуру значительное количество оружия, взятого из комендатуры [оперсектора]. Это всё проводилось под моим руководством.

Дело «Паспортисты». По агентурной разработке по указанию быв. ПП ОГПУ Алексеева готовился провокационный налёт на политотдел. О всей этой провокации я был осведомлён через Чистова. Налёта не было только потому, что Алексеев испугался размера провокационных действий в агентурных разработках и следствии, проводимых Чистовым. [...].

По агентурному делу «Цепочка», которое велось на троцкистскую группу в Новосибирске, Попов с моего ведома направил агента, работавшего по этой разработке, на провокацию с целью увязать большое количество троцкистов, хотя и не входящих в эту группу». Далее Жабрев пояснял, что упоминавшийся выше налёт на политотдел Калманской МТС готовился с целью доказать факт покушения на его начальника К. В. Рыневича. С помощью агентуры же было сфабриковано крупное дело на «церковно-монархическую организацию» в Томске, якобы связанную с харбинскими белоэмигрантами — «вся организация по существу была сфальсифицирована» Жабревым и томским чекистом В. П. Журавлёвым. По этому делу, именовавшемуся старообрядческой повстанческой организацией «Сибирское братство», в 1932–1933 гг. было осуждено 283 чел., в том числе три епископа, 32 священника и 74 монаха. Центр организации находился в Томске, а повстанческие ячейки «насаждались под видом скитов и монастырей в глубокой Нарымской и Минусинско-Абаканской тайге».

Также по прямому указанию Алексеева было придумано дело работников «Союзутиля» братьев Громовых, а также Колоярцева, Абрамова и других, «которые якобы готовились совершить теракт над Эйхе» (о последней истории будет сказано ниже — А. Т.). С секретарём Запсибкрайкома партии Робертом Эйхе наш герой был на «ты» и не забывал умаслить жестокого латыша сообщением о раскрытии очередного на него покушения. Точно так же будут поступать и следующие руководящие чекисты Западной Сибири — В. М. Курский, С. Н. Миронов, Г. Ф. Горбач, поскольку могущественный Эйхе сидел в Новосибирске до самой осени 37-го и чекистские усилия по охране своей персоны в высшей степени одобрял. В 1934 г., продолжал Жабрев, было «сфабриковано дело на группу, пытавшуюся взорвать мост через Обь в Барнауле, дело на лиц, осуждённых за участие в фашистской организации [немцев] в Гальбштадтском районе» [52].

Упомянутый Жабревым Серафим Попов, ведущий следователь СПО ПП ОГПУ — УНКВД по ЗСК в течение целых пяти лет, оказавшись за решёткой, довольно нахально обвинял своего бывшего начальника за дела 1933 г.: «Жабрев, работая длительное время начальником Барнаульского сектора, сумел подобрать ряд надёжных для себя лиц и воспитал их в антисоветском духе — сделал из них способных на самые ужасные преступления, на любую мерзкую липу. Им было совершенно безразлично, идёт ли речь о враге или о друге советской власти. Это были Матусевич и Журавлёв, которые фальсифицировали следствие, опирались на своих людей. Жабрев сумел создать в Барнауле крепкую группу из лиц, потерявших [моральный] облик и превратившихся в прямых провокаторов.

Барнаульский сектор под руководством Жабрева особенно выделялся наглой фальсификацией и поэтому сумел дать количественно большую периферию — боевые группы, входившие в «белогвардейский заговор» и «заговор в сельском хозяйстве». Только по этим двум делам по Барнаульскому сектору было арестовано и осуждено тройкой свыше 2500 человек. Жабрев, как особо отличившийся в этом, сразу же был назначен начальником СПО УНКВД (ПП ОГПУ — А. Т.)). На допросе в январе 1939 г. Попов показал: «...На первых порах следствия мне стало ясно, что дело о белогвардейском заговоре дутое и является сплошной фальсификацией. Ежедневно утром начальник СПО Ильин собирал следователей и давал им схемы будущих показаний арестованных. Следователи по этим схемам составляли протоколы, которые потом давали подписывать арестованным». Также Попов показал, что «между СПО и ЭКО шло активное соревнование в фальсификации следствия, координируемого полпредом Алексеевым» [53].

На очной ставке 9 февраля 1939 г. Жабрев и Попов подтвердили факт массовой фабрикации дел в Барнаульском оперсекторе ОГПУ, назвав в качестве виновных начальников отделений сектора П. Ф. Аксёнова (умер в Новосибирске в 1960-м), Г. Л. Биримбаума (арестован в 1939 г., осуждён на 10 лет, освобождён в начале войны и возвращён в НКВД), В. П. Журавлёва (умер в 1946 г. при не вполне ясных обстоятельствах) и Г. А. Линке (исключён из партии в Новосибирске в 1942 г.). Жабрев признал, что руководил созданием

«белогвардейского заговора» и «заговора в сельском хозяйстве» путём подлога и фабрикация следственных материалов.

В случае с несостоявшимся налётом на политотдел с покушением на его начальника К. В. Рыневича Алексеев, как показывал Жабрев, испугался размаха провокации. Но обычно Николай Николаевич не пугался, и количество его жертв в Сибири исчисляется многими и многими тысячами. Так, в колхозах одной только Сростинской МТС в 1933 г. было арестовано более 320 мужчин, из-за чего некоторые колхозы к посевной следующего года лишились до половины работников. Самым крупным делом стал «заговор в сельском хозяйстве», по которому в апреле 1933 г. было приговорено к расстрелу 976 чел. Всего же по «заговору» оказалось осуждено 2.092 чел., из которых основная часть — 1.954 — прошла через тройку полпредства ОГПУ, а 138 — через Коллегию ОГПУ.

Из осуждённых тройкой расстреляли 952 чел. (и ещё один осуждённый к ВМН умер от сыпного тифа до приведения приговора в исполнение), осудили на 10 лет лагерей — 686, на 5 лет — 248, к меньшим срокам — 67 чел. Правда, согласно сведениям В. Ф. Гришаева, в Новосибирске 11 апреля 1933 г. были расстреляны ещё 84 участника заговора, что заметно увеличивает число его жертв. Наибольшее количество «заговорщиков» было расстреляно в Барнауле — 330, в Омске — 281, Томске — 104, Ойрот-Туре (ныне — Горно-Алтайск) — 78, Бийске — 57, Барабинске — 19 [54].

Алексеев 14 апреля 1933 г. доложил на бюро крайкома ВКП(б) о «раскрытии» двух заговоров — «белогвардейского» и «сельскохозяйственного». Руководство Сибири на самом деле к тому времени уже хорошо знало о гигантском размахе «вредительства» и «повстанчества», позаботившись, чтобы все «враги» были быстро осуждены во внесудебном порядке. Заслушав полпреда, крайком постановил просить Коллегию ОГПУ «при рассмотрении дел этих организаций применить самые суровые репрессии к контрреволюционным белогвардейским, повстанческим и вредительским элементам». В собственной же твёрдости сибирские руководители не сомневались. 7 марта 1933 г. Эйхе в телеграмме, адресованной Сталину, просил дать тройке право применять высшую меру наказания в отношении «контрреволюционеров». Вождь подождал, но 4 апреля 1933 г. Политбюро ЦК ВКП (б), откликаясь на телеграмму крайкома, предоставило тройке полпредства ОГПУ по Запсибкраю «право рассмотрения дел по повстанчеству и контрреволюции».

Именно через тройку прошло основное количество «заговорщиков». Массовые казни по «заговору в сельском хозяйстве» были произведены в том же апреле и начале мая, так что на всесоюзном совещании полпредов ОГПУ, созванном 3 мая 1933 г., Алексеев смог отчитаться просто о выдающихся результатах своей работы.

Сомневаться в том, что такое дело можно было сфабриковать только с помощью разветвлённой агентуры, нет оснований. Подробно данный «заговор» не

изучался (по нему только в Новосибирске одних специалистов-аграрников было арестовано 69, много интеллигенции «изъяли» и в Омске), но известно, что его «младший брат» — пресловутый «белогвардейский заговор», по которому было арестовано 1.759 бывших белых офицеров, интеллигентов, церковнослужителей и красных партизан — был достоверно создан с помощью ряда чекистских агентов. Они деятельно помогли сфабриковать этот «заговор», за что получили (хотя и не все) фирменную чекистскую благодарность — пулю в затылок.

Следовавший в обвинительном заключении под вторым номером (сразу за знаменитым генералом, учёным, мемуаристом В. Г. Болдыревым) Х. Е. Бутенко — бывший полковник царской армии и глава войск Приморского правительства при Колчаке — был агентом ОГПУ с 1923 г. Другим чекистским помощником являлся также записанный в руководители заговора Р. П. Степанов — бывший генерал-майор, командовавший 2-й Оренбургской казачьей дивизией и воевавший в корпусе генерал-лейтенанта А. С. Бакича. Незадолго до ареста агент Степанов был внедрён в германское консульство в Новосибирске — бывшего генерала устроили туда на работу в качестве истопника, но поскольку вся советская обслуга маленького консульства и так была заагентурена, Алексеев счёл возможным пожертвовать этим источником и провёл его по «заговору».

Другой крупный «заговорщик», согласившийся сотрудничать с ОГПУ — зоолог М. Д. Зверев (1896–1996) — был досрочно освобождён и, по всей вероятности, продолжал негласно работать на «органы», выступая лжесвидетелем в делах по обвинению интеллигенции. Д. М. Лихтанский на допросе в ноябре 1957 г. показал, что «ранее выполнял задания органов госбезопасности» и по службе в отряде генерала А. С. Бакича знал многих осуждённых по «белогвардейскому заговору». В начале 30-х годов этот агент возглавлял энергобюро строительства «Сибкомбайна» в Новосибирске. К уголовной ответственности он не привлекался. Помогал фабриковать «белогвардейский заговор» и агент Н. А. Кедролыванский — судя по фамилии, происходивший из священников. Он тоже не арестовывался и умер в Новосибирске в сентябре 1951 г [55] .

Признания ряда намеченных в руководящий центр интеллигентов — самого Болдырева, профессора-правоведа Б. П. Иванова, краеведов П. К. Казаринова и И. М. Залесского, профессора Н. П. Шаврова, бывшего товарища министра финансов колчаковского правительства Г. А. Краснова позволили чекистам достаточно быстро сфабриковать огромное дело. Подсаживаемый в камеры к Болдыреву и Краснову агент С. П. Волконский, бывший князь и экономист крайплана, уговаривал их признаваться, обещая небольшое наказание: «Волконский держался браво и убеждал всё Краснова в том, что тот хорошо сделал, что признался».

На местах внутрикамерная обработка арестованных тоже давала превосходные, с точки зрения следователей, результаты. Арестованных сексотов Омского оперсектора ОГПУ И. В. Антипина, Н. С. Ольшаневского, А. И. Рыбьякова и В. Д. Шалаева (все они были жителями Тевризского района) использовали

недолго, но эффективно. Эта четвёрка, помещённая в отдельную камеру, обработала около 70 человек из Тевризского района. Сексоты «помогли» арестованным признаться в заговорщицкой деятельности, за что их вознаградили освобождением или умеренным наказанием. Трое из них сидели меньше месяца и были освобождены уже в начале мая 1933 г. с прекращением дела, а четвертый (Антипин) получил пять лет ссылки. Рыбьяков двумя годами ранее уже арестовывался как «повстанец» и, вероятно, в этот раз купил себе свободу, дав подписку о сотрудничестве. Был у чекистов эффективный рычаг давления и на Ольшаневского — тот был бесправным ссыльным. Всего Омский оперсектор подготовил для осуждения тройкой 288 участников «белогвардейского заговора». А самыми успешными показали себя алтайские чекисты, арестовавшие 1.102 чел.: 710 партизан, 270 «церковников-монархистов» и 122 бывших офицера [56].

Согласно версии следствия, «заговорщики», тесно связанные с японским и германским консульствами в Новосибирске и объединённые в 238 ячеек, планировали установление в России буржуазно-демократической республики путём восстания, приуроченного к японской интервенции. Число схваченных по «белогвардейскому заговору», среди которых было 362 бывших офицера, немногим уступало «заговору в сельском хозяйстве», но расстрелянных по нему оказалось примерно втрое меньше - возможно, потому, что тройка получила полномочия расстреливать только на определённое время. Из 1.759 арестованных к маю 1933 г. было осуждено 1.057, в том числе 219 — к расстрелу, 92 — к 10 годам лагерей, 250 — к пяти годам... Дела ещё на 477 чел. были переданы для рассмотрения тройкой полпредства ОГПУ, а на 225 наиболее важных — отправлены в Москву, на суд Коллегии ОГПУ, которая определила высшую меру 28 из них. Новые казни «белогвардейских заговорщиков» были произведены в августе 1933 г.

Признания в антисоветской заговорщицкой деятельности вымогались угрозами, непрерывными многосуточными допросами, содержанием на голодном пайке (200–300 граммов хлеба в сутки) в холодных камерах и прямыми избиениями. Такая ситуация отмечалась повсеместно: специальный приказ союзного ОГПУ от 27 июля 1932 г. «Ко всем чекистам» говорил о наказании некоторых оперработников за издевательства над заключёнными. Но демонстративность такого рода наказаний хорошо известна из советской практики — под суд отдавали лишь тех оперативников, которые не могли скрыть факты применения пыток.

Преимственность отношения к арестантам у работников ВЧК-ОГПУ-НКВД не вызывает сомнения. В течение всех 1920-х гг. избиения подследственных также были нормой. Архивно-следственные дела начального периода коллективизации нагляднейшим образом свидетельствуют о массовых избиениях и пытках арестованных крестьян. А показания схваченных по делу о «белогвардейском заговоре» добывались омскими, к примеру, чекистами с помощью психологического шантажа, обмана (за подпись под протоколом обещали маленький срок и скорое освобождение), а также изошённых

избиений и заполненного водой подвального помещения, где на связанных арестованных бросались спасавшиеся от потопа крысы... [57]

Вот типичный исполнитель истребительных заданий В. Е. Большаков, работавший в СПО Бийского горотдела ОГПУ. В 1933-м он, совсем недавно пришедший в «органы», сфабриковал в Бийске (в рамках всё того же «белогвардейского заговора») дела на 70 чел., из которых шесть было расстреляно, 45 — осуждено на срок от трёх до десяти лет лагерей и 11 — сослано. Большакова вскоре уволили из НКВД в связи с осуждением брата за хищение зерна, а заодно исключили из партии за использование служебного положения и притупление бдительности.

Заверяя начальство в своей полной лояльности, он утверждал, что среди проведённых им дел по «белогвардейскому заговору» было и дело человека, приходившегося ему родственником. Большаков пояснял, что ему было неловко выпячивать этот факт из соображений секретности: «Парторганизация райотдела НКВД хорошо знала, что я лично... арестовал и вёл следствие по... родственнику жены, и я лично проводил дальнейшие операции по этому родственнику; не мог же я везде и всюду кричать, что я-де своего родственника расстрелял».

Ещё один из многих отличившихся при фабрикации алексеевских заговоров — Н. Г. Нефёдов, начальник Алтайского райотдела ОГПУ. По делу «белогвардейского заговора» в 1933 г. он допросил, применяя жестокие избиения, 62 чел., из которых 6 — были расстреляны, 47 — отправлены в лагеря и 9 — сосланы. Участвовал Нефёдов и в расстрелах осуждённых. Барнаульские чекисты избивали арестованных, морили голодом, замораживали (иногда до смерти) в специальной неотопливаемой камере — и в конце концов получали признания в существовании очередной контрреволюционной организации.

Виновные в расстреле 81 человека Яков Пасынков, Василий Большаков, Николай Нефёдов, Мирон Шорр, Михаил Носов, Михаил Самородов, Г. Дюженко (всего 13 оперативников) были в 1957 г. охарактеризованы как «специально подобранные следователи, известные как квалифицированные фальсификаторы», действовавшие с контрреволюционной целью истребления партийно-советского и хозяйственного актива. Президиум Алтайского крайсуда 19 декабря 1957 г., определив, что повстанческой организации под маркой «белогвардейского заговора» не существовало, а осуждённые по этому делу были честными добросовестными тружениками, постановил привлечь следователей по грозной статье 58-7 (вредительство) и направил это решение в краевую прокуратуру для дальнейшего расследования [58]. Но, насколько известно, никто из живых на то время из чёртовой дюжины следователей не был привлечён к какой-либо ответственности.

Искоренение оппозиции

Борьба с внутрипартийной оппозицией была очень важной стороной чекистской работы. Соответственно, недовольство сталинской политикой внутри партии ОГПУ оформляло в качестве проявлений вездесущего «троцкизма». Например, в 1932 г. были созданы «троцкистские дела» в Томске и Омске. В апреле 1932 г. партийные власти Томска констатировали вскрытие «контрреволюционной троцкистской группировки в городе Томске» из 13 коммунистов (среди них были И. Г. Муранов, П. Н. Рочев, А. Е. Колесников, В. Н. Раков и др.). В числе разоблачённых оказались три члена пленума горкома партии, трое секретарей партколлективов и один секретарь партячейки. В сентябре 1932 г. бывшие коммунисты из Томска и Нарыма во внесудебном порядке были осуждены; попали под удар и некоторые нарымские чекисты, не удосужившиеся разоблачить врага [59]. На этих примерах «предательства генеральной линии» воспитывалась бдительность и непримиримость партийцев.

В 1933–1934 гг. с подачи новосибирских чекистов было сфабриковано дело «Всесоюзного троцкистского центра», базировавшееся в основном на сибирских материалах. Из-за стойкости известных троцкистов в «Центр» удалось ввести только рядовых сторонников Троцкого из числа молодых ссыльных. Чтобы получить солидную цифру «заговорщиков», чекисты разбавили группу из 39 арестованных случайными людьми, не имевшими отношения к оппозиции. Работники 1-го отделения СПО под руководством Попова и Жабрева сфабриковали агентурное дело «Цепочка», используя провокатора, оговорившего тех, на кого указали чекисты. Обвинения были столь натянутыми, что большинство арестованных отделались небольшими сроками наказания. Троцкистской партийной молодёжи исправно вменялись в вину контакты и поддержка ссыльных лидеров троцкизма — Х. Г. Раковского, Н. И. Муралова, которых, однако, пока не трогали, прилежно собирая многотомные дела агентурного наблюдения [60].

В конце 1932 г. подручные Алексеева сфабриковали дело о сибирском филиале «Союза марксистов-ленинцев», арестовав нескольких работников крайплана из числа переброшенных в провинцию столичных партийцев, обвинённых в своё время в правом уклоне. Сразу после дела московской группы Рютина-Слепкова в Новосибирске предприняли меры по отысканию сторонников этих последовательных критиков сталинской политики. Они оказались под рукой.

Один из вождей группы — А. Н. Слепков — отбывал ссылку на берегах Иртыша в городке Таре, а довольно известный столичный публицист В. В. Кузьмин трудился заведующим сектором крайплана. К ним присоединили ещё троих — К. К. Кацарана (заведующего секцией капитального строительства крайплана), И. В. Юдалевича (замначальника краевого УНХУ) и Г. И. Раевича (заведующего конъюнктурной секцией и секцией сельскохозяйственной статистики крайплана). Внезапная поездка Кузьмина в августе 1932 г. в Москву, вызванная крахом его семейной жизни, в глазах чекистов стала попыткой организации сибирских «рютинцев» по заданию мифического московского центра.

Одним из инициаторов ареста был парторг крайплана С. Я. Эдельман, который 30 марта 1933 г. написал Эйхе подробную записку, в которой, отвечая на упрёки в недостаточной бдительности по отношению к «рютинцам», изложил свои чекистские заслуги: «Непосредственным поводом к аресту Кузьмина, Кацаран[а] и остальных было заявление, сделанное мной ГПУ (тов. Шанину в присутствии [начальника СПО III ОГПУ — А. Т.] тов. Ильина) о тех подозрениях, которые есть у меня и других членов нашей ячейки в отношении антипартийного поведения, контрреволюционной деятельности Кузьмина... Это заявление ГПУ я сделал, будучи тогда секретарём партячейки, на основании, во-первых, того, что мы всё время брали под сомнение партийную искренность и честность Кузьмина, Кацаран[а] и Раевича, и, во-вторых, тех косвенных подозрений, которые у меня были в отношении связи Кузьмина и гр.[уппы] Рютина, Слепкова, Марецкого и других». Характерно, что эта записка оказалась в следственном деле на «рютинцев» [61].

Кузьмин со Слепковым были отправлены в Москву, где ими занимались столичные следователи, оформившие подследственным довольно умеренные сроки. Сдержанная позиция лубянского начальства не позволила алексеевским подчинённым развернуть перспективное дело. Поначалу новосибирские следователи, сломав «марксистов-ленинцев», взяли от них показания о том, что Бухарин, Рыков и Томский решили приступить к террористическим методам борьбы со сталинским руководством.

Чекисты опирались на следующее красноречивое место в дневнике Кузьмина от 3 ноября 1928 г.: «Вчерашнее замечание Саши [А. Н. Слепкова] — и в следующий раз даже в шутку не говори таких вещей, как убить «К[обу]», тебя за это расстреляют». В обнаруженном у Кузьмина при обыске наброске политической программы значился и пункт о «немедленной высылке Кобы» (Сталина) за границу. Эти записи не были забыты чекистами. В 1937-м Н. И. Ежов на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП (б) подчёркивал, что мысль убить Сталина была зафиксирована в дневнике террориста-рютинца Кузьмина ещё в 1928 г.

Из показаний К. К. Кацарана, знакомого с Кузьминым с конца 1929 г., становится известным факт разговора Кузьмина с Бухариным, который в 1931 г. осведомился, подаст ли ему Кузьмин, недовольный отступничеством вождя, руку. Бухарин тогда сказал ученику: дескать, Володя, если вы обратили внимание на место в моей статье о крестовом походе папы римского против СССР, где было рассказано и о построении ордена иезуитов, и об отказе иезуитов от собственной личности во имя провозглашённой цели — так я его «специально подпустил». Тогда же Бухарин подчеркнул, что заявления об отходе от прежних взглядов не следует принимать всерьёз: «Всё это есть г...но, а главное, надо сохраниться (в политическом смысле — А. Т.)». В дневнике Кузьмина была обнаружена запись, свидетельствующая о его согласии с Бухариным: «В случае вскрытия лица лицемерить, признавать свои ошибки... лицемерить вовсю — обманывать эту шайку бюрократов...»

И. В. Юдалевич выжил и рассказал о жестоком следствии: ночных допросах, выстойках, карцере с голодным пайком. Он писал, что «отказывался стоять, не выносил ругани, грубости, оскорблений, застрашивания, а на попытку ударить меня лез в драку... изматерил нач. отдела, запустил в следователя чернильницу». Но в итоге был сломлен и подписал признание в антисоветской агитации. Не выдержали натиска бригады С. П. Попова и остальные арестованные. Всего Кузьмин, Слепков и их подельники назвали десятерых членов крайплана в качестве сообщников, но этот материал следователи не смогли развернуть в дело и отправили в архив, ограничившись осуждением трёх членов группы на три года лагерей каждого.

Алексеев, чувствующий настроение верхов, зажимал инициативу своих чекистов, которые пытались всучить Москве липу о подготовке «бухаринцами» и «рютинцами» террора против верхов. В 1937-м С. П. Попов и прочие оперативники СПО УНКВД по Запсибкраю обрушились на Алексеева с Жабревым за то, что те не оценили добытые материалы и вычеркнули формулировку о «террористическом центре правых» из обвинительного заключения. А Ягода в апреле 1937 г. был вынужден подписать признание в том, что он укрывал от разоблачения правых террористов: «так было с бухаринской «школкой», ликвидация которой началась в Новосибирске и дело о которой мы забрали в Москву лишь для того, чтобы здесь его свернуть» [62].

Изобретение «шпионов»

В марте 1933 г. в советской печати было опубликовано сообщение об аресте английских инженеров крупнейшей фирмы «Метро-Виккерс» по обвинению во вредительстве и диверсиях — дескать, коварные иностранцы подкупали советских специалистов, чтобы те совершали диверсионные и вредительские акты на электростанциях. Как только в апреле 1933-го начался судебный процесс, лейбористское правительство Макдональда ввело эмбарго на 80 % советского экспорта в Великобританию и запретило Совфрахту фрахтовать суда под английским флагом.

Советский суд вынужден был оправдать англичан («свои» же получили по «червонцу»), осудив на три года только управляющего московской конторой «Метро-Виккерс» Лесли Чарльза Торнтон, которого ОГПУ считало резидентом «Интеллидженс Сервис». Вскоре Торнтон (он «признался» после 21-часового непрерывного допроса) пришлось амнистировать, после чего эмбарго было тут же снято. Само собой, что никто в мире в этот процесс не поверил, но дело было сделано: совдеповская репутация очередной раз изгажена, собственные же граждане получили новую острастку.

Дело «Метро-Виккерс», несколько лет назад прекращённое за отсутствием состава преступления — одно из главных, проведённых в рамках реализации многолетней гепеушной агентурной разработки «Блок» [63], которая ориентировалась на вскрытие шпионажа и вредительства среди иностранных специалистов. Была она чистой фальсификацией и принесла крупные международные скандалы, но сыграла свою роль в укреплении убеждённости Сталина, которая в нём и без того была сильной, что все иностранцы — шпионы.

В рамках агразработки «Блок» западносибирские чекисты провернули заметное дело в Кузбассе. Операция по «подставе» заграничным специалистам нужного человека была осуществлена ещё при Заковском — в 1931 г. с англичанами, монтировавшим импортное оборудование на площадке «Кузнецкстроя», начал специфическую работу заключённый инженер Ч., выходец из княжеского рода. В 1932–1933 гг. этот спецагент из «шарашки» выявил и «шпионскую», и «вредительскую» деятельность английских специалистов, что позволило чекистам в начале 1933-го «разоблачить» и арестовать 16 англичан и их агентов, включая Фёдорова-Шинкевича, якобы завербованного британской разведкой ещё в период его пребывания в эмиграции, а затем заброшенного в СССР.

Ещё один серьёзный удар по специалистам Кузбасса был нанесён в 1934 г. Обрадованный Ягода тут же сообщил в ЦК об очередном крупном успехе своих контрразведчиков. На стол Сталину легло донесение о том, что на Сталинском (Новокузнецком) металлургическом комбинате арестована группа инженеров, шпионивших в этот раз на Японию. Дескать, ещё в начале 1933 г. ОГПУ получило некие агентурные данные о том, что ряд молодых инженеров комбината ведёт шпионскую работу. Следствие обвинило их в создании подпольной «Российской партии национального возрождения». По версии ОГПУ, инженеры Н. В. Латкин, Г. С. Савельев, Л. Н. Дампель и Д. И. Саров (специалист-доменщик с мировым именем, имевший несчастье в 20-х годах работать в Японии) ожидали японской интервенции и планировали после начала войны диверсии, а также убийства руководящих работников.

Получив в августе 1934 г. чекистское спецсообщение, Сталин написал Кагановичу: «Всех уличённых в шпионстве в пользу Японии надо расстреливать. И. Сталин». Несколько дней спустя Политбюро постановило поручить А. Я. Вышинскому, В. В. Ульриху и ягодинскому заместителю Г. Е. Прокофьеву направить в Новосибирск выездную сессию Военной коллегии Верховного суда, которой поручалось «всех уличённых в шпионстве в пользу Японии расстрелять». Вскоре Вышинский доложил, что выездная сессия 15 сентября приговорила Сарова, Латкина и Давыдова к расстрелу, Дампеля и Излера — к 10 годам заключения, Регуша — к двум годам; один из подсудимых — Черепанов — был оправдан [64].

На местах фабриковали и другие шпионские группы. В январе 1934 г. оперативники отделения ДТО ОГПУ ст. Барнаул арестовали старшего диспетчера А. Ф. Куплайса, якобы вместе с Королем и Подобедовым

создавшего по заданию японской разведки шпионско-диверсионную группу. По этому делу были проведены массовые аресты, в т. ч. привлекли и бывшую машинистку ОДТО ОГПУ ст. Барнаул Е. В. Николаеву-Матвееву. Король признался в том, что от Куплайса получил взрывчатку, которую затем передал Подобедову. По каким-то причинам дело развернуть не удалось; Короля завербовали в осведомители и отпустили, но тот, к конфузу чекистов, две недели спустя отправил им письмо с отказом от показаний, и скрылся из Барнаула. В марте 1934 г. большая группа работников ст. Барнаул была осуждена тройкой на сроки от 5 до 10 лет.

Естественно, новосибирские чекисты старательно «пасли» германское консульство, а с приходом Гитлера к власти стали проявлять активность в попытках связать работников консульства и его обслуживающий персонал с политическими делами. В марте 1933 г. советские граждане, работавшие в консульстве в качестве обслуживающего персонала, были допрошены в ОГПУ, где от них угрозами добивались дачи компрометирующих показаний о Г. Гросскопфе и других сотрудниках консульства. Чекисты потребовали сохранить факт вызова в ОГПУ в секрете, но, судя по тому, что консул отправил сообщение об этом своему начальству, требование «органов» хранить тайну было выполнено не всеми допрошенными.

В апреле 1933 г. консул Г. Гросскопф сообщал в своё посольство об усилиях чекистов увязать консульство с делом «белогвардейского заговора»: якобы истопник Фёдоров (агент Р. П. Степанов) был близок к В. Г. Болдыреву и служил звеном, через которое экс-генерал снабжал немцев шпионской информацией. В это же время на крыше консульства была проведена установка некоей линии связи, вёдшей прямо к зданию полпредства ОГПУ и в которой Гросскопф подозревал часть подслушивающей аппаратуры. Консул потребовал от властей убрать эту проводку и отремонтировать поврежденную крышу.

Год спустя контрразведчики стали работать агрессивней. В апреле 1934 г. посетители начали жаловаться Гросскопфу на то, что некие лица в гражданском фотографируют их при выходе из консульства. Затем «топтуны» выясняли адрес посетителя, после чего последний оказывался вызванным в ОГПУ. На допросе посетителям в качестве доказательства того, что они были в консульстве, предъявлялась фотография. Гросскопф проинформировал об этом посольство и дополнительно пояснил, что положение здания консульства облегчает ведение наблюдения: оно было зажато между жилыми домами, в которых обитали партийно-советские функционеры, а также сотрудники «органов». Пятиэтажное здание ОГПУ находилось на параллельной улице; с трех его верхних этажей можно было с расстояния примерно 100 метров вести качественное наблюдение за входом в консульство, который весной и летом с немецкой тщательностью освещался весь вечер [65].

Вредители и диверсанты

Борьбой с «вредительством» активно занимались сотрудники Экономического отдела полпредства ОГПУ. На их счету был не только «заговор в сельском хозяйстве». Много дел подчинённые полпреда «слепили» на железнодорожников, благо поводов было предостаточно. Путевое хозяйство не выдерживало темпов индустриализации: рельсы Томской железной дороги, уложенные в 1911–1913 гг., двадцать лет спустя требовали полной замены. Но ни рельсов, ни шпал почти не меняли из-за отсутствия ресурсов. И если в период 1915–1916 гг. аварий на Томской дороге не было вообще, то потом они стали стремительно нарастать и в начале 1930-х ежедневно обнаруживалось по 50–60 одних только лопнувших рельсов. Их ремонтировали «сплотками» из кусков и пускали поезда со скоростью не 75 км/ч, а втрое меньшей. Запасных рельсов у чекистов не было, а вот места на нарах имелись. За постоянные аварии и малую скорость поездов ОГПУ сажало железнодорожников пачками.

Осенью 1932 г. Транспортный отдел полпредства ОГПУ по Запсибкраю приступил к фабрикации очередного, достаточно рядового группового дела на железнодорожных рабочих и служащих. Непосредственно им занималось отделение чекисты ст. Новосибирск-1, которые отрапортовали, что ими раскрыта контрреволюционная повстанческо-вредительская троцкистская организация, которая организационно не оформлялась, названия не имела — «но проводила свою контрреволюционную деятельность организованными пьянками на производстве». Единственный признак организованной деятельности — совместные застолья под хлебное вино и нехорошие разговоры про власть.

Чекисты, осознавая крайнюю шаткость аргументов, завернули довод ещё покруче, придумав, что вредительство осуществлялось «особым методом самотечной контрреволюционной деятельности». То есть такой, при которой формальные контрреволюционные установки отсутствовали, а на деле самотёком (алкогольным?) шла опасная подрывная работа.

Обвинения были как классические (подготовка свержения советской власти к будущей интервенции какой-либо из враждебных держав, вредительство, антисоветская агитация, создание повстанческих ячеек из бывших партизан в деревне и в армии), так и более оригинальные — якобы рабочие желали восстановить военный коммунизм и отдать землю всему крестьянству, хотя большой следственной тайной осталось, каким образом уравнительная политика военного коммунизма сочеталась бы с отменой результатов коллективизации. Жертвами этого дела стали десять рядовых рабочих и служащих: машинисты Н. Ф. Коротков и В. С. Иванов, заведующий конторой вагонного цеха депо станции Новосибирск-1 М. Ф. Каменев, четыре слесаря, табельщик... Машиниста Иванова изобличили ещё и как проповедника-баптиста, призывавшего рабочих требовать изменений в политике партии и к тому же «срывавшего спаренную езду».

Нередко бывало, что в те годы московское руководство, которое визировало обвинительные заключения местных органов ОГПУ, довольно решительно

заворачивало их под предлогом отсутствия сколько-нибудь видимых доказательств организационной деятельности тех или иных антисоветских лиц. На этот раз Лубянка покорно проглотила очередной малосъедобный сибирский пряник. Тройка полпредства ОГПУ по Запсибкраю, опираясь на согласие старших товарищей, 17 мая 1933 г. по ст. 58-7-10-11-13 осудила пятерых на 5 лет концлагеря, четверых — на 3 года ссылки в Восточную Сибирь, одного — на 5 лет ссылки в трудпосёлок.

Наиболее активно в этом деле орудовали следователи А. С. Яковлев и А. Д. Кальван; координировал следствие начальник отделения А. Я. Мушинский и руководитель чекистского аппарата Омской железной дороги Ф. М. Горюнов. Расплата, пусть и частичная, настигла почти всех фабрикаторов: Горюнов отсидел в 1939–1943 гг. за нарушения законности, Кальван и Мушинский — по полтора-два года как «шпионы», выйдя реабилитированными на свободу в 1939 г. Что касается Анфима Яковлева, то его в 37-м бдительные коллеги разоблачили как имеющего родственников за границей, и он счёл за благо побыстрее исчезнуть из Новосибирска [66].

Во второй половине 1933-го были арестованы 10 руководящих работников управления Томской железной дороги — начальник службы пути Н. Н. Иванов, начальник локомотивной части П. А. Абрамов, старший инженер службы пути А. Г. Лепиков и другие. Все 2 апреля 1934 г. от Коллегии ОГПУ получили за «вредительство» от пяти до десяти лет заключения. А чуть ранее (18 и 19 марта) по делам № 66 и № 78 прошли через тройку ОГПУ по ЗСК целых 149 чел., записанных в участники контрреволюционных филиалов, действовавших на станциях Томской дороги.

Весной 1933 г. было сфабриковано «вредительское» дело на 14 работников Запсибкрайдортранса. В Москве его подвергли сомнению, но это не облегчило участи обвиняемых: проигнорировав указание столичного начальства доследовать материалы дела, сибирские чекисты пропустили его через тройку, которая исправно отмерила всем лагерные сроки. Несколько недель спустя активно участвовавший в допросах фигурантов этого дела уполномоченный транспортного отдела полпредства ОГПУ Н. Н. Благовещенский был исключён из ВКП(б) за систематическое пьянство и допрос арестованного в нетрезвом виде; полгода спустя за приверженность спиртному и «связь с чуждым элементом» его попросили и из «органов».

В том же 1933 г. подчинённые Алексеева арестовали 338 чел. (325 рядовых и 13 — руководителей) в учреждениях лесного хозяйства — «вредительскую» группу, по их заключению, возглавлял инженер крайплана Е. И. Покровский. В мае 1933 г. чекисты арестовали «повстанческую группу» из 23 участников в Томске — поводом послужили волнения рабочих завода «Металлист», где несколько месяцев не выплачивали зарплату.

Также в 1933 г. чекисты сфабриковали дело о вредительстве на новосибирской бумажной фабрике — в результате на небольшом предприятии тройкой 11

апреля 1933 г. оказалось осуждено 12 чел. технического персонала, в т. ч. семеро 14 апреля были расстреляны: технический директор Л. И. Мовшович, технорук Н. А. Степанов, консультант И. П. Вележев... Обвинения также включали в себя «обработку рабочих и служащих в контрреволюционном духе», травлю и выживание с фабрики коммунистов. Восемь обвиняемых вину не признали, из 20 свидетелей только пятеро после неоднократных передопросов показали лишь о том, что арестованные высказывали недовольство плохим снабжением и низкой зарплатой.

Следователи так торопились, что оставили не подписанными большинство протоколов допросов, а агента по заготовкам Г. Н. Шалагина допросили только по биографическим данным и осудили по ст. 58–10, хотя он первоначально обвинялся в спекуляции хлебом. Несмотря на такое «следствие», новосибирский облсуд в 1959 г. прекратил дело с уклончивой формулировкой — за недоказанностью.

В 1934 г. органы ОГПУ закончили следствие на «контрреволюционную группу», совершавшую диверсии на льнозаводах. Дело было передано в Москву, где Коллегия ОГПУ 13 марта 1934 г. осудила 27 человек, работавших в системе Запсиблнотрактороцентра, к различным срокам заключения, в том числе 14 человек — на 10 лет лагерей. В 1956-м все они были реабилитированы [67].

«Ставка на поднятие национальной культуры...»

Все народности Западной Сибири были, с точки зрения полпреда, рассадниками опаснейшего национализма. Стандартным обвинением в адрес национальной интеллигенции было намерение дожидаться интервенции Японии, затем поднять восстание и отделиться. По этой схеме создавались крупные «заговоры». В феврале-марте 1933 г. чекисты Минусинского оперсектора и Хакасского облотдела ОГПУ сфабриковали дело «Глубинка» на жителей Хакасии и юга Западно-Сибирского края. Минусинский оперсектор арестовал 158 человек (12 подпольных ячеек), Хакасский облотдел — 129 (7 ячеек).

По мнению чекистов, повстанческая организация намеревалась свергнуть советскую власть, установить буржуазный строй, вернуть частную собственность и свободную торговлю, отменить результаты коллективизации и даже процедуру лишения избирательных прав. Сформированные ячейки боевиков в период до восстания должны были заниматься вредительством и диверсиями в колхозах, совхозах и на предприятиях. Восстание приурочивалось к моменту объявления войны Японией Советскому Союзу, которая ожидалась не позднее текущей весны. Следствие провели быстро, не заботясь о получении прокурорских санкций на арест и предъявлении обвинения. Сфабрикованные заранее протоколы подписывались крестиками либо вместо подписи ставился отпечаток пальца. Протокол допроса обвиняемого Вакулина был заготовлен заранее, но не был подписан ни следователем, ни обвиняемым.

Тройка полпредства ОГПУ 27 апреля 1933 г. осудила 194 чел., в том числе 42 — к высшей мере наказания. В ночь на 12 мая минусинские чекисты расстреляли 16 чел., хакасские — 24. Руководители «повстанческой организации» В. Е. Седельников и М. П. Стрельченко были расстреляны в Новосибирске. Уцелевшие «повстанцы» в 1956 г. дали показания о методах вымогательства признаний: минусинский оперативник И. Хохлов «завязывал... на голове верёвку и при помощи палки сдавливал голову и требовал подписать протокол... применялась жаркая выстойка у раскалённой печи и длительная голодовка»; «Хохлов и следователь Буда ежедневно избивали... подключали электрический ток, садили в ледяной подвал без одежды»; «Буда давал выстойку у стены 12 часов, избивал... Хохлов садил на стул в холодную камеру...» Садист-«электрификатор» Михаил Буда был младшим в большом чекистском семействе: его братья Леонид, Николай и Семён — бывшие партизаны — все подвизались на руководящих постах в карательной системе и потом оказались за решёткой (Леонид выжил, остальных расстреляли), а младший в конце 30-х отделался увольнением из НКВД и прожил длинную жизнь.

В марте 1933 г. в Ойротии было арестовано свыше 40 участников «контрреволюционной организации» во главе с М. А. Кучуковым, Табаковым и др.). В 1934-м были вскрыты новые «ячейки» в четырёх аймаках автономии. Запсибкрайком 13 июля 1934 г. утвердил резолюцию по докладу Алексеева «о вскрытой контрреволюционной деятельности буржуазно-националистических элементов в районах Ойротии, Хакасии и Горной Шории». Полтора месяца спустя спецколлегия краевого суда осудила в Новосибирске большую группу южно-сибирской национальной интеллигенции и номенклатуры, якобы образовавших повстанческий «Союз сибирских тюрок».

Среди них были председатель Таштыпского райисполкома К. Майтаков, художник-алтаец Г. Гуркин-Чорос (бывший член Сибирской областной думы, вернувшийся из эмиграции), инспектор крайоно И. Михайлов-Очи, редактор Шорской секции ОГИЗа Я. Тельгерекоев. Алтайцы (в 30-х годах их именовали ойротами), хакасы и шорцы опять-таки опирались на помощь японских интервентов, у которых хотели найти деньги и оружие. В состав будущего буржуазно-демократического государства они планировали включить и Тувинскую республику, а потом намеревались связаться с контрреволюционными элементами Средней Азии...

В число предъявленных обвинений входили также «ставка на поднятие национальной культуры, внедрение родного языка и усиление коренизации государственного и хозяйственного аппарата». Одних хакасов по этому делу было арестовано 30 чел., алтайцев — около 50. В 1934 г. они получили в основном не очень большие сроки, но в 37-м многие из фигурантов дела были расстреляны [68].

Ответом на репрессии было создание национальных повстанческих отрядов. И если в Горном Алтае вооружённое сопротивление было сломлено к течению

1930 г., то в Хакасии его вспышки фиксировались до 1933 г. Известно, что в 1933 г. в Саралинском районе оперотряд ОГПУ в течение трёх месяцев охотился за повстанцами, которых укрывали соплеменники; в подавлении вооружённого сопротивления коренного населения Хакасии руководящую роль тогда сыграли местные оперативники М. А. Дятлов, А. П. Казарин, Г. А. Керин, П. Чеменев под руководством начальника облотдела ОГПУ П. И. Капотова.

Успешная чекистская комбинация опиралась, как позднее писал Г. А. Керин, в частности, на услуги давнего агента Сыхды Кирбижекова, который ещё в начале 1920-х гг. был заслан в крупный повстанческий отряд И. Н. Соловьёва, но потом считался предателем, переметнувшись к бандитам. Однако позднее чекисты смогли возобновить связь с Кирбижековым, ставшим одним из признанных повстанческих лидеров, и тот со своими друзьями застрелил вожака группы «повстанческих банд» Турку Кобелькова заодно с его женой и братьями Кензеновыми. Обезглавленный отряд был частью перебит людьми Сыхды, а частью пленён чекистами [69].

С 1931 г. под чекистским наблюдением находилась община новосибирских татар, группировавшаяся вокруг мечети. Как видно из материалов оперативного дела № 405, цели ОГПУ-НКВД «были направлены на разложение мусульманской общины в г. Новосибирске, внесение разлада в мусульманский совет, компрометацию руководителей общины муллы Галямова Нугмана и муллы Валеева Гарифа и отрыв от них верующих. Эта задача к 1935 году успешно была выполнена, в составе совета получился раздор, а Галямов и Валеев — скомпрометированы». Расколоть общину чекисты смогли с помощью агента «Востокова» и ещё двух секретных сотрудников.

Обострение отношений с Германией после прихода нацистов к власти крайне болезненно сказалось на многочисленных сибирских немцах. Чекисты бросились фабриковать дела на «фашистские террористические» группы; особенно отличились при этом работники Особого отдела СибВО во главе с И. Д. Ильиным и бывшим видным разведчиком К. Ф. Роллером-Чиллеком. Всего же немцев, которых насчитывалось в крае 59 тысяч, за 1934 г. было арестовано 577 чел. и их в основном распределили по пяти «фашистским организациям» и 84 «группировкам».

Для дополнительного нагнетания атмосферы террора были осуждены по обвинению в фашистской деятельности даже партийно-советские руководители Немецкого района на Алтае. Во время поездки В. М. Молотова по Сибири осенью 1934 г. ему сообщили о «саботаже хлебопоставок» в Немецком районе бывшего Славгородского округа, после чего член Политбюро дал соответствующие указания. Вскоре чекисты подготовили к открытому процессу 33 руководящих работника-немца, включая двух секретарей райкома и председателя райисполкома. В апреле 1935 г. в Новосибирске спецколлегия крайсуда рассмотрела это беспрецедентное дело на номенклатуру районного уровня и вынесла суровые приговоры — трое были расстреляны, остальные осуждены на лагерные сроки [70].

Процесс репрессий в 1932–1934 гг. носил выраженный циклический характер и, как и прежде, зависел в основном от политических решений верхов. К концу 1931 г. основные репрессивные акции против сибирского крестьянства закончились, а тройка в течение 1932 г., насколько известно, осуждала в меньших масштабах и, как правило, не приговаривала к высшей мере наказания. Однако 1933 г. дал вспышку жесточайших преследований крестьянства, «бывших», интеллигенции (в т. ч. национальной). В первом полугодии 1934 г. размах репрессий значительно уменьшился, чтобы снова вырасти во второй половине года. Карательные акции в середине 30-х приобрели более ровный характер, уменьшилась смертность в местах заключения и ссылки, количество расстрелов до 1936 г. включительно было относительно невелико. Но это было затишье перед бурей.

«Факты разжигания религиозного фанатизма масс...»

В период коллективизации по церкви был нанесён сильнейший удар. К середине 1930 г. на территории Сибири уголовному преследованию подверглось до половины священнослужителей, многие были расстреляны. В первой половине 30-х годов ожесточённая война с церковью продолжалась. Чекисты бдительно следили за религиозными людьми, пресекая их попытки соединиться и распространять свои взгляды. «Церковная контрреволюция» казалась особо опасной своей непримиримостью и монархической пропагандой.

Большая часть населения оставалась верующими, а священники и проповедники публично и резко высказывались против советских порядков. Заключённый епископ Амфилохий на допросе в августе 1933 г. показал следователю Сиблага: «Сейчас я снова заявляю, что советской власти и её укладу я желаю падения, в этом нахожу возможность восстановления правильной духовной жизни народа. Эти взгляды я высказывал своим духовным единомышленникам, бывшим вместе со мною в лагере».

Особенным упорством в противостоянии властям отличались иоанниты — православная секта, поклонявшаяся Иоанну Кронштадскому и считавшая его воплощением Святого Духа. Иоанниты страстно верили в различные чудеса, в спасение царской семьи, скорый конец света и т. д. Лидер новосибирских иоаннитов Михаил Иванович Антонов был расстрелян тройкой в 1930 г. Но его последователи оставались важным объектом приложения чекистских усилий.

Среди активных верующих распространялись настроения религиозной экзальтации, легко передававшиеся населению. Достаточно было унизированной бусами с ног до головы страннице Устинье Стародубовой, именовавшей себя «царицей небесной», и её спутнице Полине Игнатьевой искупаться в реке и сказать, что все, кто совершит омовение вслед за ними, исцелятся, как до 200 женщин с. Троицкое Уч-Пристанского района последовали примеру монахинь. Они купались вместе с детьми и затем говорили, что у них прошли различные болезни.

Затем Игнатьева и Стародубова смогли организовать в Новосибирске нелегальный монастырь, ликвидированный чекистами весной 1932 г. Арестовав несколько человек, следователи обвинили их в том, что они «занимались организацией чудес, исцелением бесноватых и проч., вели пораженческую агитацию среди посещавших эту церковь, доказывая неизбежность падения соввласти и восстановления монархии во главе с Михаилом».

Ссылную 60-летнюю Устиньку (У. Ф. Стародубову) приютила истово верующая дочь дьякона Полина Игнатьева, утверждавшая, что от странницы исходит «целительная сила». Ещё в 1930 г. тюремная экспертиза признала Устиньку душевнобольной «в форме олигофрении типа дебильности». Увешанная бусами Устинька накладывала на бесноватых, кричавшим дикими голосами, свои бусы, посыпала особым песочком и те затихали. М. Ионова показала: «Устинька — святой человек...», а сама она считает «советскую власть сатанинской, но данную богом за грехи человеческие».

После каждого молитвенного собрания считавшаяся святой Устинька принимала ванну, а потом в этой воде мылись те, кто хотел исцелиться от каких-либо хворей. Эти «чудеса» происходили почти ежедневно. Осветили самовольно построенный земляной барак и ходили к женщинам с исполнением треб архимандрит Сергей (С. Скрипальщиков), священники Константин Виноградов и некоторые другие (потом визиты прекратились из-за сектантской направленности монастыря). Риза была сшита из скатерти, священные предметы и 30 икон взяты в местной церкви. Верующие уверяли, что на стенах барака появляются лики святых.

В июне 1932 г. из Барнаульского оперсектора ОГПУ ушла телеграмма в Новосибирск, что следственный материал на иоанниток Устинью Стародубову и Полину Игнатьеву «обобщён в следственном деле по ликвидированной разработке «Последыши»», которое планируется на тройку. В ответ Н. Н. Алексеев и И. Д. Ильин строго указали И. А. Жабреву на затяжки, которая «лишали нас возможности своевременно закончить следдело Новосибирской к-р группировки и по Вашей вине — за что ставим Вам на вид. На виновников затяжки воздействуйте административно. В суточный срок вышлите нам все добытые следственные данные о деятельности Игнатьевой и Стародубовой, в деле «Последыши» оставьте копии».

В итоге П. Игнатьева и К. Виноградов были высланы в Казахстан, М. Ионова и С. Скрипальщиков осуждены на три года лагерей, а Устинья Стародубова отправлена на принудительное психиатрическое лечение [71].

Эпизоды религиозного экстаза отмечались и в других сёлах. Чекисты Чарышского РО ОГПУ сообщали в крайком, что «факты разжигания религиозного фанатизма масс за 1932 г. имели место в районе в июле месяце... появились «святые письма», которые были распространены по всему району среди единоличников и колхозников». В августе 1932 г. «в момент хлебоуборочной кампании в с. Тулата на почве религиозного фанатизма...

Бычкова Мария объявила себя святой, о чём было извещено население с. Тулата и соседних сёл. Бычкова стала производить публичное исцеление больных и при исцелении больной старухи её удушила. Производила сборища, проповедывала о святости, принимала приношения. По делу привлечено 4 человека, осуждены на 8-10 лет» [72].

Много хлопот доставляли чекистам и старообрядцы, а также неправославные секты, вроде евангельских христиан, и другие церковные объединения всевозможных толков. Изучение противостояния верующих и богоборческой власти позволяет высветить одну из самых ярких страниц народного сопротивления большевистскому режиму.

Сиблаг и назинская трагедия

При Алексееве быстро разрасталась империя Сиблага. Она охватывала густую сеть лагерей и бесчисленных посёлков в глухой тайге, где под присмотром чекистов и милиции маялись, умирая от голода и болезней, ссыльные крестьяне.

Основные высылки «раскулаченных» прошли ещё при Заковском. В 1932-м Политбюро разрешило властям Запсибкрая выселить не более тысячи семей, хотя товарищ Эйхе упирал на то, что нашлись целых семь тысяч кулацких хозяйств. В следующем году Эйхе ждал куда более неприятный сюрприз. В начале 1933 г. под давлением союзного ОГПУ власти приняли решение очистить приграничные и центральные районы страны от всех подозрительных элементов, а также разгрузить тюрьмы от так называемых деклассированных, включая многочисленных уголовников-рецидивистов. Опираясь на опыт расселения сотен тысяч крестьян, чекистские верхи запланировали миллион человек выселить в Западную Сибирь, а миллион — в Казахстан.

Получив сведения о таких несусветных масштабах, Эйхе запаниковал и отправил телеграмму Сталину, в которой сообщил, что ОГПУ не знает сибирских условий и принять на расселение можно не более четверти названной цифры. В итоге вселение в край оказалось не столь значительным в абсолютных величинах, но исключительным по своей бессмысленной жестокости и числу жертв.

Дикость советской системы наглядно воплотилась в осуществлении этой «очистки», когда власти хватали людей на улицах Москвы, Ленинграда, Харькова, Сочи, торопясь уложиться в планы и сроки - ведь по «малинам» в поисках настоящего ворья бегать хлопотно да и небезопасно, жулики к тому же наглы и склонны к побегам, а вот законопослушные граждане будут сидеть тихо, надеяться на исправление ошибки и никуда не сбегут. Уголовников-рецидивистов среди ссыльных оказалось 10–20 %, остальные были либо бродягами, либо обычными крестьянами и горожанами. У милиции была инструкция от 11 февраля 1933 г. о производстве арестов всех тех, кто не покинул городов после отказа в получении паспорта [73], однако массовым

арестам и высылке в ходе «очистки» подвергались многие, просто оказавшиеся на улице без документов.

Но и наличие документов спасало не всегда. Среди схваченных на улице и оказавшихся в Сибири оказался даже работник кремлёвской пожарной охраны, которому не помог и бывший при нём пропуск в Кремль. Многих — часто это были деревенские жители, обвинённые в саботаже хлебозаготовок — отправляли семьями. С Кавказа в Тарский округ переселили до 3.000 семей черкесов и кабардинцев. Чистили и сибирские города: так, в ходе одной из облав был окружён рынок в Сталинске (Новокузнецке) и все, оказавшиеся без документов, были арестованы и затем сосланы [74].

Алексеев, выступая в июле 1933 г. перед начальниками политотделов МТС, критиковал «перегибы» районных властей, сообщавших завышенные цифры количества кулацких хозяйств. Также он отметил следующее: «В других краях поступили ещё похлеще, как, например, на Сев[ерном] Кавказе. Причём арестовывали в деревнях кто кому ни лень, столько, сколько влезет и даже больше того, что влезет в тюрьму. Забили все тюрьмы, начали импровизировать, устраивать подвалы, загонять туда людей и т. д. Вот, например, Северный Кавказ в порядке выселения в трудовые посёлки стал очищать свои курортные местности и выселял всяких людей, в частности, прислал к нам кулака 103 лет и женщину 86 лет выселил в трудпосёлок, как проститутку (в зале смех)». С чувством юмора у партийцев был порядок...

Только за весенние месяцы 1933 г. в Западную Сибирь выслали около 39 тыс. человек. Чекисты отнесли 22,6 тыс. к сельскому населению, 8,2 тыс. — к городскому и пригородному, а 8 тыс. — к рецидивистам. Алексеев в телеграмме Ягоде зафиксировал, что 92 % «городского деклассированного соцвредного элемента» представляли собой мужчин в основном до 30 лет, «очень плохо одетых, обутых, вовсе не имеющих трудовых навыков». Подчеркнув, что прибывший «рецидив» будет расселён в отдалённых северных посёлках, он заявил: «Учитывая особые трудности освоения Севера [в] сельском хозяйстве, полную непригодность деклассированного элемента [к] этой деятельности, прошу подобного контингента [в] дальнейшем [в] край не направлять».

В ответ начальник ГУЛАГа М. Д. Берман 27 мая обещал «деклассированный элемент» больше не отправлять, а уже прибывших лиц с криминальным прошлым указывал разместить не в трудпосёлках, а лагерях. Однако на деле Москва ещё почти полгода продолжала массовую чистку и отправку многих десятков тысяч «социально-вредных» за Урал. 23 июля 1933 г. Омский оперсектор ОГПУ сообщал о прибытии эшелона, доставившего из Москвы 1.719 человек: «Из состава имеется значительная часть инвалидов, стариков и женщин с малолетними детьми. [...] По неточному определению, из всего контингента примерно 30–35 % рецидива, воров, проституток, бродяг и прочих» [75].

Безобразия при переселении продолжались всё время: когда в конце навигации (20 октября 1933 г.) на пристань Черемошники под Томском пришла баржа с 866 «трудпереселенцами», людей после высадки 6 дней продержали на снегу, а потом отправили в холодных вагонах. Всего в 1933 г. в Западную Сибирь выслали 132 тыс. человек, в том числе 5,2 тыс. цыган [76] .

Отношение советских властей к инвалидам и умственно неполноценным напоминало нацистскую программу эвтаназии. Если нацисты практиковали прямые убийства тяжелобольных в клиниках, то в СССР применялась ссылка на прямую гибель в непригодные для жизни места. Бессудные высылки из городов и сёл в первой половине 1930-х гг. широко затрагивали не только «саботажников», «антисоветчиков» и уголовников, но и многочисленных деревенских дурачков, а также инвалидов и тому подобную публику.

В феврале 1930 г. руководители Лубянки указывали полпреду ОГПУ по Средне-Волжскому краю Б. А. Баку: «Установлено, что в Вашем эшелоне № 501 имеется значительное количество переселяемых, не имеющих тёплой одежды... включительно до детей. Большое количество накожных больных, есть сумасшедшие, идиоты. Предлагается расследовать причину таких явлений и ликвидировать на будущее время». В 1933 г. среди высланных в Сибирь горожан оказалось много безногих, безруких, а также «слепых, явных идиотов, малолетних детей без родителей» [77] .

Многих ссыльных фактически обрекали на смерть. 70 тыс. из них оказались на шахтах Кузбасса, где выжить было проще. Хотя всё относительно. Показателен ведомственный конфликт между начальником 6-го отделения Сиблага в г. Сталинске (Новокузнецке) А. К. Сабольчи с секретарём горкома Р. М. Хитаровым, бывшим секретарём исполкома молодёжного Коминтерна. Из-за плохого ремонта двух десятков бараков Сабольчи в октябре 1933 г. — с согласия начальника Сиблага А. А. Горшкова — угрожал снять своих рабочих с Кузнецкстроя, которых насчитывалось до 3,5 тыс. Часть заключённых жила в палатках, и лагерный начальник требовал, чтобы комбинат выполнил условия договора и обеспечил рабочих жильём.

Хитаров, назвавший ремонт бараков и условия жизни эков «вполне удовлетворительными», пожаловался Эйхе, который принял его сторону. А помощник начальника ГУЛАГа Л. Н. Мейер (Захаров) взял под защиту Александра Сабольчи, поскольку тот хотя и сильно преувеличил число живших в палатках, но правильно заострил вопрос, предостерегая «всех товарищей от повторения прошлогоднего положения с лагерем в Кузнецке (высокая заболеваемость, инвалидность и смертность до 25 % состава)» [78] . Беспощадный к «рабочей силе» Хитаров в следующем году за успехи в строительстве получил орден Ленина...

Десятки тысяч привезённых разбросали по нарымским болотам, где происходили ужасные вещи. Ещё весной 1932 г. замначальника краевого управления исправительно-трудовых учреждений А. Е. Емец, проверявший

вместе с руководством крайсуда работу Колпашевского ИТУ, отметил, что в нём, где содержались в основном лишенцы, «кулаки», середняки, молодёжь, «попавшая за пустяки», творилось «безобразие, превосходящее всякое нормальное воображение» и «адские условия нарочито созданы для физического истребления людей», получавших в день по 300 граммов полусырого хлеба и пивших гнилую воду из болота, из-за чего за короткое время погибло более 100 чел. Комиссия установила, что в декабре 1931 г. леспромхоз прекратил снабжение больных и раздетых заключённых, работавших на лесозаготовках, из-за чего из 300 чел. в тайге умерли и пропали без вести 270. Емец сообщал в Новосибирск:

«Подавляющее количество ссыльных - молодёжь от 15 до 25 лет, в большинстве, если не все, это не классовые враги, не чуждый элемент. Многие - настоящие пролетарии московских и ленинградских заводов, квалифицированные рабочие и крестьяне, колхозники и их дети. Нужно удивляться, как эти люди, доведённые до крайнего отчаяния, не наделали больших политических, по своим последствиям, бед местному партийному и советскому руководству. Бежавших из ссылки местное население, руководимое представителями власти расстреливает, топит в реках, заживо закапывает в могилы целыми пачками, а находящиеся в бараках и на работах буквально гниют от болезней, гибнут от холода и голода. В распоряжении ИТУ есть деньги, материалы, рабочая сила, но нет только желания... работать и ответственно относиться к своим обязанностям. Аппарат засорен всякой дрянью... некоторым сотрудникам по договорам были отданы в эксплуатацию судебно-ссыльные женщины в качестве работниц и исполняющих обязанности жён» [79]. В 1933 г. в Нарыме случились ещё более ужасающие трагедии.

Последовавшая в мае - июне 1933 г. известная драма на острове Назино в огромной степени стала результатом стремления упрятать ссыльных как можно дальше. Власти Томска поспешили избавиться от барж с шестью тысячами «деклассированных» из Москвы и Ленинграда, отправив их вниз по Оби. Районные власти всеми силами старались не допустить размещения опасного контингента у себя, в результате чего в мае 1933-го 6.074 чел. были высажены с двух барж на обской остров Назино (на севере современной Томской области), относившийся к Александрово-Ваховской комендатуре Сиблага. Это было сделано для того чтобы вызывавшие страх рецидивисты - их было меньшинство среди высланных - оказались как можно дальше от населённых пунктов.

В пути людей не кормили, на острове же не оказалось никакого жилья, а на следующий день выпал снег. Полная неготовность чекистов принять такое количество народа и обилие рецидивистов обернулось страшной трагедией: в течение месяца погибло до трёх тысяч человек. Сильные отбирали у слабых еду и одежду, развернулась охота за владельцами золотых зубов, процветало людоедство... Конвоиры пачками расстреливали и топили в реке полуживых задержанных беглецов. Отчаявшиеся ссыльные переплывали Обь в поисках железной дороги (до Транссиба на самом деле были многие сотни вёрст) и наугад шли по болотам, бесследно пропадая в трясине. Назино получил

название «острова смерти». Руководство Сиблага очень вяло реагировало на сигналы партийных властей о кошмаре на острове.

Роберт Эйхе добился того, чтобы Политбюро ЦК ВКП(б) 15 июля 1933 г. разрешило тройке полпредства ОГПУ применять высшую меру к «бандитствующим элементам, терроризирующим местное население и уже осевших трудпоселенцев». С мая по октябрь 1933 г. к суду по Александрово-Ваховской комендатуре было привлечено 84 чел. из состава как заключённых, так и комендантской obsługi, из которых к расстрелу приговорили 34, в том числе 11 - за людоедство, 23 - за мародёрство и избиения.

Помощник начальника Сиблага Иван Долгих, оправдываясь, объяснял краевой контрольной комиссии, разбиравшей причины назинской трагедии: «Мы не располагаем необходимыми кадрами ни в какой мере. [...] Из последней партии присланных на работу в комендатуры партийцев - один застрелился, много пошло под суд, много спилось...» Глава контрольной комиссии М. И. Ковалёв спросил у райуполномоченного ОГПУ по Александровскому району М. П. Семернева: «А не было разговоров, что с этими людьми нянчиться не следует, что их прислали туда умирать?» Тот уклончиво ответил: «Проскальзывали такие случаи со стороны медицинского персонала, который иногда рассуждал, что в силу сложившейся обстановки люди должны тут умирать».

Ситуацию с укрывательством назинской драмы изменило письмо принципиального инструктора Нарымского окружка партии В. А. Величко в крайком и ЦК ВКП (б). Он тщательно изучил трагедию спецпереселенцев и верно изложил её причины. Но краевые власти, вынужденные проверить информацию Величко и признать её правильность, сделали всё для того, чтобы ограничить дело о массовой гибели на «острове смерти» наказанием некоторых чекистов среднего уровня и комендантов, непосредственно занимавшихся расселением [80].

В Москве же совершенно не заинтересовались описанием назинских кошмаров. Лишь почти полгода спустя Политбюро ЦК рассмотрело письмо Величко и фактически ограничилось принятием к сведению информации Запсибкрайкома о наказаниях виновников. Они были самыми умеренными: получивший строгое партвызыскание начальник Сиблага А. А. Горшков потерял должность, привлечённые к уголовной ответственности его подчинённые М. П. Семернев и М. З. Белокобыльский недолгое время спустя вернулись на службу в ОГПУ...

Всего за 1933 г. в край в рамках кампании по «очистке» было завезено 132 тыс. человек, из которых 15,5 тыс. смогли бежать. Число погибших неизвестно. По стране же в тот год цифры убыли спецпереселенцев были следующими: 216 тыс. бежавших и 152 тыс. умерших [81].

Замначальника Сиблага И. И. Долгих не зря подчёркивал проблему нехватки подготовленных кадров. На службу в карательно-исправительную систему в изобилии попадали всяческие подонки, не нашедшие себе места в жизни. Но и

мобилизованные в ОГПУ бывшие военнослужащие либо партийно-советские работники стремительно проникались чувством безнаказанности и абсолютной власти над «врагами народа».

Например, бывший чекист Г. Ф. Креков в 1930 г. был исключён из партии в Кузнецком округе Сибкрая с привлечением к уголовной ответственности за кражу хлеба у крестьян и связь с уголовниками, с которыми он производил бандитские налёты и стрелял из берданки в начальника милиции. Затем Крекова восстановили в партии и взяли в ОГПУ поселковым комендантом, где он продолжил заниматься уголовщиной. Бывший дезертир российской армии П. И. Белозёров участвовал в подавлении Западносибирского мятежа, потом работал в милиции Томска, где за избиение арестованного был осуждён на три года заключения условно. В 1930-м его мобилизовали в «органы» и назначили комендантом в Томском отделении Сиббулона ОГПУ.

А вот типичный сталинский крепостник В. В. Маньков, зампред Бирилюсского райисполкома. Он обвинялся в пьянстве, грубости, хулиганстве и незаконной конфискации имущества крестьян, за что был в 1933-м выгнан из райисполкома... и тут же оказался направлен «для укрепления» Бирилюсской комендатуры Сиблага. Маньков быстро вырос до участкового коменданта Парбигской комендатуры Сиблага, был премирован месячным окладом, путёвкой на курорт и фотоаппаратом. К 1938 г. он дослужился до начальника 1-го отделения отдела трудпоселений УНКВД по Новосибирской области [82].

Правда, примеров незадавшихся карьер можно было бы привести куда больше. Текучесть комендантских работников в спецпоселениях Сиблага была огромной. Значительную часть уволенных составляли лица, совершившие преступления, в том числе тяжкие. Союзный прокурор И. А. Акулов доложил 4 июня 1934 г. Сталину о массовых нарушениях закона в системе ГУЛАГа — только за весну 1934 г. через Коллегию ОГПУ прошли 130 дел о расстрелах в лагерях, избиениях зэков, изнасилованиях и других тягчайших преступлениях. Прокурор подчеркнул, что руководство лагерей занимало примиренческую позицию по отношению к преступникам-чекистам [83]. В системе спецпоселений чекистская преступность также была очень высокой.

Затерянный в тайге и болотах аппарат Нарымского оперсектора ОГПУ выделялся своими криминальными наклонностями. В Нарымском округе спаянно действовали гепеушники, милиционеры и местные партийцы, тоже чекисты «по мандату долга», не уступавшие профессиональным карателям по жестокости. «Кулацкая» ссылка стремительно увеличила население округа втрое — со 100 тыс. до почти 300 тыс. Собственно, так называемая советская власть в Нарыме практически отсутствовала - это была территория, подконтрольная Сиблагу, коменданты которого возглавляли разбросанные в тайге и болотах посёлки ссыльных крестьян, которых было вдвое больше, чем «нормальных» колхозников. Дела на представителей нарымских властей когда глухо, а когда и откровенно сообщают об их преступлениях.

Например, краевая контрольная комиссия ВКП (б) 12 июля 1932 г. предупредила свои подразделения в нарымских районах (Александровском, Колпашевском и Каргасокском) за то, что они не обращают внимания на многочисленные грубейшие нарушения ревзаконности в отношении ссыльных: «дело о преступлениях в Колпашевском ОИТР, насилия, издевательства, симуляция расстрелов, сдачи в аренду женщин, зверское уничтожение 22-х ссыльных в Александрово, убийство 3-х ссыльных в Колпашево...» [84]

Убийствами ссыльных, неимоверно ухудшивших криминогенную обстановку в Нарыме, не брезговали и рядовые советские работники. Председатель колхоза Степан Перемитин 21 июня 1932 г. задержал 12 беглых спецпереселенцев, двоих из которых он с помощью счетовода расстрелял на берегу Оби и сбросил в воду. И лишь осенью 1934 г. Нарымская окружная комиссия по чистке ВКП (б) утвердила исключение Перемитина из партии и постановила расследовать его участие в убийстве спецпереселенцев. Милиционер Больше-Гривской комендатуры Михаил Бессмертных в 1932-м застрелил ссыльного Аношкина, перевозившего бежавших спецпереселенцев. Расследование также заставило себя ждать очень долго — только 28 августа 1934 г. милиционер за это убийство был исключён из партии, а ещё погодя Нарымский окружком поручил окрпрокурору расследовать убийство Аношкина.

В конце 1933 г. дело коменданта 3-го участка Александрово-Ваховской райкомендатуры Сиблага Лермонтова, обвинявшегося в неких нарушениях законности, было передано в полпредство ОГПУ. Вскоре полпред приказал наказать Струлевича — участкового коменданта Тевризской спецкомендатуры: в феврале 1934 г. за допущение арестов и избиений переселенцев он был арестован на 15 суток и понижен в должности. Его помощник Вассерман, издевавшийся над спецпереселенцами и дававший «прямые установки на расстрелы стрелкам», был отдан под суд [85].

Колпашевский райкомендант Бейман, его помощники Д. Д. Самосюк и Сиднев 16 октября 1933 г. Нарымским окружкомом ВКП (б) были привлечены к ответственности за «допущение безобразного отношения к вселению нового контингента на Кияровские гари»; о тяжести их преступления говорит то, что не позднее 1934 г. всех их уволили из ОГПУ. В группе наказанных чекистов оказался и райуполномоченный по Александровскому району Нарымского округа М. Р. Аришак: в ноябре 1933 г. его арестовали и отдали под суд за преступную халатность, способствовавшую массовой гибели спецпереселенцев на о. Назино: «прекратил вовсе информацию ПП [ОГПУ] и [Нарымского] округа, не развернул чекистское обслуживание трудпоселенцев... без всякой проверки обвиняемого из деклассированных Лебедева, приговорённого к 10 годам концлагеря, подверг высшей мере наказания» [86].

Моральный уровень что оперативных, что комендантских работников был исключительно низок. Парторг Нарымского оперсектора ОГПУ М. В. Цыплятников в конце 1932 г. получил выговор от Н. Н. Алексеева за задержку расследования дела по обвинению двух вахтёров в служебных преступлениях, а

в феврале 1933 г. лишился должностей парторга оперсектора и члена Колпашевской райКК ВКП (б) за «пьянство с антисоветским элементом». В итоге Цыплятникова сняли с должности и перевели в Колпашевскую участковую комендатуру, что для оперработников являлось серьёзным наказанием. Секретарь Нарымского оперсектора ОГПУ В. П. Носков в августе 1934 г. был исключён из партии за систематическое пьянство, дебоши, попытку покончить самоубийством и политическую неграмотность.

Типичнейший набор проступков, за которые «гоняли» комендантов, виден в деле Сергея Ледоховича — помощника участкового коменданта Каргасокской комендатуры Нарымского оперсектора ОГПУ, который в конце 1933 г. был исключён из партии за систематическое пьянство, дебош, связь с чуждым и антисоветским элементом, «отпуск продуктов для обмена на вино и за разложение... аппарата комендатуры». Случались — по пьяному делу — и вызывавшие панику властей курьёзы: Р. М. Тюрин, поселковый комендант в Чаинском районе Нарымского округа, будучи в нетрезвом виде, 3 августа 1933 г. страшно перепугал местное начальство сообщением о якобы начавшемся восстании в Тигинском сельсовете [87].

«...Бежал в Китай»

Любопытно взглянуть на политическую благонадёжность аппарата, доставшегося Николаю Николаевичу от предшественника. Не все сотрудники карательного ведомства являли собой образец большевистской бдительности и непримиримости к врагу...

Сразу после приезда Алексееву пришлось разбираться с фактами связи работников Томского оперсектора ОГПУ с ссыльными троцкистами. Всё это было, разумеется, сильно раздуто, но закончилось для некоторых чекистов печально.

25-летний уполномоченный Нарымского оперсектора ОГПУ Матвей Толстыкин был арестован по делу «томской организации троцкистов» и в июне 1932 г. счёл за лучшее покончить с собой в камере. Алексееву пришлось ещё и краснеть на бюро крайкома за своих нерасторопных подчинённых, давших ускользнуть из-под следствия «активному троцкисту». В особую папку бюро крайкома 5 июня 1932 г. по докладу полпреда подшили решение «поручить т. Алексееву привлечь к ответственности лиц, ответственных за недостаточный надзор за арестованным. ...Тщательно расследовать все материалы о прямых или косвенных связях отдельных чекистов с троцкистами... Оперативные действия согласовывать с тов. Эйхе».

Связи чекистов со злейшими врагами партии были расследованы. Практикант Томского оперсектора ОГПУ коммунист В. И. Гордеев был обвинён в том, что получил от троцкиста Колесникова письмо ссыльного виднейшего оппозиционера Христиана Раковского и, зная о существовании в Томске «троцкистской организации», не сообщил об этом. В мае 1932 г. Гордеева

исключили из партии, арестовали и дали три года лагерей (правда, потом освободили досрочно). Новый полпред ОГПУ пытался расширить круг обвиняемых в связях с троцкистами чекистов, но не особенно преуспел. Райуполномоченный Нарымского оперсектора ОГПУ в Кривошеинском районе М. И. Новичков — чекист с десятилетним стажем — в июне 1932 г. был арестован в связи с троцкистским делом, но в сентябре его освободили с отказом от обвинений. Сотруднику Томского оперсектора ОГПУ В. К. Иванову повезло меньше — в 1933 г. он был арестован и осуждён по 58-й статье на три года концлагеря [88].

Решительная чистка аппарата от сочувствовавших Троцкому оперативников (реальных или придуманных) не позволила Николаю Николаевичу почитать на лаврах проявленной высокой бдительности. Довольно скоро его ждал оглушительный в своей неожиданности удар. Самым ошеломляющим происшествием для отдела кадров полпредства ОГПУ и лично Алексеева стало, без сомнения, скандальное бегство 30-летнего оперативника Барнаульского оперсектора ОГПУ М. А. Клеймёнова — это в самый разгар репрессий, когда каждый сотрудник оперсектора был следователем по делу громадных «белогвардейского заговора» и «заговора в сельском хозяйстве», когда весь аппарат работал темпами, близкими темпам 37-го, когда даже секретарь оперсектора А. В. Копейкина выполняла функции не только ведения делопроизводства и учёта агентуры, но и держала на связи группу осведомителей, «освещавших» духовенство! [89] Мало того. Следствие выяснило, что Клеймёнов и ряд его сторонников планировали поднять вооруженное восстание в Бийске.

Михаил Клеймёнов внешне выглядел чекистом абсолютно типичным — крестьянского происхождения, с начальным образованием и опытом низовой руководящей работы. Именно из таких и шло до середины 1930-х пополнение «органов». Алтайский уроженец и член компартии с 1925 г., он после мобилизации в армию служил в качестве оружейного мастера в 28-м Ойротском кавпогранотряде ОГПУ. Потом демобилизовался, работал в кооперации, организовал коммуну в родном селе, стал инструктором Троицкого райкома партии, а в 1930-м Бийским окружкомом ВКП (б) оказался выдвинут на чекистскую работу. В 1930–1933 гг. произошёл очень резкий скачок в численности карательного ведомства, и люди, подвизавшиеся на низовой партийно-комсомольской и профсоюзной работе, стремительно выдвигались на оперативные должности. Клеймёнов работал в Бийске и Барнауле, а потом, насмотревшись на то, как чекисты «работают» с его земляками, решил сбежать.

Осенью 1960 г. он, вспоминая молодость, рассказывал следователю Алтайского УКГБ, что в 1933 г. на Алтае свирепствовали голод и произвол властей: «Крестьянство выражало недовольство. Органы ОГПУ производили много арестов. Следствие велось с грубым извращением законов, сопровождалось избиениями и фальсификациями. Настроение крестьянства и произвол в органах ОГПУ со стороны отдельных работников вызвали и во мне протесты и возмущения». Активистом Михаил Антонович не был: характерно, что в

декабре 1932 г. его фамилии не оказалось в обширном списке награждённых оружием и часами в связи с 15-летием «органов». Но избежать крещения кровью ему не удалось.

Клеймёнов не упоминал о своём участии в казнях осуждённых, но документы об этом существуют. Начальник оперсектора И. А. Жабрев сознательно вязал свой аппарат кровавой порукой, одновременно воспитывая у следователей чувство безнаказанности: сами арестовали сотни крестьян по поддельным справкам о кулацком происхождении, сами пытали, сами и расстреляли. Все концы в воду. На молодого чекиста явно глубоко повлиял расстрел 327 осуждённых по заговору в «сельском хозяйстве» в ночь на 28 апреля 1933 г., в котором участвовало 37 сотрудников Барнаульского оперсектора ОГПУ. На акте о расстреле остались подписи 10 основных исполнителей, в том числе и Клеймёнова. Возможно, среди обречённых он в ту ночь встретил кого-то из своих знакомых. Кстати, в те же недели в Барнауле прошли массовые казни и осуждённых по «белогвардейскому заговору». Клеймёнов осознал, что ему предстоит заниматься такими делами и далее. После мыслей о самоубийстве пришла идея «дезертировать» из системы.

Согласно справке из следственного дела на Клеймёнова, он «в 1933 г. в Троицком и Бийском районах организовал к-р повстанческие организации для свержения советской власти. После того как восстание этой организации, назначенное на 1 августа 1933 г., не состоялось, Клеймёнов бежал в Китай». Чекисты долго потом вспоминали этот казус и ругали друг друга за потерю бдительности: «По делу изменника органов НКВД Клеймёнова имелись сигналы ещё в 1932 г., но отдел кадров это просмотрел».

На самом деле Клеймёнов не был настоящим заговорщиком, у него были только намерения. Летом 1933 г. он встретил своего старого друга С. О. Суспицына, приехавшего в Барнаул из Бийска на совещание районных пожарных инспекторов. Обсудив, что вытворяют власти с народом, друзья задумались о том, что они могут противопоставить этим преступлениям. Суспицын заявил, что знает несколько человек, готовых поднять восстание, и предложил Клеймёнову примкнуть к ним и возглавить мятеж. Тот согласился, после чего написал воззвание, в котором призывал крестьянство к вооружённому выступлению. Суспицын обещал через три дня приехать и начать действовать. Не дождавшись Суспицына в указанный срок, Клеймёнов, обдумав ситуацию и поняв, что восстание будет обречено, решил отказаться от выступления и бежать за границу. Воззвание он уничтожил.

Клеймёнов и примкнувший к нему брат Суспицына — М. О. Суспицын — на попутной машине, а затем на подводах добрались до Горного Алтая, желая уйти в Китай. (Также скрылись и позднее были объявлены в розыск ещё два человека.) Чтобы выиграть время, Клеймёнов послал в оперсектор телеграмму о том, что получил травму и задержится в районе. Перебираясь через горы, беглецы повстречали напавших на них охотников-казахов и разбежались, потеряв друг друга.

В итоге экс-чекист не смог перейти границу и жил на нелегальном положении под фамилией Проскуряков в Казахстане и Саратовской области до 1948 г., пока не был вычислен, пойман и осуждён (среди обвинений значилась и попытка вновь уйти за кордон). Бывшие же его коллеги были уверены, что Клеймёнов благополучно обосновался в Китае и торгует там чекистскими тайнами [90]. Неприятность для всего аппарата ОГПУ в целом была очень серьёзная — побег за границу оперативного работника неизбежно компрометировал начальство. Такой факт не мог не вызвать нареканий на Алексеева, убранный из центрального аппарата как раз в связи с делом «изменника», пусть и придуманного.

Тем более что фактическое дезертирство — под разными предлогами — ряда оперативников из ОГПУ не исчерпывалось казусом с Клеймёновым. Даже закалившиеся в фабрикациях крупных политических дел следователи порой старались покинуть «органы». Вот один из заметных авторов «белогвардейского заговора» — Москвитин из всё того же Барнаульского оперсектора ОГПУ. В 1933-м он сфабриковал дела на 53 человека, из которых троих расстреляли, шестерых упрятали на десять лет в лагерь, а 23 дали по пять лет. А уже в ноябре 1933 г. Москвитина исключили из партии «за потерю классового чутья, дезертирство с учёбы и работы из органов ОГПУ» [91].

Но замечательные успехи чекистов края, проведших масштабнейшие дела и расстрелявших к исходу лета 1933 г. значительно более тысячи «врагов народа», перевесили на тот момент бегство одного из рядовых оперработников. Работавший до мая 1933 г. начальником Барнаульского оперсектора ОГПУ И. А. Жабрев был, как уже говорилось выше, переведён в Новосибирск на должность начальника СПО полпредства и сохранял свою новую, куда более ответственную, должность более трёх лет. И сам Алексеев, насколько известно, не был наказан и продолжал работать в Новосибирске ещё полтора года.

«Самодур с интеллигентским душком»

Полученные щелчки обязывали Николая Николаевича держать ухо востро и пресекать малейшие кадровые ошибки. А их хватало. В 1933 г. участковый комендант Тарской спецкомендатуры Сиблага ОГПУ Д. Ф. Нестеров — хозяин над тысячами раскулаченных — был разоблачён как скрывший своё происхождение. В приказе Алексеева от 11 декабря 1933 г. Нестеров фигурировал в качестве кулака, подлежащего немедленной «экспроприации».

Мстислав Ерофеев — уполномоченный ЭКО полпредства ОГПУ — активно участвовал в фабрикациях «заговора в сельском хозяйстве», во главе группы оперативников курируя «вскрытие» его барнаульского филиала. По мнению своего начальника М. А. Волкова-Вайнера, Ерофеев показал себя не только хорошим чекистом, но и самодуром с «интеллигентским душком». Этот «душок», проявившийся в неподобающих разговорах, и сгубил активного чекиста. Летом 1934 г. на чистке М. И. Ерофеев был вычищен из партии как «сын крупного торговца, как двурушник (в тесном кругу товарищей вёл

беспринципные разговоры о возникновении контрреволюционной организации в сельском хозяйстве как результате неправильной политики партии, одновременно старался прикрыть свои политические взгляды хорошим проведением следствия по этим группировкам), карьерист...»

Потом его восстановили, снова исключили, опять исключили-восстановили; летом 37-го он был окончательно изгнан из ВКП (б) за былую критику совхозов и связь с врагами народа. Во время чистки в 1934 г. исключили из партии и секретаря Секретно-политического отдела Д. К. Грищенко — «за скрытие соцпроисхождения из кулацкой среды, политическую пассивность и безграмотность» [92] .

На исходе 1934 г. кадровики Алексеева разоблачили ещё одного пробравшегося в «органы» врага. Им оказался скрывший родственников-«кулаков» чекист немецкого происхождения Б. Кооп, в первой половине 30-х годов работавший начальником Немецкого райотдела ОГПУ-НКВД на Алтае. Он верно служил режиму и однажды попал в опасную ситуацию: при раскулачивании в с. Гальбштадт 2 июля 1930 г. вспыхнуло короткое и бескровное восстание, во время которого Коопа на несколько часов арестовали и взяли в заложники.

Но этот эпизод не помог ему в 1934-м, когда Коопа сделали козлом отпущения и разоблачили как затаившегося кулака: 23 октября на бюро райкома ВКП (б) в присутствии секретаря крайкома К. М. Сергеева и замначальника Особого отдела УНКВД ЗСК К. Ф. Роллера по постановлению крайкома «за бездеятельность в борьбе с саботажем хлебопоставок и отсутствие борьбы с кулацкими элементами» чекист был выведен из бюро, исключён из партии и снят с работы. Дополнительно его обвинили в кулацком происхождении и допущении некоего «предательства» в аппарате райотдела. Изгнанный из НКВД, Кооп не позднее лета 1938 г. был осуждён как участник «фашистской организации».

В 1934 г. сотрудники управления НКВД вскрыли истинную классовую сущность начальника Иконниковского райотдела ОГПУ-НКВД П. В. Воробьёва. Он, оказывается, происходил из богатых крестьян, служил добровольцем в белом карательном отряде И. Н. Красильникова, скрывал сведения о дяде — жандарме и участнике Муромцевского крестьянского восстания, расстрелянном в 1930-м. В 1932 г. чекист «допустил искривление ревзаконности, выразившееся в истязании людей в милиции»; также он имел ранее строгий партвыговор с предупреждением за незаконное приобретение оружия. В декабре 1934 г. Воробьёв был исключён из партии как чуждый элемент [93] .

А вот нахальство начальника Купинского райотдела НКВД И. У. Абрамовича, попавшегося на шпионаже за партактивом, не вызвало негативной реакции у полпреда. В сентябре 1934 г. бюро Купинского райкома ВКП(б) отметило «исключительно антипартийный поступок» Ивана Абрамовича, «который, объективно пойдя по поводу слухов и клеветы обывательско-мещанских элементов», установил слежку за квартирами секретаря райкома, председателя

райисполкома и начальника политотдела МТС с целью выявления фактов пьянства с их стороны.

Бюро заявило, что начальник райотдела неправильно информировал своё начальство и попросило Алексеева «разъяснить тов. Абрамовичу объекты слежки». Десять дней спустя полпред сообщил Эйхе, что все сообщения о скандальном поведении районного начальства подтвердились, а данных «о слежке со стороны Абрамович[а] не имею». Любопытного чекиста со временем просто перевели в другой райотдел.

Введение должностей заместителей начальников политотделов по работе ОГПУ-НКВД в совхозах и МТС обострило ситуацию с кадрами. В некоторых районах оказалось по семь-восемь таких чекистских заместителей, что очень заметно повлияло на рост численности оперсостава. Новое пополнение нужно было спешно обучать. Но прежде всего его надо было получить — во многом за счёт местных ресурсов. Крайком 27 августа 1934 г. по письму Алексеева постановил: «Учитывая крайне напряженное состояние с кадрами для управления НКВД по краю, поручить т.т. Волкову и Яскерович разработать порядок по проведению отбора работников для управления НКВД... в количестве 75 чел.». Месяц спустя крайкомом была утверждена разнарядка по мобилизации 75 чел. по районам края [94].

«Применял физическое воздействие»

О том, какая полицейщина процветала в чекистских рядах, говорит один красноречивый эпизод. Первомайской ночью 1933 г. чекисты с помощником начальника раймилиции ст. Тайга много часов наблюдали за подозрительным сборищем в доме машиниста Полицкого, семейство которого увлечённо играло в лото. Под утро они не выдержали и ринулись штурмовать дом: один выбил раму, влез в окно, выпалил в потолок и заорал: «Ложись!», другой ворвался в дверь. Как писал в ОГПУ и крайком секретарь райкома Чугунов, «конечно, всё перерыли, перепугали старых и малых, всех 8 чел. арестовали» и освободили только на следующий день. Проигнорировав вызов на бюро райкома, чекисты затем упрямо повторяли: «А зачем они собираются в квартире и трезвые сидят всю ночь?» [95]

Любой арестованный считался заведомо виновным и подвергался жестоким допросам в случае отказа признать вину. А требовали признаний в том, что подследственный состоит в какой-либо заговорщицкой или хотя бы «вредительско-саботажнической» организации. Большинство чекистов служили ревностно и ради раскрытия очередной «организации» не жалели усилий. Тем более не жалели арестованных. Информация М. А. Клеймёнова о распространённости избиений арестованных в начале 1930-х гг. полностью подтверждается и материалами реабилитационных расследований 1950-х гг., и более ранними ведомственными проверками.

Пыточное следствие процветало и подчас самых «активных» приходилось осаживать. В июле 1932 г. были наказаны несколько сотрудников Анжеро-Судженского райгоротделения ОГПУ: особист Митрофан Соболев, сверхштатные уполномоченные Дмитрий Линов с Пантелеймоном Селивановым, а также Лазарев и Комосько. За участие в пытках арестованных 7 сентября 1932 г. Коллегией ОГПУ Соболев был осуждён на три года лагерей, но через 16 месяцев освобождён. Остальные получили по 15 суток ареста: Линов благополучно проработал в «органах» ещё 20 лет, Селиванова понизили до участкового коменданта, но одновременно он был избран в состав Анжеро-Судженской горКК ВКП (б), получив право вести следствие по проступкам коммунистов.

Через наказанных за нарушения законности в первой половине 30-х годов весьма и весьма внушительна. Помощник уполномоченного Бирилюсского райаппарата ОГПУ Салопов «при допросе арестованного применял физическое воздействие» и пытался его застрелить при якобы «попытке к бегству». Раненный выжил, а Салопов в 1932 г. был арестован и отдан под суд Коллегии ОГПУ. Оперработник Барабинского райотдела ОГПУ С. Я. Труш в 1932 г. отделался 15-суточным арестом «за неправильные методы следствия» [96].

Оперативник Топчихинского райаппарата ОГПУ А. П. Предвечный также «отличился» при допросах арестованных. «За подтасовку материалов, запугивание обвиняемых... и насильственные незаконные действия» краевой суд в июле 1933 г. постановил привлечь зарвавшегося алтайского чекиста к уголовной ответственности. Но пять дней спустя за нарушения законности ему вынесли от полпредства административное взыскание... и Предвечный спокойно продолжил службу, постепенно продвигаясь вверх. Краевой суд, таким образом, остался при своём мнении, которое никого не интересовало.

Уполномоченный Мариинского райотдела ОГПУ Тимофей Соколов к 1933 г. получил за грубость девять взысканий (по одному за каждый год службы: три выговора и шесть арестов), оказавшись в итоге исключённым из ВКП (б) и уволенным — за грубость и угрозы при допросах, а также избивание милиционера. В марте 1934 г. прокурор Томского оперсектора ОГПУ передал на расследование в оперсектор материалы на сотрудников Тяжинского райотдела ОГПУ, которые вымогали признания, угрожая арестованным расстрелом «через 2 минуты». В конце 1934 г. в УНКВД имелись сведения об избивании арестованных в Шипуновском райотделе и присвоении чекистами их вещей [97].

В апреле 1934 г. аппарат особоуполномоченного составил обвинительное заключение на группу оперработников Старобардинского райаппарата ОГПУ: П. Ф. Рябова, В. И. Бужерю, И. А. Леонтьева и заместителя начальника политотдела маслосовхоза № 171 по оперработке Г. А. Михайлова. В 1933-м они ударно выполняли особо важное поручение начальства — найти тех, кто хранит у себя золотые изделия, и добиться полного изъятия ценностей. Для этих целей начальники райаппарата Рябов, а затем и Бужеря использовали неотопливаемый

сырой подвал и конюшни, где неделями держали алтайских крестьян, заподозренных в утаивании ценностей.

Они арестовывали без санкции прокурора и издевались как могли: допрашивали целыми днями, не давали хлеба и воды, избивали. Особенно усердствовал уполномоченный Иван Леонтьев — новичок, работавший в ОГПУ с 1932 г. и отчаянно старавшийся выслужиться. Так, в августе 1933 г. по подозрению в хранении золота были арестованы три человека, в том числе М. Бжицкий и В. Чашалов — старик 85 лет. Их держали в подвале на голой земле, а на допрос Леонтьев волок их за бороды. Устав бить, Леонтьев приказывал арестантам самим хлестать друг друга по щекам. Начальник райаппарата Павел Рябов, грозя застрелить, наставлял на Бжицкого ружьё.

Не выдержав, Бжицкий «признался», что золото у него есть и хранится в подвале. Леонтьев сделал обыск и, ничего не найдя, избил Бжицкого, а потом за ногу выволок несчастного во двор здания райаппарата. Тот, не в силах идти, на четвереньках кое-как дополз до арестного помещения. Проведя несколько дней без питья, Бжицкий у каких-то рабочих выпросил воды, напился и сразу почувствовал себя плохо. Его поспешили освободить и Бжицкий, привезённый домой, умер на следующий же день. Также Леонтьев и Рябов запугивали расстрелом С. Иванову, подозревавшуюся в хранении «кулацких вещей».

Г. А. Михайлов в декабре 1933 года пьяным вызвал на допрос гражданку Суртаеву и, требуя золото, сначала выбил ей зуб, а потом оглушил, ударив рукояткой нагана. Тут присутствовавший при допросе начальник райаппарата Владимир Бужеря сказал, что так делать нельзя. Тогда Михайлов отвёл Суртаеву в ледяной подвал, избил и, забрав одежду, оставил сидеть в одном белье. Бужеря с Леонтьевым также мародёрствовали, отобрав у арестованных ботиночную кожу и самовар. Чекисты признали свою вину. Только Леонтьев отрицал факт мародёрства, заявив, что Рябов как начальник просто разрешил ему взять кое-что из чужого имущества.

Из Новосибирска обвинительное заключение было направлено в Коллегию ОГПУ, которая в мае 1934 г. вполне снисходительно осудила Рябова на два года лагерей. О привлечении к уголовной ответственности остальных сведений нет, но, вероятно, их ждала сходная участь [98] .

В остальных оперативных подразделениях творились аналогичные преступления. Работавший в Омском оперсекторе ОГПУ С. А. Тихонов не позднее мая 1934 г. Коллегией ОГПУ был осуждён на 10 лет концлагеря за «грубое нарушение революционной законности». Чтобы получить такой срок, нужно было совершить нечто весьма выдающееся. Помощник поселкового коменданта Тельбесского спецпосёлка (Кузбасс) Сиблага Шестопапов в конце 1932 г. избил и изнасиловал ученицу. Был арестован, но вскоре освобождён и в итоге отделался партвыговором. Несколько менее повезло Г. Ф. Крекову — коменданту того же Тельбесского спецпосёлка Сталинской райкомендатуры ОГПУ. За дебош и попытку изнасилования трудпоселенки он был исключён из

партии Горно-Шорским РК ВКП (б), а в октябре 1933 г. краевая контрольная комиссия постановила привлечь Кркеова к уголовной ответственности.

Алексеев прекрасно знал, как работают его подчинённые и старался взыскивать только с тех, кто не мог хорошо скрывать свои преступления. Некоторые наказания выглядели именно острасткой. Так, когда прокуратуре стало известно, что оперативник СПО В. А. Парфёнов, участвовавший в фабрикации дела о терроризме на троих новосибирских студентов техникума, угрожал одному из арестованных расстрелом, полпред в сентябре 1933 г. велел его символически арестовать на трое суток с исполнением служебных обязанностей [99].

Уличены в незаконной продаже...

Начальников лагпунктов, колоний и тюрем постоянно наказывали за частые побеги заключённых. Работавший до ноября 1933 г. начальником Барнаульского совхоза КУИТУ Т. Д. Говоруха получил от военного трибунала три года лагерей за допущение массовых побегов, принуждение заключённых работать по 16–18 часов в сутки, бесхозяйственность и пьянство [100].

А вот Л. М. Буда, руководивший Томским ИТУ, а с лета 1932 г. ставший начальником производственного сектора КУИТУ, был сначала наказан сурово, но в итоге отделался довольно легко. Сначала его уволили и в конце 1932 г. выгнали из партии за засорение Томского ИТУ чуждым элементом, самоснабжение и срыв производственных планов. В октябре 1933 г. военный трибунал СибВО дал Леониду Буде семь лет концлагеря за допущение массовых побегов заключённых, высокую их смертность (в тюрьмах Томска только в январе - мае 1932 г. умерло 930 арестантов) и невыполнение производственных планов. Однако вскоре приговор был смягчен и заменён на условное заключение сроком на два года.

Часто за побеги ссыльных гулаговцы получали совсем необременительные взыскания. Прокофий Свиридов, участковый комендант Прокопьевской комендатуры Сиблага, за побеги в марте-апреле 1934 г. целых 308 трудпоселенцев был арестован на 5 суток с исполнением служебных обязанностей. Точно такое же наказание за слабую борьбу с побегами тогда же постигло участкового коменданта Колпашевской спецкомендатуры Сиблага Михаила Херлова. Начальник Сталинской ИТК массовых работ Мотовилов за развал работы и массовые побеги (до 180 чел. в месяц) в июле 1934 г. был отчислен из системы КУИТУ [101].

Хватало в чекистской среде и просто уголовного жульничества: растрат, подлогов, хищений, а также убийств. Наказания, как водится, были более чем умеренными. Что к пыткам, что к воровству и распутству со стороны чекистов ведомственный суд был весьма снисходителен. Сотрудник полпредства П. П. Чернявский летом 1933 г. был исключён из партии как осуждённый к заключению в концлагерь на 5 лет за присвоение и продажу через Торгсин

«казённого золота», однако в 1937-м он числился в аппарате УНКВД по Запсибкраю. Оперативник полпредства ОГПУ В. Б. Брутов-Горенштейн в 1933 г. был исключён из партии за злоупотребление служебным положением и осуждён Коллегией ОГПУ на 5 лет концлагеря за «самоснабжение», спекуляцию дефицитными товарами и присвоение вещдоков.

Замначальника погранотряда УПВО НКВД Запсибкрая Н. А. Пялов в октябре 1934 г. был осуждён военным трибуналом войск НКВД на три года лагерей за использование служебного положения в личных целях и контрабанду, но уже два месяца спустя Верховный Суд РСФСР постановил считать срок наказания условным [102].

Уполномоченный Сталинского горотдела ОГПУ А. И. Герасимов в июне 1932 г. был арестован за двухлетней давности растрату более 900 руб. из фонда, предназначенного для расселения кулачества. Он получил год заключения. Начальник Татарского райотдела ОГПУ В. В. Соловей (он ещё в 1924 г., работая в ОГПУ по Нижнеудинскому району Иркутской губернии, задолжал обществу потребителей 185 руб., но отказался платить, угрожая судом тем лицам, которые выдали ему деньги) в честь 15-летия «органов» был награждён пистолетом Коровина «за беспощадную борьбу с контрреволюцией». Вскоре, в 1933 г., его арестовали и за некие служебные преступления осудили на три года заключения.

Начальник Ленинск-Кузнецкого горотдела ОГПУ-НКВД Д. Ф. Аболмасов в августе 1934 г. был снят с этого поста и исключён из партии (ненадолго) «за потерю классово-бдительности, связь с чуждым элементом, бюрократические методы руководства, морально-бытовое разложение и проявление антигосударственных тенденций». Также Аболмасову вменялись в вину слабый контроль за работой аппарата горотдела и растрата 5.900 руб. Тамошний уполномоченный Ф. С. Янченко также был исключён из партии за пьянство и взяточничество, но вскоре смог оправдаться.

Начальник отделения Общего отдела полпредства ОГПУ П. Т. Яковлев 20 декабря 1932 г. «за преданность делу пролетарской революции» был награждён часами, но уже полгода спустя за связь с подчинённой машинисткой, избиение жены и попытку выслать её с помощью приятеля-начальника (в связи с чем жена покончила с собой) был исключён из партийных рядов. Но в «системе» Яковлев тем не менее остался [103].

Преподаватель оперкурсов полпредства ОГПУ М. П. Островой в декабре 1933 г. получил строгий выговор, а затем был исключён из партии за систематическое пьянство, избиение жены и заражение её сифилисом - с одновременным привлечением к суду за растрату 3,4 тыс. руб. Но после изгнания из ОГПУ распутный растратчик непостижимым образом тут же был взят на работу в систему... Наркомфина РСФСР! Подобные удивительные кадровые решения были обычным делом. Так, работник Сталинского горотдела ОГПУ П. К. Фомин, в 1933 г. находившийся под следствием по обвинению в изнасиловании

девочки, отделался строгим партвыговором «за половую распущенность», а в 1934 г. получил ответственную должность начальника особой инспекции КУИТУ.

Корыстные преступления были весьма характерны для чекистского начальства на местах. Повсеместное распространение получили так называемые «чёрные кассы», позволявшие вольно распоряжаться неучтёнными деньгами. Двойная бухгалтерия была зачастую просто необходима для сколько-нибудь эффективного ведения большого хозяйства чекистов в районах, когда нужно было обеспечить хорошие пайки личному составу, заготовить сено и корма для лошадей, необходимых и оперативникам для разъездов по сёлам, где происходили встречи с резидентами и агентами, и фельдъегерям, которых в штате было нередко больше, чем оперработников.

«Чёрные кассы» давали известную свободу маневра для хозяйственной деятельности, но часто вели к злоупотреблениям, так как укрытые от государственного глаза суммы были велики соблазн присвоить. Махинации с государственными средствами — судя по частоте разоблачений и партийно-судебных преследований — были повсеместны.

Чекистов постоянно разоблачали не только за двойную бухгалтерию, но и прямое воровство. Начальник войск погранохраны полпредства ОГПУ П. И. Иноземцев в апреле 1934 г. был исключён из ВКП (б) за расхищение казённого имущества и отдан под суд. Начальник Кемеровского горотдела ОГПУ М. Е. Сердюков вскоре после переезда на службу в Новосибирск был в сентябре 1934 г. арестован, провёл 20 дней под стражей и был чисто символически осуждён на один год лишения свободы условно за израсходование в Кемерове 11,5 тыс. руб., принадлежавших заключённым.

Н. Д. Кудрявцев, работавший начальником Карасукского райотдела ОГПУ-НКВД, в декабре 1934 г. был исключён из партии за самоснабжение и присвоение государственных средств, за что получил два года лишения свободы условно. Начальник Боготольского райотдела ОГПУ Боготский вместе со своим подчинённым К. Ф. Барабашкиным в 1933 г. были уличены в незаконной продаже изъятого у населения серебряного лома [104].

Эти примеры можно было продолжать и продолжать. Случалось и так, что весь аппарат районного отдела снимали с работы за злоупотребления. Например, в Купинском районе ЗСК в феврале 1932 г. за систематическое пьянство был снят райуполномоченный Д. С. Сумарев, затем осуждённый за растрату на 3 года концлагеря. Однако с новыми начальниками возникали аналогичные проблемы. Секретарь Купинского райкома ВКП (б) в письме к Роберту Эйхе в августе 1933 г. жаловался ему на «паршивые» дела в райаппарате ОГПУ, где прежний начальник В. И. Финочко допустил к работе нового райуполномоченного Д. В. Писарева только на второй день и после телеграммы из полпредства.

Финочко остался работать в качестве подчинённого, но саботировал партийные указания медлительностью и «отсебятиной». Однако фигура Писарева тоже смущала секретаря райкома: «...Работники ГПУ под великим секретом знают, что якобы нач. ГПУ района Писарев застрелил свою первую жену на почве ревности и почему то остался безнаказанным». Чиновник обратился к Эйхе с прямой просьбой разъяснить щекотливый вопрос о прошлом убийстве: «Я бы просил как-то информировать меня об этом, т. к. просто забыть это я не могу и требуется от меня какая то линия в этом вопросе, не исключена эта постановка вопроса и на ячейках при чистке. Поэтому прошу указаний». В конце года Писарева сняли не только за пьянство, но и как женатого на воспитаннице священника.

Один из купинских чекистов, М. М. Портнягин, в ноябре 1933 г. жаловался в Омский оперсектор ОГПУ на то, что коллеги из райаппарата — «просто компания ничего не делающих склочников». Он возмущался: «...На днях такой произошёл случай, что сплошные матоизвержения во время работы, последовавшие от жены Финочко, дошло до ушей арестованных обывателей. По селу ходят слухи, что в ГПУ — пьянствовать бросили, так взялись за склоку. [...] Жена Финочко — бьёт своего мужа и всё по одному глазу, чем попало и как попало... своё личное мнение [выражу], что Финочко... чем-то зависим от жены. Возможно его жена что-либо знает про Финочко».

В конце концов на исходе 1933 г. за систематическое групповое пьянство, допросы в нетрезвом виде и дискредитацию «органов» были сняты и райуполномоченный Купинского района Д. В. Писарев, и оперативник П. Н. Панов, а также проведено следствие в отношении замначальника политотдела Купинской МТС по оперработе К. А. Ревина [105] .

«Жеребкомы» и «Кружки любителей проституции»

Сексуальная распущенность советской номенклатуры была модой, утвердившейся в 20-е годы, когда процветали теории свободной любви и прежние семейные ценности отрицались как буржуазный хлам. В 30-е годы начальственный разврат приобрел скрытые формы, но отнюдь не вытеснялся куда-то на обочину привычных развлечений. Сексуальная жизнь провинциальных чиновников пока мало изучена, но архивный материал на эту тему весьма обилён. Например, для начальников, даже маленьких, была очень характерна тенденция иметь «гаремы» из подчинённых сотрудниц.

В сибирской провинции (где, начиная с 20-х годов, отмечалось повсеместное изобилие подпольных притонов) с деятельным участием работников ОГПУ возникали своеобразные мужские клубы сугубо эротического свойства. В 1930–1932 гг. в Бирилюсском районе (современный Красноярский край) существовала подпольная организация районного начальства «Райблядком», членами которой было более десятка человек, в т. ч. председатель РИКа, управделами РК ВКП (б), уполномоченные ОГПУ Салопов и фельдъегерь Мельников, инспектор КК-РКИ, сотрудник угрозыска, комсомольцы, а также

один из административных ссыльных. Штаб организации состоял из работников райфинотдела, которые летом 1931 г. открыто расклеивали по улицам свои «приказы», в которых объявлялось, кто из «Райблядкома» к какой женщине «прикреплен».

Деятельность организации, чьи ячейки имелись и в окрестных сёлах, прекратилась в начале 1932 г. в связи со сменой руководства района, причём сведения о ней лежали в ОГПУ и прокуратуре без движения. В феврале 1932 г. чекист Мельников якобы случайно застрелил председателя райпрофсовета И. И. Зайцева, который, по сведениям прокурора, хотел передать судье какие-то материалы об организации. Показательно, что Мельников не был привлечён к ответственности — районные власти настаивали, что убийство произошло совершенно случайно. Хотя работа организации, чьи ячейки имелись и в окрестных сёлах, замерла к 1932 г., но вскоре, как отметило бюро крайкома партии, она восстановилась под новым названием — «Жеребком».

Можно предполагать, что похожие «райблядкомы» существовали и в других районах края. По крайней мере, термин имел хождение среди номенклатуры. Например, когда в феврале 1933 г. разбиралось скандальное дело нарсудьи Тиганова, известного распутством и дискредитацией власти на весь Называевский район (современная Омская область), он гордо именовал себя председателем «райблядкома» [106] .

Эротический кружок в Нарыме был более скромного свойства, но тоже опирался на работников «органов». Поселковый комендант Айполовской и Больше-Гривской комендатур ОТП Нарымского оперсектора ОГПУ И. В. Силицкий был снят с работы и в марте 1934 г. исключён из партии «за организацию и руководство подпольного кружка ««Клуб любителей проституции»». По всей Сибири постоянно обнаруживались притоны (даже в сёлах), усердно посещаемые и местным начальством. Чекисты и милиционеры всегда могли оправдать свои визиты в весёлые дома так называемой «оперативной необходимостью» [107] .

Воспитание чекистов, помимо мер административного воздействия, шло привычно-бюрократическими способами. В 1934 г. чекистов-транспортников ст. Барабинск ругали во время партийной чистки за то, что соревнование и ударничество считается в коллективе, сильно пьющем (одного из сотрудников так и звали между собой — «спиртоносец») и наполовину политически неграмотным, ненужной и вредной «затеей». Чекистам рекомендовали «развернуть соцсоревнование на лучшее обслуживание посетителей, лучшую постановку делопроизводства, быстрое исполнение запросов и лучшее проведение общественной работы» [108] .

Война против «сброда преступников и хищников»

Милиция 1920 - 1930-х гг. представляла собой жалкое зрелище, будучи насквозь непрофессиональной и коррумпированной структурой. Ещё в 1921 г. начальник

Сибмилиции И. С. Кондурушкин без малейшего намёка на охрану чести мундира заявил сибирским властям: «Милиция Сибири, особенно уголовный розыск - это опасная банда, а не охрана Республики, разложившаяся морально и экономически». Следующие десять лет не изменили ситуацию. В 1929 г. по краевой госмилиции было осуждено за должностные преступления 14,9 % состава, а по системе угрозыска — 7,7 %. Особенно выделялась милиция Канского округа, где показатели преступности оказались вдвое больше средних.

А в 1933 г. прокурор Западной Сибири И. И. Барков в докладной записке крайисполкому отмечал, что личный состав органов милиции представляет собой «сброд преступников и хищников», пьянствующих и ворующих вещественные доказательства. Характерно в этом отношении дело начальника Ленинск-Кузнецкой гормилиции П. А. Пищаева, который в 1932–1933 гг. «занимался присвоением изъятых при обысках ценностей, брал взятки за прекращение следственных дел и освобождение арестованных», однако отделался лишь партийным выговором [109] .

С 1931 г. милиция находилась в прямом подчинении ОГПУ-НКВД. Наличие разветвлённого милицейского аппарата позволяло чекистам быстро проводить массовые репрессивные акции. Но поскольку качество милицейских сотрудников было удручающим, под руководством Алексеева в 1934 г. была проведена масштабная чистка этого вспомогательного аппарата. Коррупция и обилие «чуждых элементов» в среде правоохранителей вынуждали власти постоянно устраивать грандиозные чистки, изгоняя в ходе очередной кампании значительную часть милицейских работников. В начале 1931 и начале 1932 г. крупные чистки сильно перетряхнули начальствующий состав милиции Запсибкрая [110] . Тем не менее перелома ситуации достичь не удалось: традиция уголовщины в милицейской среде сохранялась и стабильно воспроизводила себя.

Поскольку коррупция цвела пышным цветом, это вынуждало власти постоянно устраивать грандиозные чистки, изгоняя в ходе каждой кампании значительную часть оперработников. Тем не менее начальники городских и районных отделов милиции сплошь и рядом выглядели не менее опасными уголовниками, чем те жулики, за которыми милиционеры охотились. На стол Алексеева одна за другой ложились сводки, из которых следовало, что правоохранительный аппарат, как и в 20-е годы, активно срачивался с преступным миром.

Так, в 1934 г. в организованную шайку новосибирских базарных воров входили местные милиционеры, отвечавшие как раз за порядок на рынке. Старший инспектор мобилизационной инспекции НКВД Иванов организовал вооружённую банду, занимавшуюся квартирными и уличными ограблениями. Участковый инспектор первого отделения милиции Зибров вместе с одним из бригадмилейцев также практиковался в вооружённых грабежах. В других городах творилось то же самое, что и в краевом центре. Из общего числа осуждённых за первое полугодие 1935 г. милицейских чинов был один

расстрелянный — барнаульский милиционер, совершивший тройное убийство с ограблением [111].

В октябре 1934 г. прокуратура вскрыла существование при Ойротской (Горно-Алтайской) облмилиции «трудового посёлка», в котором содержалось 23 человека, включая детей, арестованных без санкции прокурора и обязанных исполнять принудительные работы в пользу милиционеров. Милицейские рабы обслуживали своих хозяев месяцами, получая лишь хлебный паёк. Наказание виновных было типичным для той эпохи: мундирные рабовладельцы отделались дисциплинарными взысканиями.

Сибирские милиционеры пьянствовали, избивали и грабили арестованных, присваивали вещественные доказательства, а проверки между тем показывали, что «почти во всех подразделениях, как правило, серьёзные преступники бегут из арестных помещений». За 1932 г. из исправительных учреждений края бежало 8,5 тыс. заключённых, или 9 % от их общего числа. За первые 9 месяцев 1933 г. из Сиблага и колоний КУИТУ бежало 12.362 чел.

Очередная грандиозная чистка в милиции затронула не только лиц, сомнительных по части происхождения и политической грамотности, но и массу всяческого жулья. За несколько месяцев Алексеев уволил сотни руководителей и тысячи рядовых милиционеров: с июля 1934-го по 13 февраля 1935 г. было изгнано 65 начальников из краевого аппарата и 436 — из периферийных отделений. Из 501 уволенного милицейского чиновника под суд пошли целых 118. За второе полугодие 1934 г. среднего и высшего начсостава было осуждено 84 чел., за первое полугодие 1935-го — тоже 84 (среди их вин преобладали нарушения законности и корыстные преступления). Что касается рядового состава, то его тоже крепко почистили, уволив примерно 30 % [112].

Но, конечно, милиция оставалась правой рукой ОГПУ-НКВД, помогая очищать социалистическое общество от «вредных насекомых». Голодные крестьяне за растаскивание колхозного имущества осуждались тысячами, причём в превращении арестованных за воровство в «хищнические» и «саботажные» антисоветские организации активное участие вместе с милицией принимали органы ОГПУ-НКВД. Хищения расценивались властями как враждебные политические акты. Один из начальников политотделов МТС подчёркивал, что воровство в колхозах являлось главным элементом сопротивления классового врага. За хищения по краю с августа 1932-го по 1 февраля 1933 г. по «закону о колосках» было осуждено 6,2 тыс. чел., а с 1 февраля по 15 августа 1933-го — 7,4 тыс. чел. В течение 1934 г. за хищения арестовали и судили ещё больше — 19.088 чел.

Борьба с люмпенами в основном лежала на милиции. За второе полугодие 1933 г. ею было «изъято и осуждено» 1.814 человек, отнесённых к категории «социально-вредного элемента», а за второе полугодие 1934 г. — уже 3.381 человек. Почти половина «изъятых» пришлась на Новосибирск. Осуждением этой криминальной прослойки занимались чекисты. Всего за 1934 г. тройкой

полпредства ОГПУ было осуждено 8.322 представителя «социально-вредного элемента», затем темпы очистки резко снизились: за первый квартал 1935 г. таковых осудили 809 чел., за первые три недели апреля 1935 г. — 261 чел. Новый сильный удар по криминалу с помощью внесудебных органов будет нанесён в 1937-м.

Общая уголовная преступность в советские времена росла стремительно: если в 1913 г. в Новониколаевске было зафиксировано 1.501 преступление, то в 1933 г. (при вдвое большем населении) — 9.763. За первый квартал 1934 г. в крае было зафиксировано 145 случаев убийств из классовой мести — эта цифра выглядит преувеличенной, поскольку в 1935 г. она оказалась многократно меньше [113]. Однако на селе действительно нередко были случаи расправ с активистами, проводниками коллективизации и налоговых кампаний.

Организованная преступность в 30-х годах процветала, так что в середине 1930-х гг. жители крупной ст. Тайга Томской железной дороги были вынуждены, опасаясь грабежей, на ночь забирать свою скотину в дома. Постоянным покушениям подвергалось колхозное и государственное имущество. Летом 1934 г. вооружённые алтайцы и казахи, объединённые в банды, в Усть-Канском аймаке Ойротской автономной области угоняли лошадей и грабили табунщиков, причём преследование этих шаек чекистами было малоуспешным [114].

По организованной преступности в крае периодически наносились чувствительные удары: за 1933 г. было ликвидировано 150 банд, к уголовной ответственности привлечено 809 участников, из которых 294 получили высшую меру наказания. За первый квартал 1934 г. милиция пресекла деятельность 104 банд с 418 участниками, а всего за 1934-й удалось ликвидировать 269 «бандитско-грабительских групп» с числом участников 1.010 чел., у которых изъяли 298 винтовок, 805 револьверов и 983 охотничьих ружья. За первые шесть месяцев 1934 г. тройка ОГПУ осудила по делам о бандитизме 176 чел. к расстрелу, а 251 — к заключению в лагерь. Помимо тройки (то есть уже в общесудебном порядке) за 1934 г. по делам о бандитизме и разбое в Запсибкрае было приговорено к высшей мере наказания 85 преступников.

Охраняя урожай, милиция к середине ноября 1934 г. завела 5.408 дел на расхитителей колхозного хлеба, по которым оказалось привлечено 8.601 чел. (из них, правда, арестовали меньшую часть — 1.704). Самого хлеба изъяли 127,3 тонны. У спекулянтов за 1934 г. изъяли 92,4 тонны зерна, 94 тонны муки и 7,8 тонны печёного хлеба [115]. Документы также говорят, что милиционеры не только активно помогали чекистам в арестах и допросах, но также нередко участвовали в расстрелах осуждённых за общеуголовные и политические преступления.

Устранение начальника УНКВД

Чекисты подчас - наряду с колхозниками, бригадирами, директорами совхозов и МТС - становились жертвами больших сельскохозяйственных кампаний, шедших под лозунгами максимальной выкачки хлеба. В случае провала хлебозаготовок местные руководители исправно исключались из партии, нередко отправляясь за решётку.

Начальник Угловского райаппарата ОГПУ М. А. Моргунов в феврале 1933 г. был исключён из партии и затем осуждён на три года лагерей за укрытие (вместе с работниками этого алтайского района) от сдачи государству 170 цнт зерна. Отсидев 16 месяцев, Моргунов вышел на свободу и был принят в систему Сиблага. В июне 1933 г. райуполномоченный ОГПУ по Муромцевскому району Марыгин обвинялся по делу о разбазаривании хлеба. В декабре 1933 г. крайКК ВКП (б) поручила партколлегии привлечь райуполномоченного ОГПУ В. Д. Василевича и других ответработников Чулымского района к ответственности за махинации с хлебозаготовками, бесхозяйственность и незаконные поборы с колхозников [116].

Но самым ярким примером здесь может служить судьба самого Н. Н. Алексеева, которого осенью 1934 г. сделали крайним за проблемы в хлебозаготовках. Их трудности, связанные с затяжными дождями, центральные власти свалили на кулацких вредителей, не разоблачённых чекистами. Ни служебная активность, ни неформальные связи с руководством края ничем не смогли помочь видному чекисту, совершенно неожиданно для себя попавшего во вторую по счёту опалу.

Казалось бы, аппарат Алексеева демонстрировал подходящую чекистскую хватку: с 1 января по 3 августа 1934 г. управлением НКВД была ликвидирована 301 контрреволюционная группировка с 1.875 участниками, изъято 300 «антисоветских одиночек». В 1934 г. тройка при полпредстве ОГПУ не получала из центра полномочий расстреливать осуждённых. За первое полугодие она осудила по политическим делам «только» 3.202 чел. (арестовано же органами ОГПУ Запсибкрая было с 1 января по 10 июля 1934 г. 7.818 чел.) [117].

Однако сохранение весьма высокого уровня репрессий совершенно не помогло начальнику УНКВД. А ведь чекисты старались как могли. Например, в сентябре 1934 г. оперативником 2-го отделения СПО УНКВД ЗСК Я. С. Турчаниновым было сфабриковано дело повстанческой организации «Союза освобождения угнетённых и порабощённых крестьян и рабочих», выступавшей за установление демократической республики. По этому делу на Алтае был осуждён 41 чел., из которых девятых расстреляли по приговору спецколлегии крайсуда от 7 октября 1934 г.

Грубо атакованные в «Правде» по указанию Сталина, перепуганные власти края толику своего гнева обратили против органов НКВД, «проспавших» саботаж. Так, козлом отпущения стал О. С. Стильве — начальник Анжеро-Судженского горотдела НКВД. 19 сентября 1934 г. бюро Запсибкрайкома ВКП (б) предложило Алексееву арестовать Стильве на 10 суток с последующим

переводом на нижестоящую работу за допущение единоличниками саботажа хлебозаготовок в районе [118] .

Краевые власти разобрались с чекистами местного масштаба, союзные — с самим начальником краевого УНКВД. В письме Сталину Генрих Ягода в сентябре 1934 г. писал, что, выполняя указания вождя, выслал две группы оперработников — в Ленинград и Западную Сибирь. Работу начальника ЛенУНКВД Филиппа Медведя проверял начальник Экономического отдела ГУГБ Л. Г. Миронов, Николая Алексеева — заместитель Ягоды Г. Е. Прокофьев. Ознакомившись с материалами проверок, нарком сделал вывод о том, что ни Алексеев, ни Медведь «абсолютно не способны руководить нашей работой в новых условиях и обеспечить тот резкий поворот в методах работы по управлению государственной безопасностью, который сейчас необходим».

Ягода обвинил чекистских начальников в том, что они не перестроили аппарата агентуры и собственно следственной работы в соответствии с директивами ЦК ВКП (б) и приказами НКВД: «Алексеев преступно проспал явление саботажа хлебопоставок в крае и не только не повёл борьбы с кулацкими саботажниками, но даже не сигнализировал об этом, так как не видел того, что происходит... фактически безобразно ослабил борьбу с контрреволюцией». Ягода просил санкции снять Алексеева и Медведя, упирая на то, что «решительный удар по виновникам... подтянет остальных начальников краевых и областных управлений», и опубликовать причины снятия в приказе. Нарком желал продемонстрировать остальным региональным начальникам, что грозит тем, кто допустит срыв важнейших хозяйственных кампаний.

Ягода планировал заменить Ф. Д. Медведя на Л. М. Заковского, а Алексеева — на В.А. Каруцкого, «который значительно выше Алексеева, является талантливым оперативным работником и имеет большой опыт». Ягода в конце своего письма подобострастно указывал: «Если Вы найдёте мои предложения правильными, я их поставлю на разрешение. Очень прошу сообщить Ваше мнение» [119] . Но Сталин не торопился с решением судьбы Алексеева и Медведя до самого 1 декабря, когда был убит Киров. Ягоду, возможно, это письмо в тот момент спасло - получалось, что вождь сам виноват в том, что не убрал Медведя из Ленинграда. Заодно с Медведем «полетел» с должности и Алексеев.

В период своей работы Н. Н. Алексеев вполне устраивал Р. И. Эйхе своей активностью в разоблачении бесчисленных врагов. После того как в 1932 г. Новосибирск покинул Заковский - земляк Эйхе и один из наиболее могущественных представителей разветвлённой латышской группы в руководстве Сибири, - Роберт Индрикович нашел общий язык и с его преемником Алексеевым, привычно руководя репрессивным аппаратом и давая ему «ценные указания» [120] . Но всё же хорошие отношения с главой Запсибкрайкома ВКП (б) Эйхе не помогли удержаться начальнику управления, поскольку вопрос о наказании Алексеева был решён единолично Ягодой с санкции Сталина. Характерно, что Эйхе, поначалу жестоко раскритикованный

самим вождём, уже в следующем году получил орден и место в Политбюро ЦК. Верхам было выгодно сделать крайним «в саботаже хлебопоставок» бывшего эсера Алексеева и сохранить (пока!) верного сталинского эмиссара в Сибири Роберта Эйхе.

Если работу Алексеева проверял Прокофьев, то деятельность Эйхе — Молотов и Каганович. Сразу после отъезда высокопоставленных инспекторов (два главных сталинских сатрапа в течение месяца на один регион — случай, похоже, беспрецедентный!) Алексей ринулся фабриковать новые организации, а Эйхе — скреплять своей подписью расстрельные приговоры в отношении «саботажников». При Новосибирском, Омском, Томском, Барнаульском и Минусинском оперсекторах НКВД были образованы судебные коллегии с правом самостоятельно вести дела и приводить смертные приговоры в исполнение. На 12 ноября 1934 г. в крае было осуждено 919 «саботажников», в том числе 240 — к высшей мере наказания.

Добрую половину этих приговоров Москва не утвердила, но Эйхе вполне обоснованно полагал, что кашу маслом не испортишь и тут уж лучше перестараться. В результате этой короткой кампании 118 «саботажников» пошли под пулю, в том числе иногда просто за невыход на работу. 22 октября крайком и крайисполком постановили командировать Алексеева в провалившийся хлебозаготовки Немецкий район «для проведения соответствующих мер на месте». В тот же день власти отправили начальника СПО УНКВД И. А. Жабреву и руководителя крайКК ВКП (б) М. И. Ковалёва разбираться с хлебозаготовками в Павловском районе.

Старались как могли и подопечные Алексеева. 26 октября 1934 г. начальник Томского оперсектора НКВД М. М. Подольский передал в судебные органы дело (служебное наименование — «Монголы») по обвинению 51 жителя Асиновского района в саботаже хлебопоставок. В суде группа, поджатая до 47 чел. (10 служащих и 37 крестьян, в том числе 10 — ссыльных) проходила уже как повстанческая контрреволюционная организация «Союз трудовых крестьян». Во главе её чекисты поставили адмссыльного статистика райпотребсоюза И. Г. Дубровина. Разбор дела был мгновенным. Выездная сессия краевого суда одного человека оправдала и ещё одному назначила условное наказание, остальных осудили без пощады: 2 ноября 1934 г. тринадцать человек из 45 были расстреляны [121].

А вот чекистам Болотнинского района похвастаться оказалось нечем: в октябре 1934 г. они вместе с оперативником краевого аппарата ЭКО Ф. С. Янченко в течение месяца вели следствие по «вредителям и саботажникам» в колхозе «Артполигон», но судебный процесс им подготовить так и не удалось из-за отсутствия должных обвинительных материалов. Карательная статистика говорит, что за 1934 г. только нарсуды края осудили 88.859 чел., из них по 58-й статье УК — 855 чел., в том числе 783 — за один IV квартал; по указу же от 7 августа 1932 г. осудили 2.235 чел [122].

Проявление недовольства вызывало жестокие преследования и фабрикацию политических дел. За декабрь 1934 г. особый отдел ГУГБ НКВД при 71-й стрелковой дивизии СибВО (Кемерово) учёл 24 факта «антисоветских настроений» и 35 фактов недовольства службой. Обращает внимание, что случаев недовольства службой было всего в полтора раза больше, нежели эпизодов, в которых фигурировали откровенно антиправительственные высказывания. Так, писарь 211-го стрелкового полка В. И. Вишневецкий желал расстрелять всех вождей, а начсостав якобы хотел отравить, для чего искал стрихнин, морфий и мышьяк; он был арестован по ст. 58-8-10 УК. Курсант школы 212-го полка комсомолец Чичков после убийства Кирова заявил: «Это несправедливо — объявлять красный террор, диктатура пролетариата сама себя погубит такими расстрелами, вызывая реакцию со стороны родственников расстрелянных» [123] .

Сразу после убийства Кирова по личному приказу Алексеева работниками СПО было сфабриковано дело на группу из семи «террористов», покушавшихся убить товарища Эйхе. Провокационную роль сыграла доносчица Евгения Тесленко, секретарь секции научных работников крайотдела просвещения, отправившая 7 декабря чекистам донос на Георгия Громова-Соколова: дескать, тот одобрял выстрел Николаева и сказал, что принадлежит к организации по свержению строя: «я пойду на террор и мне необходимо оружие», а также назвал четырёх членов организации. Тесленко заканчивала своё фантастическое послание (вероятно, написанное под диктовку энкаведешников) обещанием при необходимости сообщить и дополнительные сведения. На суде она заявила, что Громов-Соколов, с которым она вместе работала, якобы ещё в июне 1934 г. говорил, что он принадлежит к группе террористов.

Чекисты тут же арестовали давно находившихся под наблюдением бывших белых офицеров, а также консультанта госарбитража Дмитрия Вележева, который в царское время был присяжным поверенным, а в мае 1920 г. оказался в томской тюрьме и просидел год как член сфабрикованной в губчека повстанческой организации А. Гавриловича, коего он и не знал. Киоскер Фёдор Абрамов командовал ротой в армии Колчака, ранее дважды арестовывался чекистами. Старший экономист крайместпрома Пётр Колоярцев воевал штабс-капитаном в корпусе А. С. Бакича (был адъютантом полка) в Монголии, арестовывался «органами» в 1922 и 1933 гг. Братья Георгий и Алексей Громовы тоже имели скомпрометированную биографию: так, Алексей после гражданской войны, узнав, что за ним приходили из ЧК, долго скрывался под чужой фамилией. Братья Громовы под давлением следователей оговорили остальных арестованных, хотя далеко не всех их знали.

Обвинительное заключение Н. Н. Алексеев подписал 24 декабря. Крайсуд, несмотря на категорическое отрицание вины большинством подсудимых, вынес расстрельный приговор трём главным обвиняемым — Ф. Абрамову, П. Колоярцеву и Г. Громову-Соколову, остальные получили от пяти до десяти лет лагерей. Две недели спустя осуждённых расстреляли. Любые пожелания насильственной смерти вождям трактовались как терроризм и карались с

исключительной жестокостью. Так, студент рабфака новосибирского планового института Ф. Ф. Лукьянов 23 декабря 1934 г. был арестован как «террорист» и полгода спустя осуждён на 10 лет лагерей [124].

В первых числах января 1935 г., в Новосибирске арестовали инструктора крайсовета Союза воинствующих безбожников и натурального, без липы, троцкиста (и бывшего работника ОГПУ) Д. Н. Семёнова, одобрявшего убийство Кирова и жалевшего о том, что заслуженной пули избежала сама «вошь народов». На Кузнецком металлургическом комбинате чекисты схватили группу «зиновьевцев», включая начальника строительства прокатного цеха П. Тарасова с женой (дочерью известного ленинградского большевика-цекиста Г. Е. Евдокимова), начальника строительства мартеновского цеха А. Нарыкова, начальника горнорудного Тельбесского района Петровского и других [125].

Но все эти карательные судороги не спасли карьеры начальника западносибирских чекистов, хотя Сибирь он покинул только через три с лишним месяца после инициативы Ягоды о его снятии. В январе 1935 г. Алексеев был вынужден сдать дела своему преемнику В. А. Каруцкому и через некоторое время получил довольно заурядную должность одного из помощников начальника ГУЛАГа [126].

«За новую перекованную женщину!»

По крайней мере, Алексеев смог вернуться в Москву, хотя пять лет назад его должность была выше минимум на две ступени. Но в столице неудачника терпели недолго. Карьера Алексеева шла круто под гору. Алексеев с его интеллектом выделялся в набитом штрафниками аппарате ГУЛАГа, но общего языка с Берманом не нашёл, менее чем через год был понижен и отправлен руководить крупным концлагерем.

Не удержавшись в аппарате ГУЛАГа, бывший разведчик в декабре 1935 г. получил назначение в Ярославскую область (пос. Юга) на должность замначальника только что созданного Волжского ИТЛ НКВД — с одновременным исполнением обязанностей начальника строительства Угличского гидроузла. С марта 1937 г. Алексеев также работал начальником Рыбинского района Волжского ИТЛ НКВД. Единственным утешением стало присвоение звание старшего майора госбезопасности, соответствовавшее воинскому званию комдива. Оставшиеся у него полтора года свободы Алексеев наблюдал за карьерами знакомых чекистов со стороны, скорее всего понимая, что у него-то шансов вернуться в руководящие круги нет уже никаких.

Алексеев успел внести свой вклад в социалистическую индустриализацию, хотя так называемый Волгострой НКВД, с 1935 г. соорудивший масштабные гидроузлы у городов Рыбинска и Углича, оказался на деле большим долгостроем. По планам это строительство должно было обеспечить приток электроэнергии в регион за счёт Рыбинского водохранилища и сооружаемой на нём мощной ГЭС, а также проложить глубоководный путь на верхнем плёсе

Волги от Рыбинска до Иваньковской плотины канала Москва — Волга и углубить волжское дно ниже Рыбинска. Заключённые строили парный судоходный шлюз с подходными каналами и энергетической гидростанцией, а также напорные земляные сооружения и бетонную водосбросную плотину. Угличский гидроузел должен был обеспечить стране ГЭС (мощностью в 30 % от Рыбинской) и однокамерный шлюз. На всё строительство ушло полтора десятилетия...

Хозяйство у Алексеева было немаленькое. Численность заключённых в Дмитлаге (именно этому лагерю первоначально подчинялись подневольные строители гидроузлов) на 1 января 1935 г. составляла 192 тыс. человек. В Волголаге НКВД на 1 января 1936 г. числилось свыше 19 тыс. узников, год спустя — около 44 тыс. В дмитлаговском офицозе газете «Перековка» с тиражом 15.000 экземпляров (на всех её номерах стоял гриф «Распространение газеты вне лагеря воспрещается» или «Не подлежит распространению за пределы лагеря») можно отыскать любопытные лозунги и заголовки, отражавшие усилия властей по насаждению опыта шахтёра Стаханова за колючей проволокой:

«Каналоармеец! От жаркой работы растает твой срок! Сделать жизнь лагерника содержательной! Каждый лагерник может и должен быть перекован. За новую перекованную женщину! Потопим свое прошлое на дне канала! Отказчиков сделали ударниками. Стахановская работа — дорога к льготам. На кухне орудуют воры. Ковшом по заливке. Величайший в мире канал построим красивейшим по архитектуре. Клязьму раньше срока пропустим через водосброс. Выжмем из техники всё, что она может дать».

Отметим, что Алексеев оказался далеко не единственным бывшим закордонным работником, прозябавшим в системе ГУЛАГа. Начальником Дмитлага НКВД в то время работал видный разведчик С. Г. Фирин-Пупко, который оказывал явное покровительство бывшим коллегам. Так, его заместителем был С. В. Пузицкий — бывший помощник начальников Иностранного отдела ОГПУ и Разведуправления РККА, а другим замом в 1935-м стал бывший подчинённый Алексеева — экс-начальник Сиблага ОГПУ А. А. Горшков. Любопытным выглядит назначение в марте 1936 г. помощником начальника 7-го участка Волжского района Дмитлага опытного разведчика С. А. Ваупшасова, в конце следующего года откомандированного в Испанию. В официальных биографиях Героя Советского Союза Ваупшасова гулаговский эпизод никогда не фигурировал... [127]

«Давали нам всякую сволочь...»

Когда наступил 37-й, новосибирские чекисты на своих партсобраниях ругательски ругали Алексеева - за то, что полпред «хоронил» их «перспективные разработки», ограничивая количество разоблачённых врагов народа. То же самое было и в Москве. Комиссар госбезопасности 1-го ранга Л. М. Заковский в своей речи на пленуме ЦК в марте 1937-го отнёс Николая

Николаевича к тем ягодинцам, которые совершенно провалили чекистскую работу, заявив: «Потребовался приезд т. Молотова и его указания, чтобы Алексеев был снят с работы». Сидевший в президиуме В. М. Молотов не опроверг этого высказывания.

Наверное, без всякого удовольствия Алексеев воспринял бы выступления на партсобраниях нового начальника ГУЛАГа И. И. Плинера, обрушившегося на разоблачённых врагов-чекистов: дескать, «...к комплектованию кадров нашей системы подходили враги по-вражески; давали нам всякую сволочь, иногда фиксировали: из органов уволить, направить на работу в систему ГУЛАГа, иногда и без этой оговорки» [128]. Но к этому времени Алексеев сам превратился в узника, которому предъявили обвинения в тяжчайших государственных преступлениях. В результате истязаний на Алексеева дали показания о его шпионской и заговорщицкой работе ягодинский заместитель Г. Е. Прокофьев, а также бывший «борьбист» и разведчик М. С. Горб.

После ареста в ночь на 27 июня 1937 г. из Алексеева за несколько недель точно так же выбили признания в заговорщицкой и шпионско-вредительской деятельности. Он признался в том, что во время работы в Лондоне был завербован британской разведкой, причём вербовщицей ему назначили ту самую черчиллевскую кузину Клэр Шеридан, в начале 1925 г. якобы обработавшую — с помощью полпреда Христиана Раковского — резидента ИНО Алексеева, после чего он в течение 10 лет снабжал англичан секретной информацией. А в 1935 г., прекратив шпионскую работу, был сразу завербован Ягодой в заговорщики...

Полгода спустя судьбу шпиона, заговорщика и вредителя решил лично Сталин, на стол которого 7 декабря положили перечень чекистов, подлежащих осуждению в так называемом «особом порядке». Вождь и его присные Молотов со Ждановым подписали листок, в котором среди двенадцати жертв был и Алексеев, тем самым обрекая своих ненужных более слуг на смерть без какого-либо юридического оформления. Так Алексеев, уведённый на расстрел 9 декабря, избежал комедии суда и узнал о своей судьбе в самые последние минуты. По тем временам это выходило немаленькой милостью.

В 1956 г. военная юстиция пересмотрела дело Алексеева. Обвинения в участии в заговоре Ягоды, шпионаже в пользу английской разведки в период 1925–1935 гг. и вредительстве при сооружении Волжской плотины были признаны несостоятельными. 20 июня 1956 г. Николай Николаевич был реабилитирован Военной коллегией Верховного суда СССР за отсутствием состава преступления. Изучением его карательной деятельности в Центральном Черноземье и Сибири при пересмотре дела юристы не занимались, рассмотрев обвинение формально: налицо казнённый без суда лагерный начальник, дело на которого сфабриковано от первой до последней строчки. Раз он не шпион, не заговорщик и не вредитель, значит, подлежит реабилитации. Так вот и пролез чекистский верблюд в игольное ушко советской юстиции.

